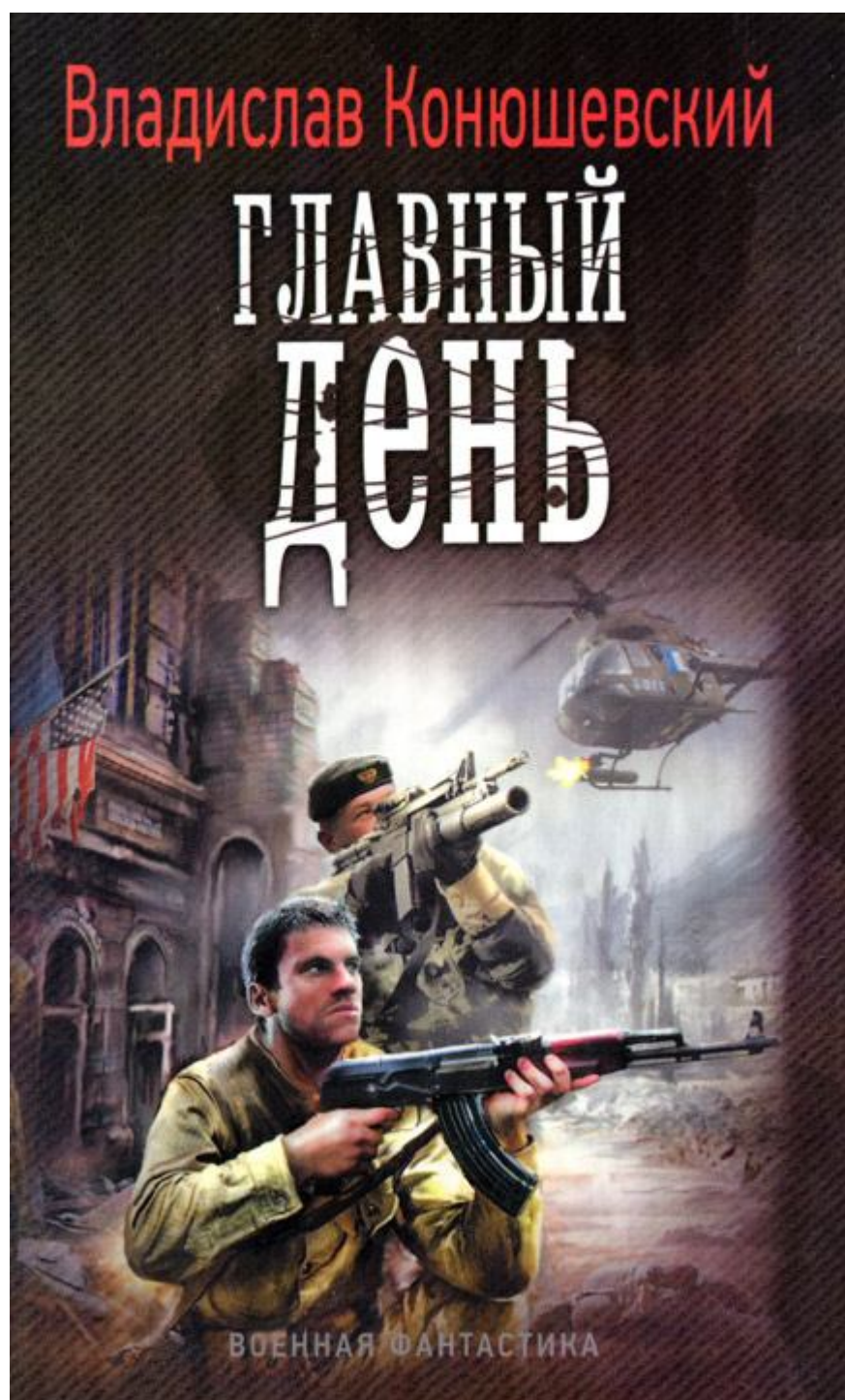

Владислав Конюшевский
Главный день

Иной вариант – 2

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan - Mapфушка; Illustr - FaerSalamandra; OCR, ReadCheck, Conv - Navigator;) <http://huge-library.org/>
«Владислав Конюшевский «Главный день»»: Ленинград; СПб.; 2012
ISBN 978-5-906017-54-3

Аннотация

Похождения Сергея Корнева в параллельном мире продолжаются. Но теперь он, взяв в руки оружие, борется с людоедским режимом не в одиночку, а вступив в ряды российского Сопротивления. Как будет складываться эта борьба и сумеют ли люди победить, невзирая на сопротивление всего «цивилизованного сообщества»? А самое главное — что их ждет после победы?

Владислав Конюшевский **ГЛАВНЫЙ ДЕНЬ**

Пролог

Есть ли жизнь на других планетах, нет ли жизни на других планетах, наука точно сказать не может. Так же она не в состоянии что-либо вразумительно объяснить относительно существования параллельных миров. Наверное, из-за этого подавляющее большинство людей подобные темы считают фантастикой и совершенно не заморачиваются насчет зеленых человечков или каких-нибудь там автономных реальностей.¹ Вот и я всегда принадлежал к вполне обычным, среднестатистическим представителям homo sapiens, которые на сию лабуду плюют с высокой башни. Но летом прошлого года пришлось кардинально поменять свое мнение. А все потому, что существование параллельного мира испытал на собственной шкуре. Причем так испытал, что эта самая шкура до сих пор дымится...

Только, наверное, для начала представлюсь: зовут меня Сергей Васильевич Корнев. Одна тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения. Не был, не состоял, не привлекался, хотя был буквально в шаге от принудительной поездки в места не столь отдаленные. А все потому, что не надо было старшему лейтенанту войск СпН Корневу показывать характер и щупать кулаком холеную морду старшего по званию. Ведь уставы подобные действия осуждают вплоть до... Да до чего хочешь! Например, в военное время могли бы и шлепнуть. Но у нас, слава богу, не война, поэтому в моем случае все обошлось малой кровью. Только вот с погонами пришлось расстаться.

Оказавшись на гражданке, навалилось чувство, будто жизнь потеряла смысл. Я ведь себя никем другим, кроме как офицером, и не представлял. Поэтому первое время после увольнения пребывал в полной прострации. Но потом потихоньку освоился, вышел на работу и даже стал находить прелесть в подобном бытии. А что — нормированный день, два выходных в неделю, отвечаешь только сам за себя, и никто не дает люлей за вечно залетных подчиненных. В общем — сплошная малина! Да еще и за границу можно съездить. Причем не на танке, а как белый человек — в командировку или в отпуск. Гражданскому лицу этого не понять, так как большинство из них просто не знает, что военнослужащие по собственной воле за бугор попасть не могут. Даже в посконную Турцию или Таиланд. Статья 24 закона РФ «О государственной тайне» не дремлет. А уж для служивших в спецчастях и имеющих соответствующую форму допуска она работает так, словно мы с детства мечтаем продать буржуинам самый главный российский секрет. И что самое гадостное, эта статья некоторое время работает даже после увольнения, лишая человека маленьких радостей земного бытия.

Но рано или поздно все ограничения заканчиваются, и в прошлом году я стал обладателем «горящей» путевки в Израиль. Почему именно туда? Да потому что других настолько халявных туров просто не было, а испытать все прелести настоящего, а не российского сервиса очень хотелось. Вот с этой поездки все и началось...

Нет, сначала на еврейщине было просто замечательно: хорошие отели, купания в Мертвом море, тот самый возжеленный сервис да прогулки по местам боевой славы

¹ Автономная реальность (*фант.*) — реальность, существующая одновременно с нашей, но независимо от нее. Она же — параллельный мир.

средневековых рыцарей. А закончилось все плохо, так как под конец вояжа я умудрился перейти дорогу одному арабу, послужив косвенной причиной гибели его ближайшего родственника. Причем с моей стороны всё получилось вовсе даже не нарочно, а совершенно случайно. Но долбаный потомок Али-Бабы и всех сорока разбойников осерчал настолько сильно, что прилюдно поклялся отрезать мне голову. Отметьте: ни пристрелить, ни посадить, а вот так сразу — секир башка и никаких разговоров! Мне, конечно, было известно, что Восток дело тонкое, и люди здесь гораздо больше говорят, чем делают, но угроза была ОЧЕНЬ убедительна. Настолько, что я как-то сразу в нее поверил и рванул из своего первого в жизни заграничного турне чуть ли не впереди самолета.

Только не надо говорить про трусость! Любой испугается, став кровником подобного хмыря. Еще бы, ведь Мухаммад-аль-Исрани оказался не последним человеком в одной ближневосточной организации, которая позиционировала себя «исламскими борцами за свободу». И именно из-за этого позиционирования вдобавок ко всем предыдущим переживаниям меня активно трясли сначала чуждые еврейские контрразведчики, а потом (по возвращении домой) и родное ФСБ. Причем вся ситуация была настолько мутная, что родная «безпека», в силу врожденной недоверчивости, тут же стала меня подозревать то ли в связях с международными террористами, то ли в работе на Моссад. Нет, по почкам не били и в «кровавую гэбню» не играли, так как гражданин Корнев во всей этой истории вообще-то считался потерпевшим. Но вот некоторые вопросы, задаваемые словно бы между прочим, заставляли очень сильно задуматься и давали понять, куда клонит следователь. Потом, правда, чекисты отцепились, только осадок, один черт — остался. Осадок и заведенное дело... В общем, приехав в Москву, я сто раз проклял свою тягу к дальним путешествиям и зарёкся выезжать дальше МКАД.

Но зарок не помог. Оскорбленный араб так сильно хотел отомстить, что для моих поисков нанял, как это принято говорить, «представителей одной из этнических преступных группировок». М-да... Встреча с воинственно настроенными и финансово заинтересованными нохчами впечатлила столь сильно, что пришлось плюнуть на налаженную жизнь и уйти в бега. А что еще оставалось делать? Правоохранители моими проблемами заниматься не очень-то хотели, вот и пришлось самому выкручиваться. Точнее — рвануть из Москвы и осесть у своей тетки, проживающей в небольшом, уютном городке на берегу Азовского моря. То есть там, где разные абреки могли искать проплаченного валютой кровника хоть до второго пришествия. Вроде только перевел дух, но как выяснилось, жизненные выверты на этом и не думали прекращаться.

Нет, тетя Маша отнеслась к появлению блудного племянника с большой радостью, и я хорошо проводил время, нагуливая бока на высококалорийных домашних харчах, до тех пор, пока не столкнулся с неким Сосновским, по кличке Профессор. Этот дед был мне известен с очень давних времен, но в силу огромной разницы в возрасте общих интересов у нас никогда не возникало. А теперь чего-то вдруг сдружился и под впечатлением эрудиции и огромного жизненного опыта нового-старого знакомого через какое-то время рассказал ему о своих израильских приключениях. Тут-то хитрокрученный сосед меня и подловил. А главное, гад такой, все учел! Даже то, что я его сдать не могу, так как мне и одного общения с ФСБ выше крыши хватило. Спросите, при чем тут госбезопасность? Да при том, что Сосновский сделал открытие, относящееся к категории высших государственных тайн. Ну еще бы, наличие портала, дающего возможность попасть в параллельный мир, это вам не хухры-мухры.

А так как проф категорически не переносил строй, возникший после девяносто первого года, то он относился к своему научному прорыву, словно Кощей к местонахождению смертельной иглой. То есть никому ни гу-гу. Да и мне раскрылся лишь потому, что увидел возможность привлечь помощника, без которого исследования застопорились. Как он получил мое согласие, рассказывать долго. Скажу лишь одно: я точно знаю, что людей, случайно ставших секретносителями подобного уровня, либо берегут пуще глаза (если они нужны для дальнейшей работы), либо закапывают в почву на положенную глубину. И пусть обычный гражданин, надувая щеки, рассуждает, что «сейчас не тридцать седьмой год», но

уж я-то знаю, КАК государство может охранять свои секреты. В общем, именно из-за этих знаний я даже не сомневался, что беречь Корнева, после того как он узнал о портале, никто не будет. Профа, если вдруг всё раскроется, окружают вниманием и заботой. А вот меня, особенно после еврейской истории и возникших подозрений, зареют глазом не моргнув.

Поэтому пришлось под давлением старого шантажиста согласиться выполнить разовую работу. Тем более что, невзирая на общую фантастичность задачи, особой сложности в ней не было. Дело заключалось лишь в том, чтобы пройти в «параллель», добраться до определенной точки и забрать оттуда еще один портал, полностью идентичный нашему. То есть, даже учитывая дорогу и неизбежные на этой самой дороге случайности, вполне можно управиться за неделю. Правда, была некая заковыка. Нет, на ТОЙ стороне не водились динозавры или какие-нибудь особо зловредные семиногие восьмиухи. Все было проще. Там жили такие же люди, шел тот же две тысячи пятнадцатый год и было государство под названием Россия. Другой вопрос — какое государство. Страна полностью, блин, победившей демократии. Причем настолько победившей, что от самой России остались жалкие ошметки. И на этой территории дела творились — мама не горюй! Поэтому отведенные для работы семь дней растянулись на гораздо больший срок.

Зато в процессе «параллельного» вояжа я несколько пересмотрел привычные взгляды на жизнь, познакомился с хорошим парнем Лехой Ваниным и случайно повесил себе на шею двух потеряшек из местных партизан, называемых в просторечье «колхозниками». Что это за колхозники такие, спросите вы? Объясню: здесь СССР развалился не в конце двадцатого века, а почти на пятнадцать лет позже. И развал этот пошел по гораздо более суровому сценарию. Ведь весь остальной мир к тому времени уже вовсю лихорадило от затяжного кризиса, поэтому «цивилизованные страны» особо не миндальничали и, как только выпала возможность, принялись дербанить Россию ускоренными темпами. Обошлось, правда, без всякой оккупации и прочих «миротворческих» бомбежек. Да и зачем тратить дорогостоящие боеприпасы, когда можно просто слегка профинансировать пятую колонну и взорвать страну изнутри. А уже потом, посадив ручного президента, вести свою политику. Что и было сделано. Ну а дабы аборигены не возбужали, велась усиленная промывка мозгов. Ну, например, помимо всего прочего, коммунизм был приравнен к нацизму, СССР объявлен виновником начала Второй мировой войны, а «угнетенные» народы Европы и Азии, пострадавшие от «ига русских оккупантов», выкатили громадные финансовые претензии. То есть в этом мире государство полной ложкой хлебнуло полный букет тех прелестей, которым обычно подвергает проигравшую сторону «гуманный» Запад.

Попутно на нашей территории было развалено практически все производство, кроме связанного с добычей минсырья. В общем, свершилась вековая мечта общечеловеков! Людям же, в лучших традициях истинно свободного общества, была предоставлена полная возможность для ускоренного вымирания. Причем выбор был предоставлен в широчайшем спектре: хочешь — от голода, хочешь — от холода, хочешь — от бандитов, хочешь — от болезней, хочешь — от водки, хочешь — от наркоты, которая за сущие копейки (в отличие от лекарств) свободно продавалась в аптеках.

Но какая-то часть народа, совершенно не желая спокойнодохнуть, стала выражать свое ярое неприятие нового порядка, организовав движение Сопротивления. Благо база для этого была подготовлена еще во времена последних дней существования Советского Союза. Вот их-то и стали называть «колхозниками».

В ответ правители России, помимо органов МВД, создали контору под названием БОГС. То есть — Бюро Охраны Государственных Свобод. Название очень толерантное и весьма либеральное. Как раз в духе истинной демократии. Методы, правда, БОГС использовал все больше гестаповские, но чего не сделаешь ради избавления людей от «красно-коричневых имперских амбиций»?

А так как я, из-за своего нового знакомого Лешки Ванина, умудрился попасть в разборки между БОГС и подпольщиками, то и пришлось уходить в свой мир, имея на хвосте погоню, а на руках сразу двоих раненых, один из которых мог в любой момент отдать Богу

Глава 1

Пройдя через портал, я обнаружил некоторое отличие от привычной обстановки, так как помимо сногшибательного запаха прибавилось еще одно — мощный фонарь, бьющий прямо в глаза. Первым порывом было уйти кувырком в сторону, но неподъемная сумка и бессознательный Леха удавили это желание в зародыше. А еще через секунду фонарь погас, и я увидел Профессора, который неловким движением сунул пистолет (кстати, мой пистолет, который еще Орех подогнал) в карман, после чего, подслеповато моргая, выпалил:

— Сергей, это как... Это кто? Что случилось?!

Правда, разглядев белеющие бинты повязки, Сосновский быстро взял себя в руки и, даже не спросив насчет «турника», одним движением смахнув с кривобокого стола мусор, приказал:

— Кладите его сюда.

А когда я, осторожно уложив раненого, стянул с плеча громыхнувший железом баул, «проф» уже оправился от удивления и вполне осознанно спросил:

— Кто этот человек? И что с ним?

Скинув с шеи автоматный ремень и пряча оружие под стол, ответил:

— Партизан тамошний. Пулю в грудь получил. Так что, Игорь Михайлович, все вопросы потом, а сейчас мне ваша помощь нужна будет.

Сосновский, глядя на меня, лишь кивнул, показывая, что он весь во внимании, и я начал выкладывать свой план, который стал складываться еще по пути в деревню. А мысль была такая — довезти Ванина до Юрьево. Там сгрузить его в укромном месте, прямо на улице, и по телефону-автомату вызвать «скорую». Причем, чтобы медики чухались побыстрее, я сразу скажу о том, что пострадавший ранен. А дальше останется просто наблюдать, как врачи заберут Лешку. Сосед кивнул и уточнил:

— А вы с ним уже договорились, что он в больнице говорить будет, когда очнется?

Вообще-то это была самая слабая часть задумки, так как отсутствие сознания у Алексея не давало возможности провести вдумчивый инструктаж. Причем, главное — когда ехали в Михеевку, он был вполне говорящий. Во всяком случае, я слышал, как Ванин что-то втолковывал Марии. Но теперь как отрубился, так и с концами. Хоть по щекам хлопай и уши три, чтобы его опять в себя привести.

Пауза затягивалась, Игорь Михайлович ждал ответа, я лихорадочно соображал, и тут Лешка исключительно вовремя очнулся. После короткого стона он спросил слабым голосом:

— Сергей, где все остальные? И чем тут так воняет?

О! Ожил! Видно, сарайное амбре лучше всякого нашатыря подействовало! Пока раненый опять не ушел в нирвану, я наклонился к нему и спросил:

— Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

Ванин осторожно вздохнул и медленно, но язвительно ответил:

— Конечно, понимаю. Мне же не мозги зацепило, а легкое. А мы где? И где Мария с детьми?

— Твоя жена, дети и Толян с Настей в безопасном месте. А сейчас слушай и хорошенько запоминай. Я тебя отвезу в больницу. После операции к тебе обязательно придет следователь. Ты с ним особо не болтай, а отсутствие документов объясняй тем, что бомжу паспорт без надобности. Представься каким-нибудь Лешей Пупкиным по кличке «Дьяк». В этот теплый город в преддверье зимы приехал буквально позавчера. Никого здесь не знаешь, да и сам город тебе незнаком. Из злачных мест был только на вокзале и в бане, которая тебе очень понравилась либеральными ценами. По поводу ранения скажешь, что когда искал

² Подробнее об описанных событиях можно прочесть в книге «Иной вариант».

место для ночлега, в темном переулке подошли какие-то крепенькие молодые люди лет шестнадцати-семнадцати и тупо доколупались. Но ты пошел в отмах, и тогда один из нападавших выстрелил из какого-то самопала. Описать никого не можешь, так как было темно. Понятно?

Про самопал я не зря ввернул — наличие автоматной пули в груди подразумевает и наличие автомата на руках у нападавших. А это уже очень серьезно. Но если сказать про однозарядную самоделку или вообще какой-нибудь поджиг, то многие вопросы снимаются. Правда, как быть с нарезками на пуле, я так и не придумал. Ну да это уже особой роли не играет. Тем более что «Левшей» в нашей стране всегда хватало. Да и про баню тоже очень в тему вспомнил — а то для бомжа Лешка чересчур чистенький...

— Но... БОГС...

— Лешка, за БОГС не волнуйся. Из этой конторы к тебе точно никто не придет, — на секунду замаявшись (ну да, не стану же я ему сейчас объяснять, что он находится в другом мире), продолжил: — Сделаешь все, как говорю, хрен тебя кто раскусит. И еще, в больнице — молчи. С соседями по палате не разговаривай. Если что-то тебя начнет удивлять, ни в коем случае не показывай этого удивления. Запомни главное: рот раскроешь — нам всем пипец!

— А что... меня... должно... удивлять?

Паузы между словами у Ванина становились все длиннее, и я, боясь, как бы он опять не потерял сознание, торопливо добавил:

— Откуда я знаю, чему ты там будешь удивляться? Слухам, сплетням, новостям, незнакомым людям. С меня-то вон как удивлялся! Главное, языком не болтай, и все будет нормально. Не забывай, ты — бомж! Вот и веди себя соответственно. А я тебя, как слегка очухаешься, из больнички заберу. Все понял?

— Да... А как ты вообще...

Не дослушав Ванина, я отмахнулся:

— Давай потом поговорим? Тем более что тебе сейчас долго разговаривать нельзя. Полежи спокойно, а мне надо быстренько все организовать.

После этого повернулся к профессору и попросил:

— Игорь Михайлович, вы пока тут побудьте, а я машину к сараю подгоню. И еще... там, в сумке то, что вы заказывали. Упаковку брать не стал, но все железо здесь.

Сосновский аж расцвел от этого известия, но тут опять влез Лешка. Вот ведь человек — на ладан дышит, а туда же:

— Сергей... но все-таки... ты... кто? Скажи... мне, может, жить осталось... всего ничего... Хочу... знать.

— В данной ситуации — твой ангел-хранитель! А теперь очень прошу — заткнись и поменьше воздуха хапай, а то я тебя до врачей не довезу!

Ванин, поняв, что разжалобить меня не удастся, наконец замолк, и я получил возможность заняться делом.

Подогнав джип к воротам сарая и оглядевшись, дабы убедиться в отсутствии любопытных глаз, разложил сиденья и перенес Лешку в машину. Во время переноски он опять вырубился, поэтому я уже ни на что не отвлекался. Правда, «проф» после помощи в загрузке раненого метнулся в сарайчик и пропал минут на пять. Вернувшись, смущенно пояснил:

— Я второй портал и твой автомат в тайник спрятал. На всякий случай...

— Все правильно, а теперь садитесь быстрее.

Игорь Михайлович погрузился в «ниссан», и я осторожно повел машину по убитой деревенской дороге, которая выводила на трассу. А потом дал копоты, да так, что до Юрьево мы долетели буквально за двадцать минут. По пути очень коротко рассказал подпрыгивающему от нетерпения Сосновскому о своих «параллельных» приключениях. Точнее, сначала оправдывался в ответ на его вполне справедливые упреки относительно нарушения секретности, а потом просто объяснил, почему все так получилось. К чести

«профа» надо сказать, что, выслушав рассказ, он перестал бурчать и признал, что, в принципе, поступил бы точно так же. То есть вопрос — «а зачем ты вообще начал помогать этим людям» у него не возник. И это хорошо, так как я и сам толком не сумел бы сформулировать ответ. Наверное, просто воспитан так — если у человека реальная жопа, а я могу помочь, то почему бы и не помочь? Хотя для многих такое поведение странно, так как большинство сейчас живет по принципу: моя хата с краю. Я подобных людей для себя называл «американцами» (такие же сугубые индивидуалисты) и старался не пересекаться, дабы не сорваться.

Но Сосновский точно не был «американцем», поэтому мой порыв понял хорошо. Единственно, был очень сильно озабочен тем, что Лешку могут не то чтобы расколоть, а начать трясти более тщательно (все-таки огнестрельное ранение — это не в пьяной драке нож под ребро получить). А это чревато не только для Ванина, но и для нас. Я на опасения «профа» лишь ухмыльнулся:

— Игорь Михайлович, ну что вы, в самом деле, как маленький? Это же бомж. Сами подумайте, кому нужно его трясти, или проверять, или слать запросы? Живой остался, вот и пусть радуется! Может даже, и дело заводить не будут, чтобы «глухарей» в отчетности не плодить. Был бы труп, тут деваться некуда — в таких случаях дело автоматически заводится. А так... Придет следователь по вызову из больницы, поговорит, галочку поставит и на этом все закончится.

Сосед задумчиво покрутил носом и, уже сдаваясь, спросил:

— А вдруг он в разговоре с другими больными что-нибудь странное скажет? Ну какую-нибудь историю из своего мира? Не нарочно, случайно... И что тогда?

Я только щекой дернул:

— Он может говорить вообще что угодно. Хоть то, что его инопланетяне в тарелочке привезли. Или всем прямым текстом рассказывать про параллельные миры. Только кто же ему поверит? Ведь большинство бомжей конченные алкаши, с напрочь пропитыми мозгами да перманентной «белочкой». Так что если из Ванина что-нибудь странное и вылетит, то на это просто никто не обратит внимания. Но я думаю — не вылетит. Лешка парень умный, и не в его интересах язык распускать. Даже когда поймет, что мир вокруг какой-то странный, он все равно будет молчать. Вы лучше другое мне скажите, — я наконец смог сформулировать вопрос, который появился у меня в первые же секунды возвращения. — Вы что, постоянно так сидите перед включенным порталом, с оружием в руках? Да и фонарь этот... какой-то он совсем уж ослепляющий...

Профессор пожал плечами:

— Ну, рядом с активированным объектом необходимо находиться в любом случае. А оружие... Понимаете, мало ли какая случайность может произойти и мало ли кто с ТОЙ стороны сюда проникнет?

— Ну вы Рэмбо... И что, постоянно «турник» на прицеле держите? Это же трёкнуться можно!

— Нет, что вы. Просто у меня звуковой датчик установлен, и как только через портал начинается перемещение, он срабатывает.

Я скептически ухмыльнулся:

— Не знал, что вы еще и из рода ганфайтеров... Это же надо — за секунду отвлечься от работы, схватить пистолет, включить фонарь и занять позицию.

Игорь Михайлович сердито фыркнул:

— Сергей, когда я вам про работу артефакта рассказывал, вы меня каким местом слушали? Судя по всему, точно не ушами, поэтому повторю — изменяя напряжение, можно регулировать время перемещения через портал, от секунды до пятнадцати минут. Но в последнем случае его функционирование становится нестабильным, поэтому я остановился на вполне безопасных десяти минутах. И как на такую информацию можно не обратить внимание — непонятно. Это же...

Сосед опять начал умничать, а я, почесав репу, припомнил, что он действительно что-

то такое вещал. Я тогда еще несколько заволновался, не желая иметь дело с «нестабильным» турником. Но потом благополучно о его словах забыл, так как по ощущениям переход длится буквально мгновение. Вернее, его вообще никак не ощущаешь — раз! И ты уже ТАМ. Ну да ладно, с этим разобрались, теперь о другом надо думать. Поэтому я довольно невежливо перебил разошедшегося «профа»:

— Да понял я, понял. Давайте лучше сейчас подумаем, куда бы Алексея пристроить, чтобы и незаметно выгрузить, и в то же время медики его быстро найти могли?

Профессор на несколько секунд задумался и выдал свое решение. Но оно мне не понравилось, поэтому после короткого обсуждения сошлись на парке за ДК железнодорожников. Место достаточно глухое, но в то же время подъезды хорошие. И телефон там тоже был, перед входом в сам ДК. Единственно, когда мы подкатили к намеченной точке, надо было сделать еще одно дело. А точнее — заменить профессионально наложенную повязку на раненом. Для этой цели у меня все было готово, поэтому прямо в «патроле» срезал с Ванина бинт и, оторвав полоску от Лешкиной майки, сделал из нее тампон. После чего прихватил матерчатый комок скотчем прямо к телу, пристроив его поверх куска целлофана, закрывающего входное отверстие. Рулон с этим самым скотчем сунул в карман бушлата Ванина, выглянул в окно и сказал помогающему мне Сосновскому:

— Игорь Михайлович, все готово. Идите к телефону, вызывайте «скорую». А я пока Лешку на лавочку сгружу.

Еще через пятнадцать минут мы, стоя на площадке возле ДК, наблюдали, как к въезду в парк подскочила «газель» с красными крестами. Правда, медики сначала сунулись не в тот проезд, но быстро сориентировались и буквально сразу нашли искомое. Какое-то время врачиха суежилась над лежащим на лавочке раненым, а потом водитель с санитаром загрузили Ванина на носилки и, сунув их в машину, запрыгнули на свое место. Почти сразу «газель» под завывание сирены, сорвавшись с места, скрылась за поворотом.

Глядя ей вслед, я удовлетворенно крякнул и подытожил:

— Ну вот, от нас теперь ничего не зависит.

«Проф», задумчиво потирая подбородок, опять озвучил свой пессимизм:

— Это все хорошо, но вот как мы узнаем, насколько операция удачно прошла? Да и потом — как его из больницы вытаскивать? Или простождемся официальной выписки?

— Про вытягивание из больнички — время покажет. А насчет операции... Тетя Маша весь последний месяц мне смотрит невест устраивала. Эдак ненавязчиво приглашая своих подружек с дочерьми. — Вспомнив чуть ли не ежесубботные чинные посиделки, где Корневу отводилась роль джентльмена на выданье, я передернулся и продолжил: — Так вот, одна из этих дочек в нашей больнице работает. Кем именно, не помню, но точно, что врачихой. Через нее и можно будет все разузнать. А можно и через Ваську Белкина. Он там же электриком подвизается. Да вообще, вариантов — море! Но давайте будем решать проблемы по мере их поступления. А то с ТОЙ стороны еще один болезный помощи ждет...

Сосновский, посмотрев на меня долгим взглядом, кивнул и, уже садясь в машину, неожиданно произнес:

— Знаете, Сергей, я очень рад, что в вас не ошибся...

Что он этим хотел сказать, я так и не понял, особенно если учесть, как «проф» за последний час мне все мозги вытряхнул своими опасениями. Но было не до уточнений, потому что дел оставалось еще немерено. И их надо было делать быстро.

Для начала заскочил в обменник и, скинув часть баксов, рванул по магазинам. Там, купив пару ящиков тушенки, закинул их в багажник. Потом пришла очередь китайских «бич-пакетов», сгущенки, картошки, морковки, хлеба, соли, сахара, ну и далее — по списку, включающему в себя много чего, вплоть до одеял и переносной двухконфорочной газовой плиты. Не забыл даже осветительные лампы, пришедшие на смену допотопным керосинкам, и запасные баллончики к ним. В общем, затарился по полной. Вначале, правда, была мысль ободрать с банок этикетки, но потом я махнул на нее рукой. Во-первых, это были не этикетки, а рисунок прямо на жести, а во-вторых, ничего сногсшибательного и необычного

для жителей ТОГО мира на них написано не было. Так что оставил все как есть.

А через три часа мы с Профессором уже были в Михеевке. На этот раз, идя в черноту портала, я уже никакого страха не испытывал (наверное, не до этого было). Взяв извлеченный из тайника автомат наизготовку, осторожно скользнул в мир России-2. Шагнул и почти сразу залег. Огляделся, осмотрелся, обнюхался. Тишина. И это радует. Но все равно надо проверять дальше. Стараясь не особо отсвечивать, двинул к дальней стороне деревни, где должны были находиться ребята. Ну а выдохнул лишь тогда, когда, приблизившись к дому, заметил мелькнувшую в окне Настену. Фух! Значит, все нормально. Значит, никто их местонахождение за это время не вычислил.

После чего, уже не особо скрываясь, порысил назад. Нырнув в сизое облако, висящее на кустах, и уже привычно морщась от яркого снопа света профессорского фонаря, ухватил в благоухающем сарае две огромные китайские сумки типа «мечта челнока», набитые покупками, пробормотав:

— Свои, свои...

После чего, напомнив Сосновскому об измененном графике открытия «турника», пошел обратно. Кинув баулы в «уазик», сел за руль и поехал по заросшей дороге к облюбованной моими людьми избе. При виде машины ребята высыпали из дома. Сначала появились Мария с Настей, потом Толик с «калашом» в руке, и последними выскочили дети.

Загнав вездеход под покосившийся навес, я вышел и, глядя в тревожно-вопросительные глаза Ваниной, коротко ответил:

— В больнице Лешка. Довез живым, а теперь все от врачей зависит.

После этого объявления в свою очередь поинтересовался:

— У вас тут как? Никто чужой не появлялся?

Выяснилось, что никого не было. Ну да этого и следовало бы ожидать. Таких вот умерших деревенок и поселков вокруг — тьма-тьмущая, а если брать во внимание то, что обыскивать придется весь юг России (это еще если «террористы» после боя назад на север не повернули), то дело получится совсем бесперспективное. Нет, посты на дорогах, разумеется, усилят. На въездах в города шмонать начнут. Ну и хрен с ними. Ребята тут спокойно дней десять отсидаются, а когда у властей поисковый ажиотаж спадет, двинут искать своих. То есть с местом базирования мы определились, и теперь надо вплотную заняться Толяном. Он вроде держится бодрячком, но к вечеру парня наверняка развезет. Так что надо пользоваться моментом, пока он еще активно шевелящийся. Поэтому после разгрузки УАЗа я опять загнал женщин и детей в дом, а мы с Ловягиным пошли к шоссе.

В отличие от моего предыдущего появления, долго голосовать не пришлось, так что, реагируя на поднятую руку, первая же появившаяся машина, которая оказалась «ЗиЛом»-водовозкой, приняла нас на борт. Быстро сторговавшись с молодым парнем, сидящим за рулем, мы уже через полчаса были в Георгиевке — пригородном поселке, домики которого плавно перетекали в улицы Юрьево. А оттуда обычным рейсовым автобусом двинули в город. Сразу в Юрьево я ехать не хотел, так как на въезде был пост ДПС, но в данном случае — все устроилось самым лучшим образом.

В общем, уже в начале третьего мы были в больнице. В отличие от Воронежского гнезда последователей Эскулапа тут все было гораздо беднее. Не было ни камер, ни фикусов, ни деловитых докторов в сине-зеленых робах. Да почти вообще никого не было. Я вначале даже испугался, что хирурга не найду. Но тетка в регистратуре сказала, что как раз таки он на месте.

А еще через десять минут я, ненавязчиво демонстрируя рукоять заткнутого за пояс пистолета и цедя слова через губу, страшал этого самого хирурга. Честно говоря, крепкий мужик со здоровенными руками молотобойца, поросшими густым рыжим волосом, страшался не очень. Куря и морщась то ли от моих слов, то ли от попадающего в глаза дыма, он выслушал перемежающуюся угрозами просьбу и, когда я пошел на второй круг, попытожил:

— Слушай, парень, хорош звиздеть! Я уже понял, что вы крутые до невозможности и

вырежете всех моих родственников, а также собак и соседей, если что-то пойдет не так. Поэтому закругляйся и тащи сюда своего кента. Только не телись, а то у меня и без вас дел по горло...

Несколько ошарашенный его невозмутимостью, но стараясь не потерять лица и не выйти из образа криминального деятеля, я, пробормотав еще пару угроз, царственным жестом сунул в нагрудный кармашек собеседника стобаксовую купюру и метнулся за Ловягиным. А вот дальше последовала интересная картина — доктор при виде Толика вначале лишь мотнул головой в сторону процедурной и сказал:

— Давайте туда.

Но когда «колхозник» стянул в головы шапку, хирург на пару секунд застыл, удивленно расширив глаза, потом неопределенно хмыкнул и каким-то изменившимся тоном спросил:

— Когда была получена рана?

— Позавчера...

Хирург опять похмыкал, больше никак не озвучивая своих мыслей, и, ловко стянув с Толяна одежду, окинул меня критическим взглядом:

— Крови не боишься?

— Нет.

— Тогда пойдем со мной. Э, э, не так! Куртку скинь и халат с бахилами одень! Не в забегаловку идешь, а в операционную. Вам, как я понял, реклама не нужна, ну а мне — подавно. Так что сестру я звать не буду, а помощник понадобится...

Вот так неожиданно для себя я и стал подручным хирурга.

А еще через полтора часа мы с Виктором (так звали мохнаторукого целителя) и бледно-серым Ловягиным уже курили у него в кабинете. Я был мокрый, как мышь, и уставший, словно собака, хотя практически ничего не делал. Но даже сейчас от воспоминаний, как доктор увлеченно копается в плече у обколотого Толяна, потряхивало. А Виктор, глядя на меня с усмешкой, принялся возиться у себя в сейфе, заполняя полиэтиленовый пакет какими-то лекарствами, а потом начал что-то писать в большом блокноте. Как выяснилось — инструкцию по приведению Ловягина в здоровое состояние. Сил дальше из себя изображать блатного братка у меня уже не было, поэтому, забрав бумагу и пакет, я просто поблагодарил хирурга и, достав еще один столик, положил купюру на стол.

Вот тут-то он меня удивил. Посмотрев на деньги, Виктор покачал головой и, отодвинув зеленую бумажку от себя, выдал:

— Не надо. Вам, мужики, деньги сейчас нужнее. Я бы и первые сто долларов вернул, но главврачу донесут, что я здесь кого-то пользовал, и он затребует свою долю. — А потом, видя удивление на моем лице, добавил: — Вчера вечером в новостях говорили о том, что была уничтожена еще одна «группа террористов». И сказали, что накрыли всех, но вот двоим удалось сбежать. После чего показали фото этого парня, — он кивнул в сторону Толика, — и фоторобот какой-то девушки. Мол, они вооружены и особо опасны. Правда, про ранение ничего не говорили... Но картинки показывали достаточно узнаваемые, так что вы на выезде из города поосторожнее...

Ага, теперь стали понятны все его странные хмыки, а то я все удивлялся — чего это он, глядя на нас, так многозначительно кряхтит. Удивленный столь разным отношением предыдущего и теперешнего доктора, я кивнул, забирая деньги, и поинтересовался:

— А не боишься, вдруг мы подстава? Из полиции, там, или из БОГС?

— Угу, с такой, — тут он что-то брякнул на латыни, — и подстава? Таких подстав не бывает. Да и бояться мне нечего. Вы же обещали меня убить? Вот я и испугался. А то, что про фото сказал, так это у меня «Стокгольмский синдром».

После чего усмехнулся, показывая, что говорит он, с одной стороны, вроде как серьезно, а вроде и нет, и, посоветовав строго следовать его записям, пожал нам руки.

Обратно мы добирались почти так же, как и приехали, с той лишь разницей, что я, оценив землистую окраску Ловягина, прямо в Юрьево поймал поносно-желтого цвета

«девятку» и через Георгиевку мы выехали из города. Правда, в целях конспирации пришлось тормозить водилу не напротив съезда к Михеевке, а километрах в двух от него, возле покосившегося навеса бывшей автобусной остановки. Ну а дальше топали своим ходом. Причем в конце Толян что-то совсем расклеился, и мне пришлось его чуть ли не на себе тащить. Но добрались благополучно, и, сдав прооперированного «колхозника» с рук на руки, я сказал ребятам, что опять возвращаюсь в город. При этом пояснил персонально для Марии, что иду выяснять, как там ее муж поживает, поэтому меня дня два не будет. После чего, отбрыкавшись от обеда, напомнив, чтобы лишний раз из дома не высывались и печку не топили (мало ли кто дым увидит), убыл. Правда, совсем недалеко — до другого конца деревни, где, перекурив и дождавшись появления дымки портала, вошел в свой мир.

И опять этот вход был не слава богу, так как режущего света фонаря в глаза я ожидал, но никак не ожидал того, что сделанный шаг оборвется на полпути и мой лоб смачно встретится с каким-то препятствием. Причем ведь Сосновский мне успел крикнуть «Осторожно!», но я, не поняв, к чему это восклицание относится, влепился в отсутствующую еще утром преграду. А потом, одной рукой потирая ушибленное, другой нащупал перед носом толстые прутья решетки. Когда же причитающий «проф» снял замок и выпустил меня из этой клетки, я смог разглядеть, что он тут нагородил. Оглядев конструкцию, лишь головой покачал. Буквально часов за пять Игорь Михайлович присобачил к полке, в которую был вмонтирован портал, решетчатую дверь, запирающуюся на висячий замок. Так что теперь свободный ход от «турника» был ограничен расстоянием сантиметров в шестьдесят. Правда, дверь была довольно хлипкая, так как ее петли были прикручены к торцам досок, и от хорошего пинка она бы вывалилась. Но с другой стороны, для не ожидающего подобной подляны человека это была серьезная преграда. Особенно если учесть вооруженность «профа».

В принципе, решение очень даже правильное. Надо будет только все нормально укрепить, и тогда неожиданных гостей с ТОЙ стороны можно вообще не опасаться. Меня лишь заинтересовало, где сосед эту дверь надыбал и как он ее сюда затащил. Но еще больше было интересно, с чего Профессор вообще надумал вводить подобные меры безопасности.

Насчет двери мне было объяснено, что она давным-давно лежала в дальнем углу сарая, просто я на нее внимания не обращал. А относительно повышенных мер безопасности Игорь Михайлович, помявшись, объяснил:

— Понимаете, Сергей, когда вы ввалились сюда с человеком на руках, да еще и с автоматом, я вас сначала не узнал и, честно признаюсь — испугался. Аж сердце захолонуло. Вот и решил, что лишняя преграда не помешает...

Понятливо хмыкнув, я подергал профессорское творение, сказав:

— Ну что — вполне хорошо придумали. Сюда вот еще уголки надо присобачить и шпильками их сквозь стену зацепить, тогда и тараном не выбьешь. Но не сейчас. Устал я что-то...

«Проф» сочувственно вздохнул:

— Конечно-конечно. Давайте в дом. Покушаете, отдохнете...

А потом, под пельмени, рассказав соседу, как все прошло со вторым раненым, я завалился спать. Видно, сначала незаметное напряжение превысило критическую отметку, и поэтому срубило меня до самого утра.

Глава 2

На следующий день сначала занялись снятием размеров железа для укрепления двери, а потом собрались в город. Иномирязин, лежащий в нашей больнице, да еще и знающий мое имя, не давал Сосновскому покоя, и тот места себе не находил. Поэтому пока я лазил с рулеткой, Игорь Михайлович извертелся на пупе, постоянно подгоняя. Пришлось даже рывкнуть:

— Ну чего вы стонете? Один черт, я с той врачихой сразу не встречусь, так что давайте

сначала спокойно сделаем одно, а потом займемся другим. И оттого, что мы, как два бобика, будем сейчас суетиться, ничего не изменится.

Сосед внял голосу разума и замолк, дав мне возможность обдумать предлог, под которым я появлюсь в гости к этой... как ее... блин, помню — светленькая, пухленькая, а имя — хоть убей... Но при одном воспоминании о хищном взгляде «врачихи на выданье» меня перекосило. На фиг, на фиг! Такой только улыбнись, а потом не заметишь, как оженят. Нет, лучше уж через Ваську действовать. И пусть у нас не те отношения, чтобы к нему просто так в гости заявляться, но Белкин ведь еще и электросварку знает, так что приду к нему с уголками и скобами для двери, а в процессе работы все выясню. Очень довольный тем, что удалось придумать план, никак не связанный с матримониальными теткинскими планами, я быстренько закончил измерения, и мы покатили в Юрьево.

Но человек предполагает, а бог располагает и поэтому жизнь внесла в мои планы свои коррективы. Я бы сказал даже — суровые коррективы. Получилось как — вернувшись домой, сразу же был усажен за стол перед тарелкой борща с пампушками и подвергнут допросу. Тетю Машу интересовало все: как мне работалось, как отдыхалось, и вообще — что-то от этой работы я похудел, осунулся и на лбу появился какой-то подозрительный синяк. Активно работая ложкой (тетка всегда таяла и сбавляла напор при виде здорового аппетита), я вяло отбрехивался, попутно доводя до ума план подхода к Белкину, и поэтому чуть не пропустил ее слова:

— Ой, чуть не забыла! Тебя позавчера Фелька Кравченко искал. Очень просил, как ты появишься, чтобы сразу перезвонил. И позавчера же, но ближе к вечеру, Женя Запашный приезжал и тоже тебя спрашивал, — тут тетка подозрительно прищурилась. — Ты там ничего, часом, не натворил? Никуда влипнуть не успел? А то что-то странное получается — тебя и шантрапа шукает, и милиция. А шишка на лбу откуда?! И куда это ты намылился, когда с тобой разговаривают?!

Остановленный теткинским криком, я вздохнул:

— Никуда я не влипал. Про шишку — уже говорил. А зачем пацанам так срочно понадобился — не знаю. Вот сейчас позвоню и узнаю.

Я действительно не мог даже предположить, для чего меня разыскивают. Сначала было испугался, что это как-то связано с Ваниным, но потом дошло, что привез я его вчера, а тетя Маше звонили позавчера.

— Доешь сначала, потом позвонишь! Никуда твои дружки не денутся. Хотя какие дружки? Нет, Женя, тот нормальный парень, а вот Феликс до добра не доведет. Он же бандит! Учти, если матери не до тебя, то уж я твоим воспитанием займусь!

Покорно выслушав пятиминутный спич, метнув под это дело три больших пирожка с картошкой, я опять вздохнул, кивнул и, не вступая ни в какие споры, покаянно сказал, что водиться буду только с правильным мальчиком Женечкой, а бяку Феликса стану обходить десятой дорогой.

Тетка на это лишь улыбнулась и совсем другим тоном спросила:

— Сереж, у тебя точно все нормально? Если вдруг что-то не то, ты скажи — мы уж помочь сумеем...

Чмокнув ее в пахнувшую корицей щеку, я улыбнулся:

— Нормально все.

И пошел звонить. В порядке, так сказать, поступления запросов. То есть сначала — Кравченко. Но тот был «вне зоны», поэтому набрал Женькин номер. Зам начальника Юрьевского УВД майор Запашный трубку снял сразу. А узнав меня, сказал, что надо срочно встретиться и что он сейчас подъедет. Ждать пришлось недолго (город небольшой, так что пробок тут нет), и уже через двадцать минут я, поручкавшись с отказавшимся от обеда Евгением и умащаясь в его «Калину», спросил:

— Чего искал-то?

Жэка закурил, собрался с мыслями и только потом огорошил встречным вопросом:

— Ты что, в своей Москве где-то «чехам» дорогу перебежал? Поэтому сюда и приехал?

Я тоже закурил и, выпустив в приоткрытое окно дым, настороженно ответил:

— Нет, с нохчами конфликтов не было. Но вот с некоторыми арабами были. А к чему это ты интересуешься?

Запашный в раздражении стукнул пудовым кулаком по рулю и объяснил свой интерес. Оказывается, третьего дня на него вышел Кравченко. Позвонил, сказав, что дело касается их общего приятеля, и назначил встречу. Услышав про Кравченко, я хотел было в очередной раз пошутить насчет смычки милиции и братвы, а также пройтись по «оборотням в погонах», но вовремя поймал себя за язык. Один раз уже пошутил, хватит. Женька мне тогда чуть морду не побил и популярно объяснил, что одно дела служебные, а другое — человеческие отношения. И если Фелька попадется на чем-то криминальном, то он закроет его недрогнувшей рукой. Оба они про это знают, что не мешает им здороваться при встрече, иметь общих родственников и периодически совместно пить на чьих-нибудь именинах. Поэтому я и не стал вспоминать запутанные бандито-правоохранительные отношения, а просто внимательно слушал, что говорит мне Запашный. Оказывается, Феликс по своим делам был в Ростове. Видно, какой-то очередной гешефт делили. Поделили. Обошлось даже без стрельбы. И на радостях закатили пьянку. Так вот, во время этой пьянки один из новых знакомых Кравченко показал ему фото и заплетающимся языком по секрету сказал, что этого человека ищет их прославленная нижнереченская чеченская группировка. И не просто так даром ищет, а любому, кто укажет местонахождение искомого, «чехи» готовы отвалить пятьдесят тысяч баксов. А если его приволокут к заказчикам живьем, то и все сто. И на этой фотке Феликс узнал старого знакомого — Серегу Корнева. Вида не показал, зато попробовал разузнать, с чего вдруг такая щедрость. Собеседник сказал, что сам не в курсе, но вроде парень с фотографии чем-то очень сильно обидел уважаемого человека.

М-да... от такой новости я только затылок почесал. Ну надо же как... Выходит, тот безъяйцевый арабский вождь своими силами всероссийский розыск умудрился объявить. Как и предполагалось, подтянул кавказских знакомых, а те, отчаявшись найти меня в Москве, подключили своих соплеменников по всей стране. И ведь суммы какие солидные назначены! Интересно, а самим нохчам Исрани сколько пообещал, если только за сведения о местонахождении они полсотни тысяч гринов готовы башлять? Минимум раз в десять больше. Если не в двадцать. Я, достаточно хорошо зная прижимистую психологию абреков, почему-то представил себе миллион и даже загордился. Да уж, далеко не каждому в жизни выпадает шанс узнать себе цену. Мне вот выпал. Правда, это почему-то не радует. Но, что характерно, и не пугает. Даже не знаю почему. Может быть потому, что после путешествия по России-2 все эти арабы, террористы и прочая шпана стали казаться чем-то очень далеким? Опасным, но в данном случае являющимся не более чем досадной помехой. У меня сейчас своих забот полон рот, чтобы заранее начинать бояться. И так всю голову сломал насчет Ванина, а тут еще какие-то хоббиты-вахаббиты...

Пауза затянулась, так как Женька уже закончил свой рассказ и ожидающе смотрел на меня. Поэтому, вздохнув, я выкинул бычок и просто коротко рассказал о еврейском отпуске. Запашный все это выслушал, уважительно покрутил головой, крикнув: «Ну ты и зверюга», после чего, несколько секунд побарабанив пальцами по рулю, принял решение:

— Слушай сюда. Дело действительно очень серьезное, и я честно скажу, что куда бы ты ни сунулся, везде можешь спалиться. Пусть даже случайно. Одно радует — они не знают даже приблизительно, где тебя можно искать. Поэтому... — Женька повздыхал, почесал затылок и продолжил: — Короче. Тебе надо срочно менять внешность...

Я напрягся:

— Пластику делать?

Запашный поморщился:

— Какую «пластику»? Боевиков пересмотрел? Ближайшая клиника пластической хирургии — в Ростове. А любое изменение внешности должно проходить через органы внутренних дел. И нет никакой гарантии, что тебя прямо там не сольют. За такие-то деньги... Все гораздо проще — волосы отрастить, усы, бородку. Причем можно даже чем-то одним

ограничиться. А если себе еще очки заведешь с простыми стеклами, то хрен тебя кто узнает. Но по-любому от тетки надо съезжать и двигать туда, где нет знакомых. Феликс прямо сказал, что он в своих здешних уголовных дружках вовсе не уверен. Точнее говоря, как раз уверен в том, что если вдруг до кого-то из них дойдет эта информация, то тебя моментально сдадут. И сделают это втайне от него. Так что надо ехать...

— А смысл? Документы-то у меня мои останутся! Тут я без прописки живу себе и живу, а в любом другом месте такое не прокатит.

Но Женька, который был старше меня на три года и всегда держал шишку в нашей детской компании, только изогнул бровь, заставляя заткнуться, и продолжил:

— Паспорт я тебе сделаю. Чистый. Хоть за границу с ним катайся. Есть у меня один чело... Э-э — он махнул рукой. — В общем, будет у тебя документ. С этим не парься. На неделю только затихарись и нигде не шляйся, чтобы лишний раз не светиться по городу. А как все будет готово, я тебе сам позвоню.

— Ясно... Блин!

— Что такое?

С силой потерев подбородок, я признался:

— Да только сейчас дошло — если меня сдадут, то нохи к тете Маше могут заявиться с поисками. Или Игоря Михайловича трести начнут, потому что я с ним последнее время тусовался...

— Это — Сосновского, что ли? Вряд ли. Кто про ваше общение знать может? Не расскажи ты мне сам об этом деде, я бы и не знал, что вы дружбу водите... Да и насчет тетки все решаемо. Чехи к ней не сунутся, будут действовать через наших братков. Те тоже к Марии Сергеевне не пойдут и в открытую выяснять ничего не станут, чтобы не засветиться. Им ведь здесь еще жить... А даже если и спросят у нее — мол, куда Фелькин друган пропал, ничего страшного не произойдет. Просто ты сработай на упреждение: перед отъездом устрой отвальную и скажи, что едешь за бугор, в поисках лучшей жизни. Куда-нибудь в Эквадор или в Австралию. Тетку же проинструктируй, чтобы она всем говорила, что ты как уехал так и — с концами. Ни звонков, ни писем...

Задумчиво хмуря брови, я протянул:

— Ну как вариант...

А майор еще раз на меня глянул и спросил с обидой:

— Не пойму вот только, чего же ты, мудак такой, сразу все не рассказал? А то: «устал, уволился, суетная Москва задолбала, решил свежим воздухом подышать»... Знаешь, кто ты после этого?

Я на его слова лишь вздохнул и пожал плечами. Оно действительно — чего теперь говорить? Что не хотел лишний раз грузить людей? Так обижу еще сильнее. Тем более... от внезапно пришедшей мысли я застыл. Блин, до меня только сейчас дошло, что у меня реально есть ДРУЗЬЯ. Не приятели, не знакомые, не коллеги, не сослуживцы, а именно друзья. И двое из них себя только что показали. Оказывается, до сих пор в мире не все решают деньги. И тот же Фелька рискнул авторитетом и влиянием в своем кругу, но не выдал детского дружка. А ведь если его кодла узнает, что он упустил возможность на пустом месте срубить ТАКИЕ бабки, на него явно станут смотреть по-другому. Как на лузера или, как говорится в их среде — на лоха. А Женька? Тот готов рискнуть карьерой и свободой. Ведь паспорт он мне вовсе не по официальным каналам делать будет. А в ментовке гадючник такой, что каждый с радостью подставит ближнего.

Пока я отвлекался на эти размышления, Запашный что-то продолжал говорить. Точнее, не что-то, а расписывал план моих дальнейших действий, советуя после изменения внешности не метаться по замшелым углам нашей необъятной Родины, а просто поехать в Москву или Питер, где устроиться на работу и спокойно жить. Такого шага от меня точно не ждут, да и в маленьком городе я с моей деятельной натурой всегда буду на виду. А в крупном — легко растворюсь среди миллионов жителей. Он где-то с полчаса меня инструктировал, говоря то, что я, в общем, и сам отлично понимал, но приходилось молчать

и поддакивать. Просто из уважения к проявляемой заботе. В конце концов, майор выдохся и, ругнув напоследок коллег из ФСБ, от которых реальной помощи не дождешься, подвел итог:

— В общем, понял — живешь на новом месте тише воды ниже травы? Вот и хорошо. Но на всякий случай — возьми.

Сунув руку под сиденье, Женька извлек оттуда какой-то увесистый предмет, завернутый в тряпку, пояснив:

— Это «ТТ». Магазин полный. Сам ствол «чистый». Правда, «китаец», но тебе из него не войну вести, а уж восемь патронов он отстреляет нормально. И пока не уедешь, смотри, чтобы пистолет всегда был с тобой. Мало ли что? Лучше, конечно, без этого обойтись, но страховка не помешает. Только не вздумай размахивать им как атаман шашкой, да и вообще светить без дела. А как доедешь до Москвы, просто выкинь в какую-нибудь речку и все.

Молча развернув сверток, я покрутил в руках угловатый пистолет, а потом завернул его обратно и сунул в карман со словами:

— Спасибо, Жень, действительно — спасибо...

На что Запашный, смущенно хмыкнув, ответил:

— Вот ёк-макарек, а ведь еще позавчера даже и подумать не мог, что гражданским лицам совершенно неучтенное огнестрельное оружие своими руками отдавать буду. У народа и так «левых» стволов немерено, а я еще свою лепту добавляю...

— Что, реально много?

Чересчур правильному Запашному, наверное, надо было как-то оправдаться хотя бы перед самим собой за этот поступок с пистолетом, поэтому он многословно начал объяснять:

— Да выше крыши! Ладно еще, когда охотничье не зарегистрировано. Если такое ружье у нормального мужика хранится, то на это я сквозь пальцы смотрю. Да даже если что-то и посерьезней... что я, не понимаю, какая у нас жизнь? Но тут все от человека зависит. Вон, помнишь Дмитрия Саныча? Ну что во второй школе военруком работал? Так вот у него «макар» наградной был. Теперь он у его сына хранится. С одной стороны — не положено. Но с другой, Гриню я давно знаю и могу точно сказать, что из этого пистолета он людей стрелять не начнет. А сам пистолет — память об отце... Вот и в тебе я уверен.

— А если бы не был уверен?

Евгений зло фыркнул:

— Тогда бы и этого разговора не было. Но ты тут шутишь, а ведь есть такие отморозки, которые, вообще не думая, шмаляют налево-направо! Ты, наверное, еще не слышал, а нам вчера бомжа с огнестрелом в больницу доставили. В парке какие-то малолетние ублюдки поиздеваться хотели, а когда тот начал сопротивляться, пулю в него всадили.

Оп-па! Я наострил уши и, стараясь не выдать волнения, поинтересовался:

— Да ну на фиг? Неужели здесь подобные отморозки появились?

— Вот и я уже мозги вывернул. Ну не было у нас таких! И опера то же самое в один голос твердят. В крупных городах уродская молодежь сплошь и рядом встречается, а у нас — сам знаешь... Только факт остается фактом — человек в больнице, а эти сволочи где-то гуляют.

— Так его не ухлопали?

— Нет, повезло мужику. Прикинь, как в кино получилось — у него Библия в нагрудном кармане бушлата лежала, так пуля через нее прошла, по ребру срикошетила и уже практически без рубашки, одним сердечником, в легкое вошла. И пуля, что характерно — от АК.

— Ого, так у этой шпаны автомат был?

— Ты что, откуда? Да и тот мужик сказал, что в него из самопала какого-то шмальнули. Но это уже роли не играет. Я всех наизнанку выверну и сам вывернусь, но тех козлов найду. Такое дело сразу и на корню рубить нужно, а то станет у нас, не дай бог, как в каком-нибудь Новосибирске или Москве...

Мне очень не понравилось вполне справедливое рвение майора и я попробовал прощупать волнующий вопрос:

— Ну да, свидетель живой есть, значит, найти будет легко.

Запашный махнул рукой:

— Да какой из него свидетель! Он никого толком не разглядел, да и вообще, похоже, с головой не очень дружит. Сам понимаешь, это же бомж. Мозги пропиты напрочь. Следователь его уже допросил, так он даже толком место рождения назвать не смог. Деревню вспомнил, а область уже не сумел.

С трудом сдерживая радость от такого отношения милиции к иномирянину, я выдохнул и осторожно спросил:

— Слушай, а вот интересно, как потом с такими людьми поступают? Ну вот в частности с этим бродягой? Он ведь в деле фигурирует, а документов у него никаких нет. Вы что — запросы какие-то делаете, а потом новый паспорт ему оформляете?

Майор на вопрос только зубом цыкнул и, насмешливо глядя на меня, выдал:

— Шаз! Запрос-то мы сделаем, только толку от него... Нет, если он по базе проходит и пальчики есть, то личность можно установить. Но вряд ли этот тип в базе обнаружится. На нем ни одной «портачки», значит, скорее всего, не сидел. Да и следователь после разговора такой же вывод сделал. А он мужик опытный, бывших урок нюхом чует. Поэтому — дохлый номер. Сам подумай, этот «Дьякон» себя то Ваниным, то Ивакиным называет, то Геннадьевичем, то Георгиевичем. Единственно что — имя и кличку никогда не путает. Как тут точный запрос делать и паспорт оформлять? Да и смысла нет, так как он только очухается, сразу из больницы сбежит. Там ведь бухать не дают. А документы, если даже ему их сделать, или потеряет, или выкинет, или пропьет. Я с подобным уже сталкивался... Да черт с ним, с этим бомжем, давай лучше дальше соображать, куда жить поедешь!

Только выслушать новую порцию советов относительно будущего места жительства сразу не удалось, так как запиликал мой телефон. Оказывается, прорезался Феликс. Весь такой суетной и загадочный. Но, узнав, что я уже говорю с Запашным, Фелька успокоился и отключился, предварительно сказав, что он сейчас в Дубровке, но по возвращению обязательно ко мне зайдет.

Потом, еще с полчаса поговорив с Евгением, я, очередной раз пообещав ему не маячить лишний раз по Юрьеву, попрощался с майором и сразу же пошел нарушать обещания. Просто опять надо было в магазин, так как я совершенно упустил из вида, что, помимо поесть, моим ребятам надо еще и где-то спать. Несколько одеял у них уже было, но спальные по-любому удобнее, да и туристические коврики не помешают. А из одеял пусть лучше светомаскировку на окна сделают.

Глава 3

— Фух! Вот теперь вроде нормально заработал!

Выпалив это, я настороженно поглядел на портал и, отойдя в сторону, присел на деревянный чурбачок. «Проф» тем временем, мурлыкая чего-то под нос, делал записи в своем талмуде. Закурив и пряча огонек сигареты в кулаке, я нет-нет, да и косился на «турник». Ну а вы бы как себя повели, если бы увидели, что при первом включении «объекта 18–36 бис» № 2 чернота не только заполнила его внутреннее пространство, но и выплеснулась метров на сорок вверх и в стороны? Хорошо еще не объемно, а как бы это сказать... ну плоско. То есть получился такой вертикально стоящий черный блин. Я, честно говоря, чуть заикой не стал, так как совершенно не ожидал подобной подляны от достаточно известной уже штуковины. Хотя, наверное, надо по порядку...

Тогда, после переговоров с Запашным, я двинул по магазинам. Ну а вечером была еще одна беседа. На этот раз с Кравченко. Феликс, не ограниченный рамками закона и внутренними терзаниями, припер мне почти новенький «Каштан»³ с двумя магазинами на

³ АЕК-919К (Каштан) — пистолет-пулемет.

двадцать патронов, одну РГД-5⁴ и свой взгляд на дальнейшую жизнь Сергея Корнева. При этом, что характерно, от денег за ствол тоже с негодованием отказался, а насчет гранаты сказал, что эта хреновина нужна не для того, чтобы во врага кидать, а для того, чтобы живым в руки к «чехам» не попасть. У него, мол, в бригаде у одного парня отец в свое время к ним в плен угодил и... В общем, лучше подорваться. А учитывая причины захвата, мой самоподрыв для души и для тела будет гораздо полезнее...

Ответив, что кавказским джигитам ни в живом, ни в мертвом виде попадаться не собираюсь, я перевел разговор в более позитивное русло, после чего мы часа полтора обсуждали разные животрепещущие вопросы. В конце концов, озадачив Феликса тем, чтобы он принес снятый зачем-то глушитель к «Каштану», распрощались. А уже в ночь, захватив Профессора, поехал обратно в Михеевку.

День выдался насыщенным, но оставалось еще одно незаконченное дело. М-да... вот кто бы мне раньше сказал, что я в параллельный мир буду бегать как на кухню за котлеткой, в глаз бы тому плюнул. Но сейчас, заскочив в сарай, подождал, пока «проф» запустит свою шарманку, и, груженный новой партией свежезакупленного барахла, нырнул в портал. Пробыв в России-2 буквально полчаса, вернулся обратно. Вернулся лишь для того, чтобы быть пойманным за ноздрю Сосновским. При этом глаза перевозбужденного Игоря Михайловича светились, как у отца Федора, стырившего колбасу. Я сначала даже не понял причину внезапной ажитации, но быстро допер, что «профу» в задницу вонзилось шило глобальных размеров и он желает начать испытания нового «турника» прямо сейчас. Мои отмазки относительно усталости и острого желания поспать не прокатили, поэтому я лишь вздохнул и принялся помогать. Правда, как говорится, «эксперимент не удался». Сколько сосед ни бился, второй портал ни фига не работал. Просто категорически. Я даже вздремнуть успел прямо на табуретке, привалившись к стене сарая. А проснулся оттого, что Сосновский, громко хлопнув ладонью по лбу, обозвал себя старым идиотом.

Внутренне согласившись с такой ярой самокритикой, я поинтересовался ее причиной. Ну и получил развернутый ответ. Смысл его заключался в том, что скорее всего второй объект может работать только из мира номер два. После чего я был навьючен порталом и отправлен в «параллель». Следом выпал сам Профессор, груженный приборами и UPS. Блин, будь я не спросонья, хрен бы вот так пошел, но давать обратку было поздно, поэтому пока сосед подключал генератор к бесперебойнику, я вслух опасался того, что пока мы вдвоем будем в России-2, вдруг в нашем мире что-то забарахлит и... Но сосед меня утешил, сказав, что все многократно дублировано, да и работает как часики. Ободренный, но не успокоенный, я прислонил второй портал на ветки кустов, сделал шаг назад, а Сосновский щелкнул тумблером.

Вот тут-то все и приключилось. Точнее — заработало. Но как заработало! Долбанный «турник» повел себя совершенно неадекватно, заставив меня зайцем отпрыгнуть в сторону. А когда я увидел, что и знакомая дымка вполне исправного до этого «портала № 1» тоже вспухла, рывком увеличившись в размерах, чуть не взвыл. Ёперный папуас! Сломалось! Все сломалось! Правда, высказаться по этому поводу не успел, так как Игоря Михайловича подобное зрелище тоже торкнуло, и он моментально отключил питание. Второй «турник» тут же схлопнулся, а сизая дымка нашего приняла знакомые очертания. Но самое главное — он вполне нормально функционировал. Это стало понятно, когда мы шмыгнули обратно, забыв с переполюха портал номер два на ТОЙ стороне. Минут через двадцать, когда пришли в себя, его, конечно, забрали, только на этом эксперимент был прекращен. Просто я сильно перенервничал (читай — перепугался) и стал буен, да и «проф», в общем-то, не настаивал, а глядя на меня круглыми, еще не отошедшими от стресса глазами, предложил хряпнуть водочки. Пить в четыре часа утра было довольно странно, но я поддержал его идею. Пока пили, Сосновский все не уставал нахваливать судьбу за столь удачное завершение испытания

⁴ РГД-5 — противопехотная осколочная ручная граната наступательного типа.

нового «турника». И даже не потому, что ничего не сломалось, а потому, что все возможные свидетели в обеих Михеевках спали и не могли видеть здоровенный черный блин, вставший над включенными порталами...

В общем, продолжили мы лишь через четыре дня. Кстати, сегодня, пока «проф» готовился, я провел собственный маленький эксперимент и взял с собой обычный удлинитель, воткнутый с нашей стороны в розетку. Но в «параллели» тока так и не было, а мои дерганья за шнур привели к тому, что я содрал кожу с ладони и чуть не порвал провод. Опыты могли бы быть продолжены (была мысль пройти с включенной в сеть переноской и посмотреть, в какой момент лампочка погаснет), но тут появился Игорь Михайлович и, скептически хмыкнув, призвал меня не маяться дурью, а заняться делом. Тем более что уже три часа ночи и надо пользоваться моментом.

Новые игры с порталом показали интересную штуку. Оказывается, чем ближе «турники» друг к другу, тем больше общая величина пробоя между мирами. То есть на расстоянии от десяти до пятидесяти метров они оба вели себя нормально. Но вот если их сводить... В общем, на пяти шагах окна такие — хоть вагоны туда загоняй! Та же хрень случалась, и если их разводить дальше пятидесяти метров. Распахивались, словно ворота здоровенного ангара. Точно замерить не получилось, так как было темно, а шуметь, лазая с рулеткой по кустам, не хотелось. Мои ребята хоть и в другом конце деревни обитают, только у них налажено ночное дежурство, а звуки в ночи далеко разносятся... Но и этого «профу» хватило за глаза, для того чтобы он от меня отстал и засел за какие-то расчеты. Тем более что на следующий день стало не до него.

Просто, еще во время предыдущего посещения «параллели» по просьбе Настены я притащил ей преобразователь, позволяющий подцепить компьютер к прикуривателю УАЗа. И она за это время «вскрыла» трофейный ноутбук. Чем и похвасталась мне.

Вообще за прошедшие девять дней они в этой заброшенной Михеевке уже довольно неплохо обжились. Быт, так сказать, наладили. Да и Толик практически оправился от ранения. Рука еще не очень хорошо двигалась, но зато ни слабости, ни температуры больше не было. Так что перед ними постепенно в полный рост вставал вопрос — что делать дальше? Не прямо сейчас, сию минуту, а вообще, так как по молчаливому уговору народ думал дожидаться, когда к ним вернется Ванин, и только потом начинать предпринимать какие-то шаги. Но при этом все на меня поглядывали, как будто ожидали окончательного решения. Только вот что я им мог сказать?

Первый благородный порыв как-то прошел, и по здравом размышлении становилось понятно, что я совершенно не имею представления, где и как искать подпольщиков. Скажу больше, меня терзали смутные сомнения относительно того, стоит ли их вообще искать? Точнее говоря, стоит ли мне в этих поисках принимать участие? Ведь реально это было просто чудо, что нам удалось сначала уйти от криминальной полиции, перебить пост на дороге и спрятаться в этой деревне. И если трезво смотреть на вещи, то надеяться на подобные чудеса не следует. С другой стороны, я хорошо понимал, что без меня ребята просто пропадут. А тут еще эти арабы с ножами... Просто не знаешь, за что хвататься...

Вот с такими настроениями я и пришел в Михеевку № 2. Заодно весть хорошую принес насчет Алексея. Сам с ним еще не виделся, но зато сумел узнать, что дьякон довольно быстро идет на поправку. То есть такими темпами скоро его можно будет из больницы изымать. Кстати, вот еще одна головная боль. Про Лешкино состояние я ненавязчиво, под пиво, спросил у Витьки Белкина, который электриком в больнице работает. Вернее, не спросил, а так построил разговор, что он сам все сказал. Попутно Витек просветил, что этот выздоравливающий бомж оказался заядлым читаклой и активно потребляет всю прессу, которая попадает к нему в руки. А вчера дежурный врач учинил скандал медсестрам, так как молчаливый, но крайне шустрый бомжара, которому пока было запрещено вставать, пробрался в холл и был пойман во время обхода возле телевизора.

От этого известия я только крикнул и, открыв новые бутылки, сменил тему разговора. А у самого в голове одно вертелось: «Пипец, приехали». Теперь придется рассказать Ванину

все как есть. Хотя, с другой стороны, чего я ожидал? Именно этого, только не думал, что все настолько быстро произойдет. Дьякон ведь не слепоглухонемой инвалид... М-да, одно утешает — язык за зубами держать он умеет. Так что — нехай скорее выздоравливает, а там разберемся!

Но после разговора с Белкиным жизнь подкинула новый сюрприз. Дело было так: во время очередного посещения России-2, не успел я сообщить счастливой Марии новость относительно вставшего на ноги мужа, как Настя, загадочно подмигивая, протянула мне ноутбук, когда-то принадлежащий знатному собаководу Джорджу Эперсону. Файлов там было до хрена и разбираться с ним надо было вдумчиво, но в первую очередь мое внимание привлекла папка, озаглавленная: «Американский террористический сепаратизм». Я даже несколько обалдел, подумав, что этот Эперсон, похоже, был очень самокритичным и, не исключено, фрондерствующим гражданином, поэтому, чисто для себя, обозвал всю штатовскую политику — террористической. Единственно, несколько смутило слово «сепаратизм» и, удовлетворяя любопытство, я кликнул по иконке. А через несколько минут чтения, покрутив головой, фыркнул:

— Во дают...

Настя, заглянув мне через плечо, удивленно подняла брови:

— Сергей, ты не то открыл! Там файл называется «График снабжения подразделений К-9 округа Тамбов». Он прямо на рабочем столе лежал. А ты какие-то штатовские новостные подборки смотришь...

Но я, не реагируя на ее слова, продолжал разглядывать очередное фото заокеанского сепаратиста в черном берете «а ля Гевара» (на котором вместо звездочки был орел с веревкой в клюве, стоящий на странных мохнатых кругляшках⁵), в гламурной трехдневной щетине и с «Minimi»⁶ наперевес. Надпись под фотографией гласила, что это — Родриго Умбертос, лидер крупной латиноамериканской группы «Северные территории», которая выступает за присоединение Техаса к Мексиканским Соединенным Штатам.⁷

Брутальный лидер, демонстрирующий фотографу сурово насупленные брови и сложную татуировку, уползающую с шеи куда-то под футболку, сильно смахивал на преуспевающего сутенера, поэтому смотрелся несерьезно. Еще более несерьезно, чем виденные в предыдущих статьях бритоголовые нацики, перьевые индейцы и улыбчивые мужики в шикарных костюмах, которые тоже, оказывается, чего-то там сепаратистили.

Правда, на этой, последней, фотке меня заинтересовал не пыжащийся мачо, а человек, стоящий вполоборота за его спиной, который сильно напоминал нашего институтского препода специальной тактики — полковника Ливнёва, по кличке «Таракан». Во всяком случае, усы, из-за которых он и получил прозвище, были точь-в-точь ливнёвские. Да и мордально похож. Только этот несколько загорелее, и нос у него расплющенное... Подивившись интересным вывертам природы, которая может сделать чуть ли не близнецами смуглого латиноса и природного русака, я переключился на текст статьи.

В принципе, прочитанные материалы не отличались разнообразием, будучи сильно паническими и предсказывающими скорый развал США на целую кучку маленьких штатиков. Ну или в самом лучшем случае, на две части. Если говорить вкратце, то оказывается, довольно давно какая-то «Лига юга» начала движение за отсоединение южных штатов от США. Потом к ней присоединились «Совет консервативных граждан», «Новые конфедераты» и «Свободу Мэну». Поначалу все было очень добропорядочно и благопристойно. То есть эти объединения действовали исключительно законными методами,

⁵ На гербе Мексики изображен пожирающий змею беркут, сидящий на кактусе.

⁶ Ручной пулемет, разработанный в Бельгии. В США принят на вооружение под обозначением M249SAW.

⁷ Официальное название Мексики.

постепенно пролезая во власть и ведя активную пропаганду своих идей. Вся эта бодяга началась лет пятнадцать назад и шла тихо-мирно до той поры, пока в 2008 году не появилось крайне радикальное движение «За свободный Техас». И тут их как прорвало! Активно зашевелились неонацистские «Арийские нации», националистические «Сыновья и дочери», индейцы с их «Республикой Лакота».⁸ Даже мексиканцы и черные не остались в стороне, хотя с чего начали дергаться последние, я так и не понял. Неграм ведь в случае чего припомнят все и всё, включая политкорректность, борзость и «афроамериканизм». Хотя больше всего меня поразили финны⁹ и мэр Нью-Йорка.¹⁰ Мэр-то еще ладно, просто затеял референдум, ставящий целью объявить этот город вольным и не подпадающим под юрисдикцию Соединенных Штатов. А вот финны, которые жили в северной части штата Мичиган (и откуда они там взялись в таких количествах?), не просто заявили о своем желании выйти из состава США, а захотели присоединиться к Финляндии.

Самое смешное, что некоторые из этих организаций существовали и в моем мире, но никто на них так нервно не реагировал. А тут журналюги панику до небес подняли... С другой стороны, у нас эти «сепаратисты» ведут себя вполне прилично и не штурмуют полицейские участки в Майами. А правительство США не вводит в Калифорнию национальных гвардейцев. Хотя не исключено, что это на них так затянувшийся в «параллели» кризис подействовал. И вот ведь интересно — вроде и Россию под себя подмяли, и ресурсы сосут как из пулемета, но этот самый кризис только усугубляется. Выходит — не в халяве дело? И общий спад, скорее, не экономическое явление, а системное?

— Ну чего ты застыл?

Голос Насти вывел меня из задумчивости, и, кликнув мышкой, закрывая окно, я поинтересовался:

— Слушай, а что сейчас у амеров вообще творится? Я намедни телевизор смотрел, так там ничего особенного в новостях не было. А тут, в статьях, прямо грядущий всеамериканский капец описывается... Или это как обычно — просто пугают людей, чтобы рейтинг поднять?

Девчонка махнула рукой:

— В наших новостях вообще о внешней политике почти не говорят, а все больше напирают на криминальную хронику и разные происшествия. «Сегодня количество жертв автоаварии увеличилось еще на два человека, и теперь можно с радостью констатировать, что выживших не осталось».

Настена очень похоже передразнила теледикторшу, продолжив:

— А насчет Америки... Там тоже непонятно, так как в одних блогах пишут одно, в других — прямо противоположное. Одно ясно, что на юге какие-то выступления идут, но мне кажется, что даже интернетовские новости надо делить на тридцать восемь. То есть шума гораздо больше, чем дела.

Ухватившись за знакомое слово, я удивленно спросил:

— Интернетовские? Я думал, у нас Интернету почти полный кирдык настал. Работает только внутрироссийский, и тот активно цензурят...

Собеседница многозначительно пошевелила бровями и гордо сказала:

⁸ «Совет консервативных граждан», «Новые конфедераты», «Свобода Мэну», «Арийские нации», «Сыновья и дочери», «Республика Лакота» — реально существующие сепаратистские организации.

⁹ Реально, жители северного Мичигана даже референдум проводили. Но власти США его признали незаконным.

¹⁰ Реально, в 2006 году член городского совета Нью-Йорка Питер Валлоне выступил с подобным предложением. Инициатива была поддержана почти половиной членов совета. Для ее реализации не хватило буквально нескольких голосов.

— Это для лузеров он — только внутренний. А знающий человек всегда дырочку найдет! — А потом, шутливо нахмурившись, поинтересовалась: — Ты будешь смотреть файл, или как?!

— Буду, буду!

После чего, добросовестно просмотрев несколько Excel'евских таблиц, на Настино «что скажешь?» я пожал плечами:

— Немного. Ведь только то, что в тамбовском филиале три месяца назад была изменена номенклатура собачьего корма и ее увеличили почти в два раза, нам ни о чем не говорит. Потому что вот здесь, — я открыл другое окно. — Видишь, заявка на будущий месяц на Руднево. Там тоже, судя по запросу, собачки появятся. Но мы точно знаем, что в Руднево никаких тайных тюрем нет, а есть лишь пиндосовский поселок и обширная техническая стройка. Или Красновку, что под Пермью, к примеру, взять. Заявка начала года для К-9, на девять псов с вожатыми. За каким бесом они там нужны, сказать невозможно. Тут нужно вдумчиво смотреть, совмещать эти косвенные данные с другими источниками, проводить анализ с последующей разведкой. А нам это просто не по силам... Так что пока не найдется выход на остальных «колхозников», эти данные никак использовать не получится. И сейчас надо думать не о тюрьмах, а о том, как нам дальше жить.

Услышав эти слова, сидящий возле окна Толик как-то странно взглянул на Анастасию и, после ее чуть заметного кивка, подал голос:

— Серега, а ты вообще как дальше сам думаешь? Ну к примеру, находим мы наших. А ты что делать будешь?

Я ухмыльнулся:

— Бурно радоваться! В этой деревне, конечно, можно какое-то время протянуть, но всю жизнь здесь не просидишь. Да и с работой что-то думать надо... У вас ведь нет должности «помощник подпольщика», «главный партизан» или «резидент сопротивления третьего класса» с соответственными тарифными ставками? Вот видите... А меня с работы уже поперли за прогулы... Так что у нас есть месяц, после чего можно дружно класть зубы на полку. Хорошо еще, что я у своего братана запойного на халяву живу, а то бы сейчас вместе с вами обитался...

Ребята смутились, а я злорадно подумал, что не фиг тут тайны разводить! Не зря ведь они переглядываниями занимались? Да я и с самого начала не верил, что у них **ВООБЩЕ** никакого выхода на своих коллег не осталось. Он мог быть сложным, он мог быть долгим, он мог быть геморройным, но он должен быть! Но Ловягин смутился недолго и продолжил задавать вопросы:

— Серега, я вообще-то про другое спрашиваю. Если, к примеру, через несколько дней сюда приедет человек и вывезет нас в безопасное место, то ты с нами поедешь или тут останешься, прежней жизнью жить?

Ого! А ведь этот вопрос подразумевает, что у них уже есть связь! Интересно только, как это получилось? Не по телефону же созвонились, хотя зона приема тут есть... Стоп! Настькин навороченный наладонник и ее слова, что умный человек всегда дырочку найдет! Пусть эти слова были сказаны по другому поводу, но они подразумевали, что она — точно не лузер. Угу... угу... Получается, через Интернет на своих вышли. Небось, есть какой-нибудь почтовый адресок, на который можно скинуть паническое письмо. Вот только в том, что они сразу после провала письмо это написали, я глубоко сомневаюсь. Паника, погоня, раненый товарищ на руках... Да и зона покрытия связью далеко не везде есть. Поэтому и вспомнили про Ванина. И «мыло», скорее всего, Настя скинула уже утром, перед тем как мы в воронежскую больницу собрались идти. А потом стало не до того...

Но почему столько времени им ответа не было? Ладно в течение суток не ответили. Только ведь почти десять дней прошло с того времени... Блин! Вот я тупой! У Настены в наладоннике скорее всего просто аккумуляторы сели! И зарядить их было негде до тех пор, пока я в прошлый свой приход конвертор не притащил. Угу, здесь все понятно. Единственно, что меня тревожит, так это... Цыкнув зубом, поспешил уточнить:

— Настя, в твоём мини-компе «симка» на чьё имя оформлена?

Надо отдать должное девчонке — она сразу поняла ход моих мыслей и, уважительно кивнув, ответила:

— Не беспокойся, на «левого» человека. Но как ты догадался?

— Тоже мне бином Ньютона! Тут и дурак сообразит, что вы не зря этот разговор завели. Если завели, значит — связь появилась. Но так как она появилась лишь после того, как ты свой «НР» зарядить смогла, вариантов осталось немного. У меня только один вопрос — а что, на трассе, когда вы в Воронеж ехали, зоны покрытия не было?

— Нет... И у Алексея в доме её тоже не было. То есть была, но очень плохая. Письмо не проходило. Только когда мы уже Толика в больницу повезли, я смогла нормально в сеть выйти...

Вот теперь все встало на свои места. Но насладиться собственной прозорливостью я не успел, потому что Ловягин опять затребовал ответа на свой вопрос. Настя ничего не спрашивала, просто смотрела весьма выжидающе. Побарабанив пальцами по столу, я вздохнул:

— Ну фигли вы наезжаете? Я вот так сразу как-то не готов отвечать. Да и вообще, чего бежать впереди паровоза? Леха в больнице ещё неделю как минимум лежать будет. А как он выйдет, тогда и решим, с вами я или сам по себе. Договорились?

Анастасия разочарованно кивнула и отвернулась, а Толян ответил:

— Хорошо, так и сделаем. Просто я сам недодумал. Нам всем новые документы нужны будут, так что заранее хотел узнать — ты в деле или нет. А потом дошло — Корнев ведь нигде не засвечен, поэтому ты и со своим паспортом вполне можешь дальше жить...

Услыхав про возможность халявного изготовления местного «папира», я встрепенулся:

— Эй, эй, насчет «корочек» — я в доле! Как бы ни повернулось, будем считать их платой за беспокойство. Сами понимаете — при нашей жизни запасные бумаги не помешают... Единственно — они не совсем «липкой» будут?

Ловягин хмыкнул:

— Насколько знаю, пока никто при проверках не попадался.

— Вот и добре...

А насчет документов я так подумал — мало ли что в моем мире может произойти? Может, папаша Ахмета со товарищи так прижмет, что здешняя обстановка мне раем покажется? Поэтому паспорт, позволяющий легализоваться в России-2, будет вовсе не лишним.

В общем, закончив на этой оптимистической ноте разговор, я пообедал с ребятами, уточнил возможную дату появления их коллег — колхозников и, выцогавив трофейный ноутбук у Насти (она с него все, что нужно, уже перекинула на свой наладонник), выдвинулся в Юрьево. То есть всем сказал, что поеду в город, а сам, дойдя до трассы, тайком вернулся назад и минут двадцать сидел в кустах, ожидая открытия портала.

* * *

— Очень интересно... Сергей, как, ты говорил, зовут того араба, который на тебя охоту объявил?

Отложив кусок ветоши, которой чистил пристрелянный сегодня в степи «Каштан», я ответил:

— Исрани. Полностью — Мухаммад-аль-Исрани. Правда, где у него тут имя, а где фамилия, до сих пор так и не разобрался. А что?

Профессор, который увлеченно изучал оставленный мною ноутбук, поправил очки и, жестом подзывая подойти поближе, произнес:

— Посмотри, что я нашел. Вот тут, в папке «Организации Ближнего Востока».

— Чего там?

Я эту папку тоже просматривал, но ничего интересного не обнаружил. Те же

панические интернетовские статьи, только с описаниями дел, творимых беспредельствующими потомками Хоттабыча. Единственно, помимо английского, они были на самых разных языках, включая арабский. Сосед тем временем, постучав ногтем по экрану, многозначительно глянул на меня:

— Читай.

Наклонившись к компьютеру, я начал с заголовка:

— Ла Трибуне... Э-э-э, фрюва... фрювуа... — тут до меня дошло: — Блин, это же на французском. А я в нем ни бум-бум!

Игорь Михайлович вздохнул и начал переводить. Суть статьи была в том, что турецкая полиция при содействии американских спецслужб в Стамбуле задержала некоего Малика Чиханмера, принадлежащего к группировке «Эль-Мухафа». Так вот, этот Чиханмер не просто жил в небольшом домике на тихой улице, а являлся доверенным лицом и кассиром моего недоброго знакомого — Исрани. Когда копы брали Малика, то у него дома только налом изъяли около трех миллионов евро. А потом стали арестовывать «выясненные в ходе следствия» счета группировки. В результате этих действий полиции «Мухафу» начало лихорадить, и ее лидер, обвинив во всем папу Ахмета, вынес своему первому заместителю приговор, который тут же исполнили. Исраневские сторонники возмутились и схватились за оружие. После чего «Эль-Мухафа» распалась на две жутко ненавидящие друг друга банды, которые принялись активно убавлять поголовье бывших коллег и практически совсем выпали из террористической борьбы.

Выслушав перевод, я ошарашенно покрутил головой:

— Ну надо же! Нет, я слышал про то, что земля маленькая и знакомых можно встретить везде, но никак не думал, что это наблюдение даже на параллельный мир распространяется. Вот уж не ожидал про этого араба услышать из ТАКИХ источников. М-да... Единственно, что могу сказать — жалко, что его там, а не здесь замочили. Очень, очень жалко...

Профессор кашлянул и, глядя на меня поверх очков, укоризненно сказал:

— Сергей, вы что, ничего не поняли?

Я в ответ пожал плечами:

— А чего тут понимать? В том мире на моего кровника повесили пропажу кучи бабок и вынесли общественное порицание, с летальным исходом. Но мне-то от этого ни холодно, ни горячо. Если бы все у нас происходило, я бы свечку поставил за тамошних полицейских и начал спокойную жизнь. А так — толку от того, что Исрани ТАМ замочили? Он-то за мной ЗДЕСЬ охотится...

Сосновский снял очки, потер глаза и, опять водрузив свои «окуляры» на нос, стал читать избранные места:

— Так, где это... а, вот! «Более двадцати пяти лет Малик Чиханмер жил в небольшом доме на улице Мафитилик восемь, и никто не мог предположить, что за маской добропорядочного владельца обувной лавки скрывается доверенное лицо самого Мухаммада-аль-Исрани по кличке „Тарантул“». Теперь дошло?

Сначала не дошло, а потом я чуть сигарету не выронил... Ёк макарёк! Правильно — ведь развилка наших миров произошла где-то в районе 1991 года. Ну если брать грубо. А этот самый Малик жил в Стамбуле с 1990 года. Конечно, все вилами по воде писано, но любому это — шанс! До самого ахметовского папы мне не дотянуться. Однозначно и без вариантов. Но вот подгадить ему можно попробовать. И если все срастется, то моя пакость закончится для Исрани так же, как и в «параллели» — свинцовой plombой в башку. У меня аж руки затряслись от возможных перспектив, и, закулив, я стал лихорадочно обдумывать их реализацию. Так, так, так... Знакомец в ФСБ у меня есть. Тот самый подполковник Лопакhin, который сначала утешал меня относительно возможной кровной мести со стороны арабов, а потом советовал уматывать из города. То есть первичная точка вброса информации имеется. Значит, надо просто передать ему данные на Малика и сказать, чем тот занимается в свободное от продажи обуви время. А потом можно спокойно ожидать развязки.

Я шмыгнул носом, представил себе все это воочию и в раздражении чуть не сплюнул.

Ага, как же! После такого пассажа спокойной жизни у меня точно не будет, так как для начала органам станет крайне любопытно, а где это Корнев нарыл настолько интересную инфу? Чего им ответить? Правильно — нечего... И только этот факт ставит огромный, жирный крест на всем начинании. А даже если предположить совершенную фантастику и я найду очень правдоподобное объяснение своим знаниям, то один черт, нет никакой гарантии успеха. Ведь в статье говорилось, что турки действовали вместе с пиндосами. То есть можно с уверенностью предположить: амеры нарыли все расклады, а потом, в самый последний момент, поставили турок перед фактом. Ну а что — они союзники, и такое вполне может быть. Наши же с янычарами ни фиги не союзники, и я твердо уверен, что информация уйдет на сторону уже на этапе первичных согласований. То есть лично для меня угроза со стороны Исрани не исчезнет, зато дополнительно появится пристальное внимание со стороны нашей ФСБ. Ведь тот же Лопехин хоть и смотрел сочувствующе, но свои вопросы с подковыркой, относительно возможной вербовки иностранными спецслужбами, задавал. Вот он-то меня и раскрутит по полной (ну да, своих «колоть» — это не за арабами гоняться), и я получу то, чего опасался в тот момент, когда первый раз узнал о портале. То есть поймею еще более худшую ситуацию, чем сейчас...

Так, соображаем дальше... Что у меня еще есть? Есть Майя со своим хитрым женихом и продвинутым дедушкой. Но там тоже как-то все очень мутно. Более того, я к ним просто боюсь обращаться. И самый главный сдерживающий фактор — та странная история с американским полковником, из-за которой все началось. Я ведь все ее несурзности для себя так и не разъяснил... Да и вообще, попасть на крючок к Моссаду мне хочется еще меньше, чем к ФСБ. Евреи они такие — если прижмут (а они обязательно прижмут, исходя из тех же соображений, что и чекисты), то свои спецслужбы моментально родными покажутся... Так что при прочих равных условиях я лучше портал нашим отдам, чем буржуям! Хотя отдавать его не хочется ни тем, ни другим. Блин, и как же поступить?

Сосновский, который сначала молча смотрел на то, как его помощник, бормоча под нос, пытается найти внутренний консенсус, а потом, видно, поняв, что искать он его может до морковкиного заговенья, неожиданно заговорил:

— Я войну не застал. Точнее, родился еще до войны, но по причине возраста в ней участия не принимал. Зато у меня были старшие друзья, которые ее прошли. И, общаясь с ними, я понял одно — боевое братство — это на всю жизнь.

Эта речь была настолько не в тему, что, закашлявшись, я вытаращил глаза:

— Игорь Михайлович, вы это к чему?!

Но сосед, не обращая внимания на мое изумление, спросил:

— Сергей, у вас друзья есть? Настоящие друзья?

— Пх... Ну... несколько дней назад узнал, что как минимум двое есть... А что?

«Проф», который был в курсе последних событий, махнул рукой:

— Я имею в виду не тех, которые не продадут, если появилась такая возможность, а тех, кто готов рисковать жизнью, помогая вам справиться с проблемами.

Пожевав губами, я настороженно поинтересовался:

— Вы объясните, что за намеки? А то я что-то никак не пойму, куда разговор клонится...

— Да чего тут объяснять? Насчет передачи информации в ФСБ вы уже ситуацию просчитали? А как насчет идеи попросить помощи у своих знакомых израильтян? Что, тоже не нравится? Вот видите, значит, обращение к спецслужбам можно отместить. Варианты? Ну первый — просто забыть данные сведения о Чиханмере, как будто их и не было. Второй — собрать надежных людей и попробовать провести операцию своими силами. Поэтому я и спросил, если ли у вас друзья, готовые рискнуть жизнью? И не просто друзья, а подготовленные к такой операции люди?

Еще не догадываясь, куда клонит Сосновский, ответил:

— Нет, таких нету. Только, судя по вашему хитрому прищур, есть еще и третий вариант?

Собеседник кивнул:

— Есть. Третий вариант — это влиться в ряды Сопротивления ТАМ. Заслужить доверие. Выйти на их командование и предложить уладить ваши проблемы в обмен на сведения о портале... Или поступить более человечно, просто рассказав об «объекте», а потом упомянуть про преследования арабов...

Я моментально разволновался:

— Вы что, недоспали? Или переели?! Да как вам в голову такая хе... э-э... в общем, идея — крайне нехорошая! Не буду даже говорить о том, что «колхозникам» мы и на х... э-э...

Чувствуя, что кроме возмущенных матов слов практически не осталось, я замолк, подышал носом, немного успокоился и продолжил:

— В общем — никакое Сопротивление не станет иметь дела с одиночками. Мы им просто не нужны. Точнее нужны, но только на самом первом этапе проникновения. А дальше они предпочтут иметь дело с государственными службами. По-любому! Это — элементарная логика!

Игорь Михайлович тоже завелся и перебил:

— А как вам такая логика, что там люди гибнут?! И вовсе не самые плохие люди, если они готовы сражаться за Родину с оружием в руках. Причем за идеи, которые я поддерживаю всем сердцем. Для меня это, знаете ли — показатель.

Заведенный «проф» встал и начал ходить по комнате, продолжая развивать идею:

— Поэтому если у меня появилась возможность им хоть как-то помочь, то я это сделаю! А ваши опасения по поводу того, что «колхозники» не захотят иметь дела с ныне существующей властью — просто смешны! Я ведь не зря просил вас подробно рассказывать свои впечатления о «зазеркалье». Публикации, что в ноутбуке были, тоже внимательнейшим образом изучил. И могу сказать — обстановка у нас очень похожа на ту, что была у них восемь лет назад, когда там появился новый президент со своей камарильей, развалившей страну. Так неужели вы можете допустить мысль о том, что люди, пережившие весь ужас предательства, способны снова совершить ту же ошибку?

Я несогласно засопел и буркнул:

— Вас на почве нелюбви к нынешнему правительству вообще как-то зашкаливает... Я бы еще понял такие мысли при правлении беспалого, когда портал просто пихнули бы задешево на Запад и на месте Михеевки устроили «совместное предприятие» за высоким забором. А сейчас, может, и не ангелы рулят, но уж что-что, а свою выгоду не упустят. И им гораздо выгоднее пользоваться этой штукой самим, делая сумасшедшие деньги, чем продавать её каким-то забугорным барыгам.

— То есть страну как таковую продавать они могут, а портал нет? Не смешите меня! Сами подумайте...

В общем, этот спор слепого с глухим продолжался минут сорок, и из него я вынес лишь одно: твердую уверенность в том, что необдуманно идеализирующий смирновцев Игорь Михайлович в случае моего отказа сам попрется в «параллель» и, в отсутствие других знакомых «колхозников», выложит моим ребятам все, как есть. Поэтому последние полчаса я уже ничего не пытался доказать, а обдумывал возможные варианты решения проблемы. Точнее, двух проблем: первая — это внезапный альтруизм «профа», возжелавшего обнародовать существование «турника». Но тут мы еще поспорим. А вот вторая касается информации насчет захвата кассира Исрани и надежных людей, способных помочь повернуть это дело. Здесь у меня таких нет. Привлекать наемников? Во-первых, где их искать, а во-вторых — денег на них не хватит. Да и ненадежно это все.

Воспользоваться советом Западного и всю жизнь прожить в бегах да по подложным документам мне тоже не хочется. Честно говоря, просто противно осознавать себя прячущейся крысой, которая убегает от какого-то ошалевшего от безнаказанности ближневосточного ушлепка. А вот найти ТАМ подходящих парней действительно вполне реальное дело. Таких чтобы и в Крым и в Рим и даже с пулеметом. И Сосновский дал

верную наводку, где их искать — в Сопротивлении! М-да, в этом что-то есть. Если уж родное государство не очень хочет моими проблемами заниматься, то придется крутиться самому. И профессор прав, говоря: на тех, кого испытал в бою, можно положиться. Там ведь сразу становится понятно «ху из ху».

А если все выгорит, как задумал, об Исрани можно будет забыть раз и навсегда. План сильно замороженный и могут убить, пока себе команду подбирать буду? Но я и не собирался жить вечно. Тем более, самого с души воротит от того, что в России-2 творится. Ведь побывав там, стал где-то даже понимать добровольцев, которые по зову сердца в Молдавию или в Сербию ехали. Правда, для чисто «сердечного зова» я был слишком меркантильный. Но сейчас слишком много факторов выступает за мой временный уход в параллельный мир. Тогда сразу двух зайцев прихлопнуть можно — и араба на ноль помножить, и тоску по армии удовлетворить. А риск... Ха, там за правое дело повоевать придется, что в наше время — исключительная редкость. Ведь в основном за попил бабок воюют, а не за народ. Поэтому будем считать, что мне хоть в этом повезло. Ну а дальше... Дальше посмотрим, куда кривая вывезет.

Поэтому, перебивая подпрыгивающего в возбуждении Сосновского, я прихлопнул ладонью по столу и веско сказал:

— Короче. Я вас выслушал, теперь моя очередь. В общем, пока досконально не будет выяснено, как обстоят дела в тамошнем Сопротивлении, ни о каком раскрытии тайны портала и речи быть не может. Просто в виде примера — «крот» БОГСа или амеров, работающий среди «колхозников», и нам всем крышка. Согласны?

Игорь Михайлович развел руками:

— Само собой! Я и не говорил о том, что это будет происходить сразу. Как раз...

— Кхм!

Кашлянув и добившись тишины, продолжил:

— Первоочередной задачей буду считать вербовку подготовленных людей для выполнения операции «Шейх».

— «Шейх» — это?..

— Да, финансовое «опускание» Исрани. Попросту говоря — глобальный грабеж его «кассира». Далее — если уж вы решили открыть тайну вкладов, то бишь «турника», предлагаю начинать с малого. А именно с того, кто о портале уже всю догадывается. То есть с Алексея Ванина. Я в нём уверен. Да и люди нам понадобятся. Так что будем его легализовать в нашем мире. У вас ведь есть племянник?

— У меня?! Откуда?!

Профессор в изумлении запотел очками, а я, ухмыльнувшись, подтвердил:

— Именно у вас! В Таджикистане опять заваруха, так что он, типа, будет одним из последних русских, который оттуда сбежал. Без вещей и документов...

— Но у Ваниных дети! Им же не объяснишь, что можно говорить, а что нет.

— Угу — дети. Пяти и восьми лет. Что они могут разболтать? С кем из соседских ребятшек играли? Или что их на улицу редко выпускали, так как вокруг злых дядь много? Бросьте! А даже если вдруг где-то проговорятся о каких-то жизненных нюансах, то никого не удивят кошмары, творимые в ближнем зарубежье. Да и кто вообще будет слушать детские выдумки? Так что тут все нормально. С документами, думаю, тоже решим. Через Запашного или через тетю Машу. У нее, как позавчера выяснилось, в Ростове однокурсница — паспортистка.

— Как-то у вас, Сергей, все легко получается...

— А чего тут усложнять? В наше время главное, чтобы деньги были, остальное — решаемо!

Сосновский после этой фразы, видно, опять хотел вернуть насчет продажности власти и общей херовости коррупционной жизни, но я ему не дал:

— Далее: рассматриваем несколько более отдаленную перспективу. Если я уйду в Россию-2, то мне нужна надежная база с постоянно функционирующим порталом.

Заброшенная Михеевка с ТОЙ стороны не подходит по вполне понятным причинам. Поэтому решение принимаю следующее: со временем в Юрьево-2 покупаю дом, который соответствует вашему дому в Юрьево. «Турник» переносим в город. Ванин с семьей будет жить здесь и являться оператором портала номер один. Вам по-любому придется основную часть времени проводить в параллельном мире, так что вы будете следить за порталом номер два. Вопросы?

Вместо вопросов, сосед уважительно покачал головой и протянул:

— Да-а... таким я вас еще не видел. Что значит военный человек! Четко, понятно, взвешенно. Даже не ожидал...

— А вы что думали? У вояк только одна извилина, и та от фуражки? Зря! Мы потому и строим ходим, что умные. Ну а если серьезно... Знали бы вы, сколько тому же взводному приходится решать одновременных и часто взаимоисключающих задач — куда там нынешним менеджерам! Они бы просто повесились от такого количества вводных.

— Я догадываюсь...

Сосновский улыбнулся, а потом перешел от стратегических задач к тактическим, озадачив высказыванием:

— Да, что касается второго портала — у меня все готово!

Угу... понятно. Значит, «проф» собрал все причиндалы для исследования мира, что находится за вторым «турником», и теперь дело за мной.

Я-то сначала по наивности думал, что мы сразу проведем предварительную разведку. В смысле, как только отойдем от неадекватного поведения сдвоенных «турников». Но оказалось, все не так просто. Игорь Михайлович разразился целой лекцией, объясняющей пагубность подобного поступка. Ведь вовсе неизвестно, что нас ждет с ТОЙ стороны. Нет, лично он сильно рассчитывает на нормальный мир, чем-то похожий на наш. Но вовсе не исключает возможность наличия чего-то другого. С крайне враждебной флорой, фауной и прочими холерными палочками. Он и первые выходы в Россию-2 делал в ОЗК,¹¹ ИПе,¹² да с кучей емкостей для проб. Потом эти емкости возил в Ростов, где за большие (для него) деньги в санэпидемстанции сделали исследования, подтвердившие безопасность полученных образцов. Сосновский тогда выдал себя за долбанутого «зеленого», который на свои кровные средства хочет прищучить химзавод. Лаборанты втихомолку посмеялись, а потом с удивлением констатировали, что рядом с таким химзаводом можно детсады строить. А успокоенный сосед, который, в общем-то, даже при первом визуальном осмотре сразу понял, что среда обитания в новом мире должна быть безопасна, окончательно успокоился и с новыми силами взялся за его исследование.

Я, узнав про все эти предосторожности, шутить относительно пугливости Игоря Михайловича не стал, а смутно чуя, кому придется быть первооткрывателем мира-3, поддержал сие начинание руками и ногами. Существовала лишь одна загвоздка — в ИПе регенеративный патрон¹³ разрядился. Но такие патроны были у спасателей, так что я уже договорился, и завтра мне предоставят то, что нужно.

Поэтому ответил соседу:

— Так у меня тоже — готово! С утра вот съезжу в город и привезу РП. А сейчас давайте прикинем, как Леху из больницы забирать будем? А то он уже ходить начал, да еще и вообще шустрить.

Тот при упоминании Ванина вскинулся:

¹¹ ОЗК — общевойсковой защитный костюм.

¹² ИП — изолирующий противогаз (не путать с обычным).

¹³ Регенеративный патрон (РП) — необходим для получения кислорода для дыхания и поглощения углекислого газа и влаги из выдыхаемого воздуха.

— Сергей, мне тут мысль пришла — а Запашный его не узнает? Или кто-нибудь из персонала больницы? Ну когда Леша здесь обоснуется?

— Нет, Алексей если бороду сбреет да подстрижется, его жена родная не признает, а не то что Женька! Тем более Запашный его сам не видел. Да никому и в голову не придет, что бывший раненый бомж и семейный племянник Сосновского — это одно и то же лицо. Так что по этому поводу не волнуйтесь.

Игорь Михайлович, после непродолжительных раздумий, согласился не волноваться, и мы с ним начали строить планы обратной амбаркации¹⁴ бывшего дьякона.

Глава 4

Самое смешное, что как только решил, что делать, жить сразу стало проще. Во всяком случае, метания, как внутренние, так и внешние, прекратились. Поэтому через три дня после нашего разговора с «профом» за Ваниным ехал даже без какого-либо внутреннего мандража. А чего там трястись? Номер его палаты я знаю, и пройти до нее, вроде как в поисках Белкина, труда не составит. И записку Лешке сунуть, чтобы его соседи этого не увидели, тоже не проблема.

Только все оказалось еще проще, чем рассчитывали. Когда мы с Сосновским остановились за больничной оградой и пошли пешком внутрь, я, глянув на окна, почти сразу увидел знакомую физиономию, грустно глядящую на улицу. Лешкина морда, в обрамлении узкой оконной рамы, сильно напоминала ранние работы Рублева, но, увидев нас, он моментально потерял сходство с иконописной личностью. Засуетился, попытался открыть заклеенное на зиму окно и, не преуспев, принялся руками подавать какие-то знаки. Я хмыкнул:

— Эк его колбасит. А ведь, похоже, совсем наш дьякон оклемался. Больной так дергаться не сможет. Гляньте, как резво подпрыгивает! Прямо — чижик в клетке!

Но Сосновский меня не поддержал, сказав укоризненно:

— Ну что вы в самом деле... Видите же — волнуется человек.

Пожав плечами, я ничего не ответил и, оглянувшись, желая убедиться в отсутствии свидетелей, жестом показал Лешке, чтобы он прекратил свои трепыхания да спускался вниз. Показал, и где мы его будем ждать.

Так что через пять минут худой и тяжело дышащий Ванин, облаченный в коричневый больничный халат и дерматиновые тапочки, уже загрузился в мой джип, и мы двинули к дому Игоря Михайловича. При этом наезд от Лешки я получил почти сразу:

— Ты мне врал! Ты мне все врал! Ты вообще не из России! То есть не из нашей России! И здесь совсем другая страна! Тоже Россия, но... Но как же...

Оглянувшись назад, я прищурился:

— Угомонись и познакомься, это — доктор физико-математических наук Игорь Михайлович Сосновский. Человек, который изобрел портал, позволяющий перемещаться в параллельный мир. То есть в ваш мир.

Этой фразой я сбил первый возмущенный запал, и культурный Ванин на секунду заткнулся, после чего неуверенно протянул руку профессору:

— Э-э-э... очень приятно... только как же...

Сосед тоже смутился, но по другому поводу:

— Портал изобрел вовсе не я. Я его просто сумел активировать. Так что Сергей сильно преувеличивает мои заслуги...

После чего оба замолкли, а я, воспользовавшись возникшей паузой, объявил:

— В общем так — наезды, разборки и выяснения будем производить, когда приедем.

¹⁴ Амбаркация (*фр.*) — посадка на суда войск и погрузка воинских принадлежностей (в данном случае имеет место быть шуточное применение этого термина).

Тогда же будут и объяснения. Сейчас скажу вкратце: это — действительно параллельный мир. И я тебя сюда вытащил, потому что другого выхода не было.

— А как же Мария, дети?

— С ними все нормально, твоя семья и Толик с Анастасией сейчас в вашем мире, в заброшенной деревне. Завтра я переправлю тебя туда. Но лишь для того, чтобы забрать своих.

— Забрать? Для чего забрать?

Я возмутился:

— Леха, не сепети! Сейчас доедем и тебе все объясню.

А когда приехали к Игорю Михайловичу и суетливый Ванин был уложен на диван, я ему выдал все расклады. Полностью все. И про арабов, и про то, что мы единственные владельцы портала, к которому государство никаким боком не относится. И про свои планы, и про то, какие на него и его семью возлагаются надежды. Ванин, подумав, как-то неуверенно согласился, но внес предложение:

— Так, может, я в своем мире буду оператором портала? А Игорь Михайлович здесь.

Я, отрицательно покачав головой, ответил:

— Не канает. Ты ведь ТАМ — в розыске. Да и профессору для работы с порталом нужен именно твой мир. А из нашего второй турник не работает. Так что тут все учтено.

— Но ведь у Игоря Михайловича документов нет?!

— Уже есть!

Тут я продемонстрировал плод своих трудов, состряпанный из Лешкиного же паспорта. Благо в России-2 страницу с фотографией не ламинировали, поэтому поменять фото не составило особого труда. Я дольше возился со сменой фамилии, даты рождения и серии документа. Но тут Сосновский хорошо помог. Так что теперь у меня на руках был документ на имя Ганина Алексея Геннадьевича 1935 года рождения. Липа, конечно, которая никакой серьезной проверки не выдержит. Только вот кому придет в голову проверять восьмидесятилетнего старика? Тем более что дом буду брать на свое имя, воспользовавшись документами, которые мне колхозники сделают. А он просто жильцом там будет. Типа троюродного деда хозяина.

В общем, Лешку уломали. Точнее говоря, когда развернули перед ним перспективу использования «турника» в деле для помощи смирновцам, он перестал рваться самолично отстаивать справедливость с оружием в руках и окончательно согласился стать зрителем «объекта». А я продолжил предварительный инструктаж, объясняя, для чего ему еще раз надо будет съездить в Михайловку-2:

— Чтобы у Толика и Насти лишних вопросов не возникало. Я-то ребятам сказал, что сдал тебя одному сильно корыстному хирургу, который бандюков подпольно пользует. Почти все бабки на него угрохал, поэтому Ловягина пришлось тащить в обычную больницу. Вот между делом и подтвердишь им мои слова, а потом забереешь своих, и поедем обратно.

Алексей удивился:

— А что я скажу — куда их забираю?

— На ухо жене можешь говорить что угодно. А для всех остальных — на Украину, к хуторским родственникам. Дескать, у тебя вариант есть, как нелегально границу перейти. Да и вообще — тебя ведь не долечили, так что по-любому отлеживаться и набираться сил надо. Вот этим и будешь заниматься месяца два...

Ванин, который во время моего монолога смаковал большую кружку с кофе, покивал и спросил:

— Все ясно. Непонятно только, зачем нужно подтверждать твои слова? С каких пор тебе ребята доверять перестали?

Я поморщился:

— Ни с каких. Просто в деревню буквально завтра-послезавтра связной придет. И там уже другие отношения начнутся. В Сопротивлении ведь по-любому контрразведка присутствует. То есть новенького будут проверять. И первый вопрос — куда я дел раненого?

Если ты сам появишься, все расскажешь и семью заберешь — это одно. Тогда внимания заострять никто не будет. А если я твоих просто увезу, то где гарантия, что сначала тебя, а потом Марию с детьми я в БОГС не сдал?

Лешка отставил кружку:

— Да... про контрразведку я не подумал... Но ведь они все равно спросят, у кого ты меня лечил?

— Спросят, отвечу — у подпольного доктора. Он сделал операцию, а потом ты отлеживался у моего брата дома.

— А если они к доктору придут и у него поинтересуются?

— Вряд ли, потому что это риск. Но если вдруг придут и спросят, то он их пошлет. Если будут ОЧЕНЬ настаивать, ответит, что делал такую операцию.

— Но... как?

— Не поверишь — пятьсот евро, зверская морда, демонстрация пистолета-пулемета и угроза семье делают человека очень покладистым...

Бывший дьякон фыркнул:

— Ну ты даешь... Но, кстати, ты не думал, а вдруг тот врач и смирновцев тоже лечит? Это ведь провал для тебя!

— Нет. Просто все сколь-либо умелые «черные» лепилы у ментов на крючке. Опера о них знает, но обычно не трогают, так как такие доктора являются хорошими стукачами. Вот такой у них своеобразный симбиоз. А где менты, там и БОГС... Так что хирурги у колхозников исключительно свои.

— Ну а брат?

— А братан — запойный. В голове полная каша. Но если его получится разговорить, то мои слова он подтвердит. Я ему эту мысль последние два дня усиленно внушал. Ненавязчиво, но упорно. И даже денег немного дал — типа, за больного квартиранта. Только вот у него что-либо узнать очень проблематично...

Сказав последнюю фразу, я передернулся. Насчет проблематично — это факт. Я ведь эти дни практически все время проводил в Юрьеве-2. Все с Вовкой беседы пытался вести. Но он, гад, был практически неговорящий. Пока не выпил — злобно неговорящий, а как напился — пьяно мычащий. Так что нужно было ювелирно ловить золотую середину. И, фильтруя практически бессвязный словесный понос, вылавливать зернышки информации. Зато через него очень удачно узнал адрес доктора (Вовчик, пока окончательно не спился, подворовывал потихоньку, поэтому завязки в криминальной среде кое-какие имел, вот и про «лепилу» знал). По поводу родственников кое-что выяснил. Ну и про «себя» тоже... Я, оказывается, с 2002 года где-то учился. Где — так и осталось невыясненной тайной. Потом пропал. Потом, уже после смерти тети Маши, опять появился. Узнав о ее кончине, снова исчез и нарисовался только сейчас.

Но нет худа без добра, и получается, что простор для составления «легенды» у меня большой... А самое главное, что я буду себя выдавать за человека, недавно приехавшего с Украины, и поэтому полностью проверить мои слова у местных безопасников не получится. Это все-таки подпольщики, а не госструктура...

Ванин же озадачился другим:

— Слушай, если ты в моем мире брата встретил, то и себя можешь встретить? Ведь есть на это шанс?

Я махнул рукой:

— Да ну, какой это шанс? А даже если и столкнемся, то ничего страшного. Я, вон, на двойника своего брата ТАМ посмотрел и могу сказать одно — это вовсе не двойник. Так — отдаленное сходство. Поэтому если я сам с собой столкнусь, то в лучшем случае мы будем просто похожими однофамильцами. Предметом для шуток.

— Ну а что ты колхозникам о себе говорить будешь? Сам ведь про контрразведку вспоминал...

Повздыхав, я сознался:

— Вот тут все очень шатко, с расчетом на психологию. Я ведь сразу с ребятами не пойду. Вернусь в Юрьево. А расчет в том, что проверять начнут именно их. Ведь именно в их ячейке, или как там первичное подразделение колхозников называется, предательство произошло. То есть безопасность смирновцев начнет Толика с Настей крутить и просвечивать до доньшка. Даже не потому, что подозревает их в чем-то, а чтобы выяснить всю картину произошедшего. Значит, и на меня контрразведка выйдет. Чтобы я со своей стороны объяснился. Тем более не заинтересоваться мною просто не смогут. Уж очень я себя за время знакомства проявил...

— И что?

— Скажу все как было.

— Но ведь они и тебя начнут проверять?

— Флаг им в руки! Что они проверят? Кто я есть таков? Ну-ну. Жил на востоке Украины, где сначала занимался чем ни попадя. И строителем был, и вышибалой в ресторане, и машины с грузами сопровождал, и с контрабандистами яхшался. Даже в армии по контракту четыре года отбарабанил. Дослужился до старшего сержанта. А меньше месяца назад приехал обратно в Россию. Гастарбайтером, блин... В общем — довольно обычный тип. Но к БОГСу отношения точно не имеющий, так как безопасность для своего человека «легенду» бы придумала гораздо более простую, красивую и легко проверяемую.

— А вдруг тебе не поверят и начнут жестко колоть?

— С чего бы вдруг? Я же говорю — дня внедрения в Сопротивление такой способ просто нелеп. Какой бы БОГС ни был хитрожопый, настолько странно своего человека подводить к колхозникам он не станет. Сам подумай — какова была вероятность, что ребята поедут к тебе после того, как из засады вырвутся? Что Толяна ранят, что они запаникуют, что связи не будет, что у Насти в наладоннике карта Воронежа окажется. Один на миллион? Вот то-то... Так что никто никого колоть не будет. Проверить — да, попробуют. Но как? Запрос в отдел кадров украинской армии слать? Ага — от российского подполья. Щаз! Да и насколько я оцениваю ситуацию, проверять от и до у них все равно не получится. Сам подумай, если они каждого нового бойца станут досконально и под микроскопом шерстить, то, во-первых, никаких проверяльщиков не хватит, а во-вторых, ни о каком увеличении подполья и речи быть не может. А Настя говорила, что сейчас как раз идет активное расширение сети Сопротивления. Так что...

Я замолк и, глядя, как Ванин переваривает мои слова, подумал, что все, в общем-то, логично. Вон, даже во время войны людей, попадающих в партизанские отряды, проверяли именно в деле. Да и в подполье тоже не лично знакомых вербовали, хотя гестапо работало, не чета БОГСу. Поэтому не нужно лишний раз усложнять сущности. Тем более что у меня есть шикарная косточка, получив которую, контрразведка сильно отвлечется и точно не будет активно копать относительно моей биографии, а займется выяснением именно этого, более интересного вопроса. Какого? Да с которого все началось и из-за которого случилась наша встреча с колхозниками.

Только Лешка, видно, волнуясь за меня, все-таки спросил:

— Ну а если?

Только что не сплунув, я раздраженно ответил:

— Фиг ли «если»? Тогда — «план Б». Придется говорить про портал. Но чтобы не раскололи, ты мне сейчас будешь все рассказывать о вашей жизни. Нюансы, наблюдения, выводы. У нас есть двенадцать часов, так что постарайся.

— Почему двенадцать?

— Потому что я хочу, чтобы ты забрал своих до появления связного. Проще будет потом отбrehиваться. Ну что, поехали?

* * *

За двенадцать часов мы не уложились, так как Леха был еще слаб и часа через четыре

умудрился уснуть на полуслове. Но вот до прибытия связного успели. Да уж, надо было видеть ошарашенное лицо Марии, когда она, пройдя через туманную дымку, оказалась в другом мире. Но это все частности, а тогда, переправив семью Ванина к Сосновскому, я отвез всю толпу в дом Игоря Михайловича, оставил им часть подаренной Майиным дедом суммы, на необходимые расходы, и ближе к утру вернулся в дом брата, в Юрьево-2. А еще через три дня (пипец каких мрачных и беспросветных, из-за соседства с алкашом) возле нашей калитки появился красный «москвич» и сидящий за рулем парень спросил Корнева Сергея. Вот так у меня опять началась совсем другая жизнь...

* * *

Контрразведка в Сопротивлении присутствовала, Лично для Корнева она олицетворялась Валерой Мухиным — невысоким худощавым мужичком с птичьим взглядом, загорелой физиономией и обволакивающим голосом профессионального психотерапевта. Вообще, когда меня привезли в станицу, отношение было самым что ни на есть дружелюбным. Благодарили, пожимали руки. Даже устроили совместный обед с Толиком и Анастасией. А потом — началось. Но, правда, без всяких подвалов НКВД и криков «в глаза смотреть, сволочь!». Все было оформлено очень культурно, в виде эдакой душевной беседы, под чай с ватрушками.

Для начала Валера выяснял мои политические пристрастия. Тут, не кривя душой, я ему говорил, что нынешних власть предержащих уродов давить надо было еще во младенчестве. Хотя одной фразой дело не ограничилось, и на эту тему общались почти полдня. Ну а дальше Мухин ненавязчиво стал выяснять наиболее яркие моменты моей биографии. А я что — отвечал, не таясь, но исключительно в рамках «легенды». Сказал, что родился в Калининграде (пусть попробуют проверить). Потом был студентом-заочником в Калининградском техническом. На машфаке учился, но закончить не успел, потому что страна начала разваливаться и как-то резко стало очень голодно.

Да и в самой области, прямо на глазах превращающейся в Восточную Пруссию, началось что-то вроде обратной депортации «оккупантов». Довольно жесткой депортации. Добропорядочные бюргеры, видно, решили припомнить русским свое послевоенное выселение и при полной поддержке Евросоюза выкидывали людей из домов, только шум стоял. Нет, стрельбы никакой не было, просто в один далеко не прекрасный день человеку приходило распоряжение: в десятидневный срок освободить квартиру. А дальше — выживай, как хочешь. Правда, так было только со «старым фондом». Жителей домов, построенных после войны, гнали по-другому. Их не сразу выселяли. Просто хозяева земли, на которой стоял дом (точнее, их наследники), назначали такую аренду на землю, что через полгода человек становился злостным неплательщиком и автоматически получал повестку на выселение. Про работу же для русских в бывшей Калининградской области можно было и не говорить...

В общем, после Кёнига, поехал я к родственникам. Только не доехал, а осел в Украине. Почему? Да все как обычно — из-за бабы. Но прекрасная черноокая Марина через месяц исчезла, а я так и остался в «незалэжной». Десяток работ поменял, пока не завербовался в армию. Там хоть кормили и одевали. И крышу над головой давали. С оплатой, правда, так же, как и на гражданке — кидалово сплошное. Постоянно задерживали.

В Россию почему приехал? Хм... там такая история, что вспоминать не хочется. Что? Надо? Ну ладно... В общем, с черниговской братвой сильно поцапался, вот и сбежал. Из-за чего? Машину им стукнул... А потом еще и троих их корешей тоже стукнул... Наглухо. Ищет ли меня украинская полиция? Вот уж чего не знаю, того не знаю. Хотя вряд ли ищет — бандосы не тот народ, полицию в подобные дела втягивать. Но мне и братвы хватило, чтобы драпать оттуда впереди собственного визга.

Да, ты прав, паспорт от вас я получить хотел именно из-за этого случая. Нет, раньше Ванина не знал. Случайно познакомились, когда меня в Воронеже по башке шваркнули, а он

помог отбиться. Что в районе Руднево делали?

Ха, вот мы и приблизились к теме моего знакомства с колхозниками. Теперь надо не сорваться и преподнести заготовленную «косточку» как можно естественнее. Расчет был на то, что контрразведку в Сопротивлении представляют бывшие сотрудники КГБ. И у них, скорее всего, сохранились кое-какие документы или доступ к нужным людям. Во всяком случае, они должны были знать, что при СССР в Радужном были какие-то секретные лаборатории. А если начнут копать активнее, то и фамилию Сосновского могут нарыть. И, значит, поверят в эту, самую скользкую, часть моей «легенды». Тем более что они могут ее легко проверить. Точнее, результаты проверки совпадут с моими словами.

Эти мысли проскочили буквально за секунду, и я без запинки продолжил отвечать. В Руднево? Ничего мы там не делали. А вот в Липцах — делали. Точнее говоря, на трассе. А еще точнее на бугре, где тригопункт стоит. Подробно рассказать? Да без проблем! Просто у моего дядьки когда-то был знакомый по фамилии Сосновский. Целый профессор, который был крупной шишкой в научном городке, в Руднево. Он периодически к нам в Юрьево приезжал, когда я у тетки гостил. Пару раз приезжал не один, а со своим коллегой Исхаковым — таким же ученым старичком. Так вот, где-то месяц назад, только я у брата на поселился, этот коллега неожиданно снова нарисовался. Зашел, дядьку спросил. А когда узнал, что тот умер, расстроился. Но потом предложил мне подзаработать и притащить кое-какие железки, которые Сосновский спрятал возле тригопункта, недалеко от Липцов. Тысячу евро пообещал за доставку. Не знаю, почему он сам их не забрал. Может потому, что весь какой-то больной был — скрюченный, хромым, с палочкой... Да я особо и не интересовался, тем более он задаток дал. Вот я и рванул. Железки забрал, упаковку там бросил, а когда возвращался, на ваших наткнулся. Тут все и пошло — через жопу...

Да нет, те железяки я ему сразу отдал, как в Юрьево попал. Откуда бы, спрашивается, у меня деньги появились народ в Михеевке содержать? Ну ты даешь — золотые! Щаз! Там трубки были вроде как дюралевые, а швеллер из обычного железа. Только что гравировкой покрыты, как узором. Для чего они нужны? Конечно, спросил. Профессорский друг ответил, что это детали какого-то прибора, которые ему необходимы для работы. Нет, что это за прибор, не спрашивал.

А Исхаков тут же уехал, как я ему заказанное притащил. Отдал остаток денег, поймал частника и укатил. Нет, номер машины не запомнил. На фиг мне это надо? И куда уехал, он не говорил. Упаковка? Такой чемодан: здоровенный, черный, на замках-лягушках. Да, так на бугре и остался. Я его даже обратно прикопал...

Вот и все. Теперь, если эти контрики действительно что-то могут и у них остались хоть какие-то информационные базы, они выяснят насчет лаборатории в Радужном. Убедятся, что Сосновский и правда там работал. И Исхаков тоже. Кстати, Игорь Михайлович, когда мы с ним составляли легенду, назвал фамилию Исхакова по двум причинам. У него не было родственников, и у него был рак. В нашем мире он умер в 2011 году. Здесь вряд ли протянул бы дольше. Так что Исхаков, дабы опровергнуть мои слова, внезапно не появится. И даже если здешние чекисты найдут на него данные и выяснят, что он помер, то справка из загса еще вовсе не будет означать, что человек **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** отбыл в мир иной. Ведь с людьми, большую часть жизни работающими под спецслужбами, ничего нельзя сказать наверняка. А я за счет него сформулировал отличную отмазку по поводу того, что делал возле тригопункта и что за таинственный груз таскал в челночной сумке. Настя с Толиком ведь кое-что видели, слышали обрывки наших с Лехой разговоров, касающихся груза, знали, что я тороплюсь вернуться назад, чтобы получить какие-то деньги. И все это они наверняка уже рассказали во время допросов. А теперь и мой рассказ четко впишется в их показания.

Мухин тем временем, удовлетворенный объяснением причин моего появления под Липцами, продолжил задавать вопросы. А я отвечал. Что? Почему вообще решил вашим людям помочь? Ну ты, Валер, даешь! Тут ведь двумя словами не объяснишь. Все равно попробовать? Ну ладно, слушай...

И вот в таком ключе меня муржили дней пять. Правда, Толик с Настей Брусникиной

(узнал я таки ее фамилию) вообще почти неделю на «беседы» ходили. Но у ребят все сложнее было, так как в их ячейке предательство произошло, вот контрразведка и пыталась разобраться, что к чему. А так как я был просто одним из сотен возможных кандидатов на вступление в ряды колхозников, то от меня довольно быстро отстали, и теперь я спокойно жил в ожидании получения новых документов.

С другой стороны, что значит — «спокойно»? Почти три недели под неусыпным надзором. Даже «домой, брата проведать» не отпускали, кони педальные! Так что связь с Сосновским наладить не получилось. Но надо отдать должное, документ сделали. На имя — Сергея Васильевича Волкова. И свободу передвижения по станице не ограничивали. Только вот уезжать не давали. Ребят после проверки куда-то увезли, а я здесь застрял, в качестве не пойми кого. Вроде и не под замком, но точно не свободен. Так как, даже гуляя, поблизости постоянно видел одного или нескольких казачат. Типа — играют они во что-то. Но так, чтобы меня из поля зрения не упускать. А когда решил провести эксперимент и просто, выйдя за околицу, резво потопал по дороге, буквально минут через десять меня догнал Жора верхом на лошади и вежливо вернул обратно. Жора — это мужик, в семью которого меня временно поселили. Хотя он сам обращения «мужик» категорически не приемлет, предпочитая слово казак. Ну да это так — мелкие жизненные нюансы...

А к концу третьей недели все решилось. Двадцать девятого декабря (вот чуял я, что Новый год по-человечески точно не встречу) в станицу приехал отсутствовавший несколько дней Мухин. Приехал не один. Вместе с ним из белой «Нивы» появились еще двое. Первый — мужик лет пятидесяти, с широким, словно вырубленным из куска темного дерева лицом и каким-то квадратным телосложением. Второй — парень где-то моего возраста и моей комплекции. Морда тоже самая обыкновенная. Из особых примет можно отметить только набитые костяшки на кулаках и своеобразную пластику движений. Угу, по ходу — рукопашник...

В общем, они выгрузились, увидели меня и пригласили в хату. Где усадили на табурет, стоящий перед столом. Остальные же расположились так, что мне это сразу не понравилось. То есть здоровяк с Мухиным уселись за большим столом, а парень встал за моей спиной. Но я на него оглядываться не стал и, неопределенно хмыкнув, вопросительно посмотрел на Мухина. Тот, отвечая на мой взгляд, жестко сказал:

— Фули вылупился? Думал, лапшу мне на уши повесил, она и прокатит? Зря думал! А теперь, вот, по твою душу люди из Третьего управления прибыли. Что это значит, сам понимаешь...

У меня от этих слов внутри все оборвалось. Во, блин, засада! Не поверили. Но в чем именно был прокол? Хотя что за женские вопросы? У меня вся «легенда» из таких вот проколов и допущений состоит. Черт, неужели придется всё выкладывать? Нет, по-любому сразу колоться не буду, погляжу, что же мне предьявят. Придя к этому решению и стараясь не показывать волнения, я удивленно поднял брови:

— Валер, ты чего? Какая лапша? И чем так страшно это Третье управление? Ты уж объясни, а то я с «незалэжной» недавно приехал и здешних приколов еще не знаю.

Вместо Мухина ответил сидящий рядом с ним мужик. Кривя рот в презрительной усмешке, он бросил:

— Что, в Бюро неожиданно забыли про «тройку»? Брось, паря, не нужно строить из себя полного идиота! Да и играешь ты плохо. Глазки-то, вон, как забегали... А вообще, пойми две вещи. Первая — я человек слова. А вторая — в говне брода нет! Так что, сука, я тебе слово офицера даю: если сам все расскажешь, то сдохнешь быстро и без мучений. Нет — пуля избавлением покажется!

Ни фигу себе подходы! И морда у пожилого такая... Как бы сказать... В общем — зверская. Явно не шутит. Будь я действительно из БОГС, уже испугался бы. Но я не из этой организации, и в кармане у меня шикарный козырь заныкан. Так что до пули дело точно не дойдет. Вот только козырь этот ох как не хочется раскрывать. Ладно, буду держаться до тех пор, пока всерьез шматовать не начнут. А пока словами пугают, постараюсь отмазываться до

последнего.

Цыкнув зубом и мрачно глядя в глаза собеседнику, я спросил:

— Мужик, а ты ничего не попутал? Прежде чем наезжать, объясни проблему. А то вообще охамели, мля! Я их людям помог, крутился, как последняя проститутка, с полицией сцепился, на бабки попал, а они меня пулей отблагодарить хотят!

Потом на секунду замолк, подумал и с чувством добавил:

— Козлы!

После чего слетел с табуретки от мощной затрещины, которую мне влепил стоящий за спиной парень. С переполоху вскочил, бросился было на него, но был остановлен глядящей в переносицу здоровенной дырой ствола. А эта падла, не опуская пистолета, рывкнул:

— На колени! Руки — за спину! Быстро!

Потом, ловко надев на меня наручники, вновь усадил на табурет и допрос продолжился. На этот раз, для разнообразия, заговорил Мухин:

— Ты не дергайся, а начинай рассказывать. Меньше мучиться будешь.

Хотел было ответить им в стиле товарища Сухова, что желательно, конечно бы, помучиться, но сказал другое:

— Чего рассказывать? Сказку или стишок? Вы что, совсем сбрендили? Валер, вообще-то не я к вам пришел, это вы меня из дома забрали. Я и поехал сдуру. Думал, вы люди нормальные, поможете, раз такое дело... Знать бы, что вы такие уроды...

Бац! На этот раз была не затрещина, а подзатыльник, от которого я заткнулся, возмущенно засопев. А Мухин пояснил свою позицию:

— Слушай, Сергей, или как там тебя, ты нас за идиотов не держи. Сам прикинь вероятность того, что вы с дружкой чисто случайно ночью столкнетесь с нашей группой. И тут же, не сходя с места, предложите им свою помощь. Но для начала разоружите. И кого разоружите? Людей, готовых к боестолкновению! Или ты хочешь сказать, что в украинской армии контрактников дрессируют на уровне штатовской «Дельты»?

Не выдержав, я перебил чекиста:

— Вы бы лучше своих бойцов нормально готовили, чтобы им обычные люди не казались Рэмбами! Я-то здесь при чем, если у вас элементарная база хромает?

Валерка, не обращая внимания на мои слова, продолжил:

— А после вашего расставания выясняется, что коломенское подполье, откуда, кстати, и была эта группа, полностью разгромлено.

Вздыхнув, ответил:

— Угу... и часовню тоже я...

Здоровяк хлопнул рукой по столу:

— Ты мне тут фаберже не крути, а отвечай, что по этому поводу можешь сказать? Или нужно, чтобы Васька память освежил?

Покосившись на стоящего за спиной Ваську, бодро ответил:

— По этому поводу могу сказать... идите вы в задницу с такими вопросами! — А после устало произнес: — Блин, я вообще никак не врублюсь, что вы мне пытаетесь пришить? То, что я на БОГС работаю? С каких таких херов? С тех, что мы действительно случайно встретились с вашими людьми и помогли им? Ладно, допустим. Допустим, что мы с Лешкой из БОГС и вдвоем сидели там в засаде. А потом коварно вывезли разбившихся колхозников в другой район и передали их подпольщикам. После чего — уехали. Но откуда бы мы знали, что они опять к нам припрутся? Из Коломны в Воронеж?! Да и все дальнейшие наши действия тоже очень странны для сотрудников БОГСа. Когда Толян с Настей у нас появились, то сразу объяснили, что сделали это от безвыходности, так как у них нет никакой связи со своими. Зачем было в этом случае ребят куда-то везти? Ведь они, считай — отрезанный ломоть, и им прямая дорога в допросную камеру. Логика не вижу...

Я в самом деле не мог понять, что эти гаврики мне пытаются инкриминировать? Ведь опасался совершенно другого. Боялся, что довольно хлипкая «легенда» не выдержит тщательной проверки. А вдруг хоть часть калининградских архивов была вывезена и

колхозники к ней имеют доступ? А вдруг у чекистов есть близкие знакомые в кадровом отделе украинской армии, которые готовы им помочь? А вдруг они так наедут на подпольного доктора, что он расколется? Вот три основных момента, на которых можно провалиться. Но про них никто не говорит, а на меня пытаются повесить какую-то откровенную лажу. И я никак не врублюсь, зачем им это надо?

А мужик продолжал наезжать:

— Красиво поешь! Спасли, вывезли... Но вот про свою подготовку так и не ответил. Ладно, Брусникину с Ловягиным смог обезоружить, потому что они еще после аварии не отошли. Но вот четырех дорожных полицейских уложить... С автоматами! Ты кто — Терминатор? Откуда такая прыть?

М-да, кажется, я понял, что их так сильно тревожит. Мое поведение под пулями. Но ведь люди разные бывают. Одни, в случае смертельной опасности, впадают в ступор, другие, наоборот — становятся шустрыми, как электровеники. Все от характера и темперамента человека зависит. Плюс, по «легенде», у меня какая-никакая армейская закалка есть. Так что надо их быстренько на этот счет успокоить и правдоподобно объяснить свои умения. Чем я и занялся:

— Да ё-моё! Если насчет стрельбы, так еще с детства стрелять умею. С дручком секцию посещал при Доме офицеров. А все остальное как-то само собой складывалось... Я ведь и АРБ¹⁵ занимался, и русбоем, и в качалки ходил. Без фанатизма, конечно, но навыки получил. И в армии, из-за этих навыков, не в пехоту попал, а в разведроту. Нас там кое-чему тоже учили... Пусть разница с пехтурой небольшая, но она была. Только я чего-то не пойму — мне членство в БОГСе вешают из-за того, что в той стычке не зассал и отбиться смог? Фигассе у вас подходы!

Здоровяка, видно, такие объяснения устроили.

— Хорошо, супермен ты наш карманный. В этом, считай — убедил. Только скажи, почему твой знакомый исчез, как только узнал, что связник вот-вот появится? Тоже совпадение, или вы его таким образом из операции вывели?

Тут я возмутился:

— Слушай, ну уж за него я отвечать не могу! Но, кажется, Алексею пули в легком вполне хватило, чтобы понять — погибни он, и его семья просто пойдет по миру. Поэтому оголтело рваться в колхозники Ванин больше не будет. А то, что ушел до прибытия вашего человека, так это просто совпадение.

— Слишком много у тебя совпадений получается...

Таким макаром этот странный и довольно мутный разговор продолжался еще часа полтора. В принципе, по их вопросам было понятно, что выявить неточности в моей «легенде» они не смогли, хотя проверили всё. Ну как всё... По прошлой жизни, насчет Кёнига и армии, проверить было практически невозможно. Да, они в этом направлении порыли, убедились, что, возможно, я не вру, и сосредоточились на последних днях, которые начинались с моей поездки за железом. Но вот тут все факты подтверждались. И нападение на меня гопоты, и случайное знакомство с дьяконом, и все события, следующие за этим знакомством. Даже к «черному» доктору, который, типа, лечил Ванина, рискнули зайти. И по Лешкиным соседям в Воронеже пробежались. Братца двоюродного поспрашивали (представив этот разговор, я с трудом сдержал ухмылку). То есть сделали все от них зависящее, дабы убедиться в моих словах. Единственной совершенно непроверяемой вещью была встреча с Исаковым и его заказ. Но про существование в Радужном научного городка они знали. И даже про существование там во времена оные доктора наук Сосновского были в курсе. Так что по косвенным фактам можно было предположить, что и в этом я не вру.

А потом неожиданно допрос прекратился. Гадский Вася, который успел меня наградить еще тремя подзатыльниками, следуя знаку здоровяка, снял наручники и опять отступил

¹⁵ Армейский рукопашный бой.

назад. А мужик, выйдя из-за стола, подошел ко мне и, протягивая руку, представился:

— Еремин, Павел Викторович.

Но я, насупленно глядя, пожимать руку не спешил, и он продолжил:

— Сергей, извини нас за этот спектакль. Просто в беседе с Валерой ты выражал желание пойти в подполье. Ну, дело понятное — таких с каждым днем все больше и больше становится. Но вот то, как ты действовал во время помощи нашим людям, меня заинтересовало. Смело, решительно, с выдумкой. Ведь, судя по рапорту Ловягина, если бы тебя сразу послушались, то Ванину с семьей даже не пришлось бы уезжать из города. М-да... Да и в дальнейшем ты поступал довольно грамотно. Единственный прокол был в том, что машину вовремя не бросили.

Удивленный столь внезапной переменой стиля общения, я поинтересовался:

— Что-то мне непонятно... Если я весь такой положительный, на хрена меня этот хмырь, — кивок головой в сторону Васи, — по башке бил и на пол ронял? Да и вы тоже наезжали не по-детски. Или это обычная практика для неофитов, и мне надо радоваться, что зубы на месте остались?

Еремин усмехнулся:

— По-всякому бывает. Просто сам пойми, насколько это сложно и зачастую — невозможно, пробить прошлое тех же беженцев из республик СССР или самостоятельных ныне регионов России. Как, например, в твоем случае... Но стараемся, насколько можем. Только вот тобой я заинтересовался по другому поводу. Узнав, как лихо ты сумел вывести коломенцев из-под удара, решил лично посмотреть на столь талантливого молодого человека. И не просто посмотреть, а оценить, как себя будешь вести под прессингом. Что станешь отвечать. Реакцию зафиксировать. Ведь одно дело читать рапорт Ловягина, и совсем другое — убедиться самому.

— И с чего мне такая честь?

Здоровяк хитро прищурился:

— Я являюсь командиром регионального отряда «Вымпел».

Хм, у нас так когда-то называлось подразделение спецназа КГБ. Но здесь это может быть чем угодно, тем более что Ванин ни о каком «Вымпеле» в своих рассказах не упоминал. Поэтому просто пожал плечами:

— Не слыхал про таких...

— Это нормально. Про нас только в БОГСе слыхали. А обычные люди называют просто — смирновцами. Но в отличие от основной массы подполья, к которой, кстати, и относились спасенные тобою люди, мы занимаемся не тихой разведкой, сбором данных или мелкими терактами, а полноценными диверсиями.

Вот те на! Я аж охренел. Блин, идя в Сопротивление, конечно, рассчитывал на то, что героизма, проявленные при спасении ребят, не останутся незамеченными, но чтобы вот так сразу на меня вышел один из командиров групп активных действий, даже не думал. Ведь изначально предполагалось, что какое-то время я буду сидеть в резерве. Потом, постепенно проявляя себя, подниматься выше и расширять круг знакомств. Из этого круга выбирать наиболее надежных и подготовленных. И именно им рассказать о себе и попросить помощи. Но теперь... Теперь все можно проверить гораздо быстрее. Правда, настолько же рискованней. Зато, в случае удачи, у меня будет несколько действительно высокоподготовленных людей! Уж я постараюсь их найти.

Хм, а вдруг я этого мужика не так понял? С другой стороны, он ведь не просто так приехал? Желая убедиться в правильности своих предположений, спросил:

— И что?

— А то, что предлагаю тебе стать вымпеловцем. Нам такие шустрые парни нужны. — Видя мои круглые глаза, Еремин добавил: — Прямо сейчас ответа не требую. Подумай до вечера, все прикинь. Сразу скажу — работа рискованная, но крайне необходимая. Я не замполит и не буду тебе рассказывать страшилок о жизни в стране, ты сам все видел. И сам должен понимать, насколько мы сейчас необходимы Родине.

— Э-э-э...

— Чего?

— Да непонятно как-то. Я только появился, а вы меня в ТАКУЮ структуру блатуете. Вдруг не потяну?

— Не потянешь — переведем на «точку» и все.

— А как же проверка? Вы сами сказали, что мою биографию проверить невозможно. То есть я уже вроде как несколько ненадежен...

Павел Викторович зло прищурился:

— При Союзе гэбэшники тоже все старались «несколько ненадежных» прищучить, а прямых врагов упустили! Но сейчас все проще. В деле тебя проверим! Это — самая надежная проверка! Так что, Сергей, решай.

Поднявшись с табурета и разминая плечи, я повернулся к молчаливо стоящему Васе. Глядя на него, сказал:

— Уже решил. Только вот дело одно надо закончить, чтобы позже с коллегами непоняток не было.

А потом неожиданно пробил ему кулаком по корпусу. Ваську снесло к стенке, но парень оказался крепкий и не упал, а лишь согнулся, пытаюсь снова научиться дышать. Дождавшись, когда у него это получится, я протянул руку, спросив:

— В расчете?

Кряхтящий Васька руку пожал и пробурчал:

— Я тебя, небось, совсем слегонца тромбил.

— Дык я тебе тоже селезенку не порвал! — и после паузы, представился: — Сергей Кор... э-э... ныне уже Волков.

— Василий Шмелев.

Еремин, глядя на эти разборки, лишь многозначительно прищурился, поинтересовавшись:

— Разобрались? Вот и хорошо. — И повернувшись ко мне: — Так что ты решил?

— С вами я! Вопрос только имею...

— Да?

— Как у вас с кормежкой дела обстоят? А то мне в голодном виде башкой рисковать просто обидно...

Рассмеявшийся Шмелев хлопнул меня по плечу:

— Наш человек!

А Павел Викторович улыбнулся и ответил, мол, уж что-что, а кормить будут нормально. По возможности. И тут же предложил пойти пообедать, так как предстоит долгая дорога и ужина у нас не предвидится. Я же, улучив момент, спросил у Мухина:

— Слушай, а чего ты сначала сказал, что они из какого-то Третьего управления, а потом Еремин заявил насчет «Вымпела». Или это одно и то же?

— Ты что!? Тройка — это контрразведка. А «Вымпел» — спецназ. Теперь врубился?

Еремин, услышав наш разговор, весело фыркнул и сказал, обращаясь к Валерке:

— Воистину — блаженны незнающие! Мы, как дураки, ему самым страшным ведомством представились, а он просто не слышал про таких! М-да, на будущее это тоже надо учитывать...

Глава 5

Двадцать километров марш-броска... При полной выкладке... Точнее говоря — без оружия, но зато с рюкзаком, забитым песком. Да еще и бешеным темпом, который сразу взяли эти кони... Блин, лучше бы я в детстве умер! Нет, еще пять лет назад это были бы совершеннейшие семечки, но за прошедшие годы я сильно ослаб. Ух как ослаб! Хотя теперь уже вроде нормально прошло. Во всяком случае, в пути не блевал от перегрузок, как это было еще три недели назад. Блевал, хоть и бежал практически налегке. А теперь даже

двадцать пять килограмм за спиной это не смерть на первом «червонце», а просто сильное неудобство. Даже ползать и речку форсировать не мешают (кстати, очень холодную речку). Одно раздражает: после этого форсирования мешок, напивавшись водой, стал вообще неподъемный. Но я понимаю — меня проверяют. Нет, не на лояльность к колхозникам. Просто командир подразделения Геннадий Ивлев постоянно проверяет мою выносливость и силу воли. Прямо как в курсантскую бытность. А в конце броска сегодня будет главная проверка. Вон она стоит, шеей крутит и плечи разминает... И имя этой проверке — Февраль. Парняга, под два метра ростом, гибкий, жилистый, с наголо бритой головой, ярко-синими глазами, постоянной радостной улыбкой и ударом, ломающим пятисантиметровые сосновые плахи. Зараза...

Эта проверка сильно напоминала нашу ГРУшную, или испытания на получение крапового берета в спецназе МВД. Только вот оружие не с собой несешь (все-таки мы — НВФ¹⁶), а получаешь лишь когда до оврага добегаешь, где устроено импровизированное стрельбище. Но в остальном практически идентична. М-да, стрельбище... После этой гонки я отстрелялся (если сравнивать с моими же армейскими результатами) довольно плохо, так как сердце выпрыгивало и руки тряслись словно с бодуна. Но мишени более-менее поразил, так что особо сильно за результат краснеть не пришлось.

А вот Февраль... При более-менее одинаковой подготовке и разнице в весе килограммов в двадцать бой с этим амбалом я и в бодром виде не выдержу, а уж после бега... Ну да ничего, есть задумка, которая позволит не в одни ворота этот этап сыграть! Поэтому, когда, скинув мокрый от воды и моего пота рюкзак, зашел в здоровенный амбар, где должно было происходить завершающее испытание, я был готов. Жульничество, конечно, но прямого запрета на такие действия не было, поэтому — можно попробовать.

Надежда была на гранату, запал которой я вчера тайно обезвредил. И теперь, выйдя на условный ринг к поджидающему бойцу, выдернул Ф-1 из кармана и кинул ее под ноги Февралю. У того при виде слабо шипящей и пускающей дымок «эфки» даже улыбка пропала, и он, бросившись в сторону, залег. Так же, впрочем, как и почти все остальные зрители. Пользуясь моментом, я отопнул чугунный кругляш к стене, подскочил к противнику и принялся обрабатывать лежащее тело ногами. Правда, недолго. Февраль, поняв, что его нагло взяли на понт, взревел и, взлетев с пола, принялся показывать мне мать Кузьмы. Но время я тем самым выгадал, да и бедро ему «отсушил», поэтому двигался он не столь легко, как обычно. Только вот помогло это мало, так как озверевший от свершившейся подляны противник стал как будто нечувствительным к ударам и уже на четвертой минуте чуть не отправил меня в нокаут. Пришлось уйти в глухую оборону. А еще через пару минут, поймав ухом пробивший защиту мощный хук, я отрубился.

В себя пришел от нашатырной вони. Ивлев, видя, что нокаутированный захлопал глазами, присел передо мной на корточки и, улыбаясь, сказал:

— Очухался? Вот и хорошо. А через недельку — повторим!

Сплеывая кровавую юшку, я уточнил:

— С Февралем?

— Ну если ты опять гранату из оружейки стащишь, то с ним. А если хитрожопить не будешь, то с Иваном или Фёдором.

Опираясь на стену, я сел:

— Так ты был в курсе?

— Да. Поэтому, ожидая чего-то подобного, и выставил против тебя Богдана. Хоть он и в совершенно другой весовой категории.

Растянув разбитые губы в ухмылке, я покачал головой:

— Звиздишь, командир. Я «эфку» взял, только когда о поединщике узнал. Без нее он бы меня вообще в первые минуты уделал... Так что у тебя причина и следствие попутаны.

¹⁶ Незаконное вооруженное формирование.

Генка, подавая руку и помогая подняться, фыркнул:

— Что, проигрывать не любишь?

— Просто шансы трезво оцениваю. А вообще, против этого кабана кто-нибудь все двенадцать минут продержался?

Вместо командира ответил стоящий рядом Богдан:

— Бздят они против меня в одиночку выходить. Только по двое, а то и по трое. Так что ты был первым. И держался молодцом! Да и с «бонбой» классно придумал. У меня, честно говоря, в первую секунду, как ты чеку отпустил и запал сработал — шаблон порвало. Хренасе, думаю, Волчара, отжигает! Я бы еще понял, если б ты с ломом пришел, но с «фенькой»?!

— Толку-то от лома? Ты бы мне его вокруг шеи бантиком завязал и голым в Африку пустил. А так — пять раз тебя пнуть успел!

— И потом еще по морде хорошо зацепил. Не побоялся, не то что наши задохлики!

Тут заржали уже все и, подхватив мое пошатывающееся тельце, двинули приводить себя в порядок. А я, пока получал первую врачебную помощь, вспоминал, как впервые попал на этот хутор, находившийся километрах в сорока западнее Минеральных Вод и служивший базой для боевой пятерки, входившей в ударную группу ставропольского отряда «Вымпел».

Еремин, как он и говорил, был командиром регионального отряда, который состоял... честно говоря, я до сих пор даже не знаю, сколько групп входило в этот отряд. Но точно много. А вот меня Васька привез сюда и передал в твердые руки Ивлева. Привез не сразу. С неделю я отирался в станице Дивинской, где располагалось нечто вроде пересылки. Но через три дня после Нового года доставили сюда. И тут началось...

Новенького бойца сразу принялись гонять в хвост и в гриву, независимо от погоды и времени суток. А когда я удивленно заметил, что, мол, в ясный день группу из пяти человек, бегающую по предгорьям, вполне можно засечь с БПЛА или даже со спутника, Ивлев лишь саркастически хмыкнул и сказал:

— Судя по всему, о снаряжении и навыках спецслужб ты исключительно по голливудским фильмам судишь? Забудь эту лажу! Спутника он опасается... Ха! Да амеры во время своего «Смерча в пустыне» умудрились танковую засаду иракцев проспять.¹⁷ Танковую! Два батальона «коробочек» не заметить, это надо умудриться! И позже такие вот косяки у них неоднократно случались. Причем, заметь — при всем напряжении сил и средств, сосредоточенных на маленьком участке пустыни! А уж здесь, в лесистой и горно-лесистой местности...

— Но ведь летают?

— Летают. Другой вопрос, что летает. И как летает...

Командир замолк, еще раз фыркнул и объяснил, как обстоят дела. Мне аж неудобно стало. Ведь я самонадеянно рассчитывал на то, что пиндосы против российского Сопротивления бросят всё имеющееся в арсенале. Включая самые последние новинки научно-технического прогресса. Да еще и будут беспрестанно наращивать их присутствие, невзирая на все более углубляющийся мировой кризис. Ага — сейчас! По данным нашей разведки, несколько спутников, проходящих над территорией России, действительно могли быть задействованы в слежении за определенными квадратами. Но все дело в том, что уже во время развала СССР у нас произошло два следующих друг за другом неудачных запуска «Энергии». Причем настолько «неудачных», что выведенные ракетами объекты просто рассыпались в космосе и своими обломками смели большинство потенциальных «глаз и ушей», попутно очень хитро замусорив околоземное пространство над Россией. Так что какое-то время подвешивать над нами спутники стало бы жутким расточительством.

Скандал случился грандиозный. И НАТО, возможно, пошло бы даже на какие-то радикальные меры, но тут был один нюанс: в самом начале разбирательств «империя зла»

¹⁷ Реальный факт, произошедший во время операции «Буря в пустыне».

под названием СССР окончательно рассыпалась, а применять какие-либо меры к стеллющемуся под американцев российскому президенту было глупо. Это все равно, что самому себя высечь. Нет, комиссии по расследованию, в которые входили исключительно одни иностранцы и перед которыми открывались любые двери, пытались разобраться в случившемся. Но тщетно, так как в стране уже вовсю полахал кровавый бардак, управления практически не осталось, и навалились гораздо более важные проблемы. А если учесть, что наиболее причастные к этим авариям люди таинственным образом куда-то исчезли, то расследование спустили на тормозах...

Услыхав сию новость, я только крикнул. Блин! Теперь понятно, как у Сопротивления получилось настолько незаметно умыкнуть кучу мобильных ядерных комплексов, помимо прочего, включающих в себя модифицированные «Клаб — К-3». Просто умные головы, еще до развала страны, начали действовать по режиму «Сумерки» (или как он тут назывался) и ослепили супостата заранее, лишив его возможности вести наблюдение за огромными пространствами Союза. Даже себя не пожалели при этом, так как болту или гайке, летящей с огромной скоростью, глубоко по барабану национальная принадлежность прошиваемого объекта. С другой стороны, чего жалеть, если предательство на самом верху уже случилось, и всё один черт достанется врагу...

Непонятно только, как всего двумя взрывами они умудрились нанести такие потери противнику. Тут, мне кажется, командир либо чего-то не знает, либо недоговаривает, либо просто выдает официальную версию случившегося. Ведь, насколько я знаю, у нас уже в конце восьмидесятых были разные хитрые спутники, позиционирующиеся как метеорологические, связи или ретраслянционные, но по сути — боевые. И если допустить, что их тогда тоже задействовали в деле очистки космоса, то все встанет на свои места.

А Ивлев тем временем продолжал объяснять. Оказывается, амеры, потеряв значительную часть орбитальной группировки, висящей над Россией, утерлись, поднатужились и решили, невзирая на затраты, хоть немного восстановить статус-кво. Но один из их стареньких «Шаттлов» рванул на старте, а взлет второго откладывали до тех пор, пока кризис не придавил это желание на корню. Нет, кое-что, при помощи французов, они запустили, только это была капля в море.

Также было известно, что БПЛА выше ротного уровня (то есть опять-таки завязанные на спутники) здесь есть. У «Хе» в количестве четырех штук и у русских армейцев — три штуки. Точнее говоря, у наших уже только две. Третий аппарат оператор умудрился воткнуть в землю сразу после взлета. Более мелких беспилотников хватает, только, обладая совершенно другими ТТХ, они достаточно просто обнаруживаются сканерами и особой погоды не делают.

Но такая лафа случилась в основном из-за того, что в России до последнего времени было сравнительно тихо. Единичные и совершенно незначительные стычки с Сопротивлением — не в счет. Тем более властям часто было даже непонятно: то ли это зловредные и подлежащие безусловным репрессиям «смирновцы» проявляют свое «антидемократическое звериное лицо», то ли просто вполне демократичные бандиты шалят, очередной раз деля сферы влияния.

Так что моя страна пока считается вполне себе тихим регионом, из которого можно сосать соки без особых потерь. А вот в остальном мире для стран «золотого миллиарда» все обстояло вовсе не так радужно.

Правда, о том, что творится в этом мире, я узнавал постепенно и из самых разных источников. Узнавал и поражался. Да и было с чего...

Пышноусого Хусейна амеры, до распада СССР, давить не решались. И только когда усадили в Раше своего президента, задумали застолбить за собой еще и кусочек Ближнего Востока. Как раз сразу после того, как Саддам надумал отказаться от долларовой привязки при расчетах за нефть.¹⁸ Застолбили... на свою голову. Теперь там мощнейшая партизанская

¹⁸ Одна из наиболее весомых причин начала реальной американо-иракской войны.

война. Сунниты против шиитов, курды сами за себя и все вместе против янки. Плюс Северная Корея, которая еще во времена Союза успела сделать свой «ядрён батон» и приспособить его на носитель, грозно поглядывает в сторону Южной Кореи. Южане паникуют и громко требуют у дяди Сэма защиты. Свою лепту вносит Китай, третий год проводящий учения практически рядом с Тайванем и пренебрежительно кладущий на все резолюции ООН. В Палестине очередная интифада, которую охреневшие от постоянных взрывов евреи обещают выжечь раз и навсегда, вместе с зачинщиками. Но за зачинщиками стоят арабские страны и недвусмысленно грозят всеобщим джихадом. Израильтяне в ответ так же недвусмысленно демонстрируют наличие ядерного оружия и, опираясь на священные книги, намекают на региональный конец света. Кстати, эти намеки вполне могут претвориться в жизнь даже без участия евреев, так как Иран вплотную подошел к изготовлению оружейного плутония.

Но это еще не все. Кубинцы, которых никакая холера не берет, вместе с венесуэльским президентом Хуаном Бертисом, устроили очередную «антиимпериалистическую» бучу в Никарагуа. А заодно (видно, чтобы два раза не ходить) и в Колумбии. На какие шиши они так резвятся, до конца не ясно (по смутным слухам, Бертис подкидывает с нефтяных доходов, да и китайцы там хорошо отметились), но развлекаются от всей души! На фоне всего этого Федеративная Югославия, которая почему-то так и осталась федерацией, лично для меня смотрится непонятным абсурдом. Значит, все на ножах, а вечно бурлящие Балканы — уголок спокойствия? М-да...

Кстати, Афганистан тоже несколько выпадает из общей картины. Оказалось, что в 1991 году, наши сменили Наджибуллу на пользовавшегося авторитетом среди тамошних вояк генерала Курджаиди и принялись ему активно помогать. Войска во второй раз не вводили, зато оружием снабжали от пуза. Да и группы специального назначения, как армейские, так и КГБшные шустрили в ДРА безвылазно. Только вот в две тысячи седьмом помощь резко прекратилась. Курджаиди вполне успешно продержался еще полтора года, но после того как машину генерального секретаря народно-демократической партии Афганистана подорвал террорист-смертник, там начался бардак. Страна в результате гражданской войны (которая еще продолжается) разделилась на талибанский Пуштунистан и Республику Афганистан.

Амеры и туда влезли. Нет, не потому что их так заботил наркопроизводящий Афган, а потому что очень хотелось соорудить трубопровод из Туркмении, через Афганистан и Пакистан, до Индии. Местные духи, за сорок лет войны привыкшие строить отношения исключительно при помощи огнестрельного оружия, очень обрадовались приходу свежих бледнолицых и тут же отвлеклись на новую забаву. В общем, трубопровод еще даже не начали монтировать...

Короче, получилось так, что США попытались заглотить слишком большой кусок, и он застрял у них в глотке. А потом и на территории Штатов стало несколько беспокоило из-за поднимающих голову сепаратистов. Их президент, Дэвид Макгольм, который в этом мире, в 2013 году, пошел на второй президентский срок, делал вид, что всё нормально и что именно так и задумывалось, но даже дураку становилось понятно, что всё вовсе не нормально.

И вот в такой катавасии до России ли? Тут тихо, спокойно. Нефть, газ и прочее — добываются. До Европы и Америки за копейки доходят. Правительство вроде со своими обязанностями справляется и не дает народу поднять голову. Что еще надо для полного счастья?

Вникнув таким образом в сложившуюся международную обстановку, я почувствовал прилив бодрости. Да уж, теперь понятно, на что вообще рассчитывает местное Сопротивление. Еще бы — при подобных шансах играть можно! Только вот лично мне форму надо побыстрее восстановить, чтобы не выглядеть на выходах умирающим лебедем.

Ну а параллельно тренировкам знакомился с остальными ребятами своей группы.

Командиром у нас, как я уже говорил, был Геннадий Ивлев. Личность довольно выдающаяся. Еще шесть лет назад, при СССР, он служил командиром роты в 43-м отдельном гвардейском разведывательном полку ВДВ и прошел все горячие точки, начиная с Афгана и заканчивая Тывой. Воевал хорошо, за что попал в международный розыск, получив от новой власти высокое звание «военного преступника». Причем не за какой-то конкретный факт биографии, а по совокупности заслуг, включающих в себя разные вещи, вплоть до проезда ротной колонны через перекрывавшую горную дорогу толпу «мирных демонстрантов» и «разрушение религиозной святыни», с засевшим в ней пулеметчиком.

Иван Востриков (Чиж) — штатный снайпер. Чемпион СССР и Европы по биатлону. К частям СпН отношения практически не имеющий и «служивший» до развала страны в ЦСКА. Но, что характерно, он — тоже в розыске. Только не как военный, а как обыкновенный преступник. Преступником стал после того, как череповецкая братва, походя, умыкнула невесту Вострикова, просто идущую по улице. Тело девчонки потом нашли, а тех уродов, как обычно — нет. Хотя все отлично знали, кто в этом виноват, но у полиции «не было улик». Зато у Ивана они были. Взвесив шансы, он взял свою «Би-7-4»¹⁹ и пятью выстрелами положил пятерых насильников, которые в очередной раз выехали на пленэр «отдохнуть». Как можно из мелкашки зараз наглухо уделать столько народа, я не представлял, но факт остается фактом — у Вострикова это получилось. А после расстрела Чиж, не питая особых иллюзий, подался в «колхозники».

Третьим в нашей пятерке был Федор Ступка, имеющий боевую кличку Цыган, которую получил, скорее всего, из-за внешнего смугло-кучерявого вида и умения виртуозно управляться с гитарой. Правда, с пулеметом он справляется не менее виртуозно. Потомственный казак. Во времена СССР был прапорщиком в РВСН. Точнее, служил в отдельном батальоне противодиверсионной борьбы специального назначения. В Соппротивление попал три года назад. Особых причин для этого не было, просто неугомонная натура Федьки, видя окружающую действительность, требовала действий. Так бы парень и пропал, затеяв личную войну, но на него очень удачно вышли смирновцы.

Богдан... Хм, Богдан Савельев в «колхозниках» с самого начала. Он тоже служил прапорщиком, но не в армии, а в МВД. Старинный знакомец Ивлева еще по Тыве, где отряд СпН МВД «Рысь» здорово выручил Генкину роту, ударив во фланг националистам во время Шагонарской операции. Там мужики и познакомились. С тех пор работают вместе, практически не расставаясь.

То есть коллектив подобрался дружный и достаточно опытный. Я поначалу было опасался, что на тренировках меня эти зубры раскусят. Но Ивлев где-то через неделю развеял мои сомнения, сказав после занятий по тактике:

— Ну ничего... Можно даже сказать — нормально. Видно, что ты хоть и не воевал, но подготовка какая-никакая есть. А теория вообще — отлично. Даже не думал, что у хохлов так контрактников дрессируют. Ты ведь у них сержантом был?

Я, в глубине души радуясь столь хорошей маскировке своих способностей, ответил:

— Старшим сержантом, на должности замкомвзвода.

— Угу... угу... ну, в принципе — соответствуешь. Еще с месяцок погонять, и будешь соответствовать полностью. Чем мы, собственно, и занимаемся, — после чего, повысив голос, обращаясь уже ко всем: — Вечером отрабатываем преодоление инженерных препятствий. А сейчас — обед.

Вот так и проходило мое повторное ученичество. Все было нормально, единственно, сильно угнетал тот факт, что я никак не могу связаться с Сосновским. Нет, он, конечно, в курсе был, на что и куда я иду, но один черт — скоро два месяца как нахожусь в этом мире. И ни одной весточки послать не могу. Благо еще Настя Брусникина нашлась, а то бы мне было совсем хреново. Спросите, а при чем тут Настёна? О, еще как при чем! Просто мне от

¹⁹ Спортивная винтовка «Биатлон». Вместимость магазина — 5 патронов калибра 5,6 мм.

нее письмо передали. Настоящее, в конверте. А привез его Васька — тот самый, который помощник Еремина. Он приехал к Ивлеву, но прежде чем идти к командиру, вручил конверт. Правда, перед этим почему-то заставил танцевать. Традиция тут, оказывается, такая есть: получил письмо — пляши. Внутренне подивившись столь экзотическим правилам, я потоптался на месте, руками изобразил «асса» и заполучил послание.

М-да... Содержимое письма вселило в меня самые радужные надежды. Мы ведь, пока ребята куковали в Михеевке, с Настёной о многом говорили. И с каждым днем я все отчетливее ощущал, что мне эта девчонка нравится все больше и больше. Да и я отрицательных эмоций у неё не вызывал. Даже, скорее, наоборот. А уж когда мы вроде как невзначай поцеловались, у меня крышу вообще сорвало. Но дальше поцелуев дело не пошло — все-таки полный дом народа, поэтому пришлось, как двум школьникам, только изредка держаться за руки. Блин, никогда не думал, что подобное держание может быть столь волнующим! И главное, с каждым днем я все сильнее чувствовал, что эта девушка в корне отличалась от всех моих знакомых барышень. Отличалась каким-то внутренним стержнем, трезвым взглядом на жизнь и... чистотой, что ли? Я точно сформулировать не мог, но отличие это четко ощущал, поэтому и дышал через раз, касаясь ее узкой ладошки.

А последней каплей стала картошка. Обыкновенная, жареная. Обычно готовкой занималась Мария, но тут Настя сама встала за плиту и, попробовав ее стряпню, я понял, что попал окончательно. Такую картошку, чтобы одновременно была хрустящая и сочная, могла готовить лишь моя бабушка. А когда она умерла, я на долгие годы остался без любимого блюда. Ни мать, ни тетка, ни мои многочисленные подружки и близко не могли повторить бабушкин шедевр. Но тут появилась Настя и раз — вот оно! В общем, тогда, держа вилку в руке и жмурясь от удовольствия, я для себя окончательно решил, что от добра добра не ищут. Где я еще такую найду? Чтобы красивая, умная, бойкая, смелая и в голове вовсе не тряпки, бабки или модные клубы. Да еще и готовит — пальчики оближешь...

Дело оставалось за малым — честно рассказать о себе. Рассказать и убедить перейти в мой мир, в качестве спутницы жизни. Но не сложилось. Сначала как-то не решался, а потом появился связной, и стало не до того. А перед расставанием я сказал, что обязательно ее разыщу. Только у Настёны получилось найти меня первой. И не просто найти, а передать письмо. И хрен с ним, что конверт был вскрыт, главное, что там, помимо слов, от которых голова начинала кружиться, был ее номер телефона...

Но вот позвонить я не мог. И поехать к ней не мог. Хорошо хоть написать ответ и передать его вместе со Шмелевым мне никто не запрещал. Хотя, блин, Цыган к матери ездил. Ивлев к семье на три дня тоже срывался. Даже Февраль к своей зазнобе в Ставрополь на побывку сваливал. Только мы с Чижом, как два салабона, безвылазно на хуторе торчим. С другой стороны, Генка пообещал, что по окончании курса он меня и к брату, и к девушке отпустит. Только это все может произойти не ранее марта. Да уж, дисциплина, однако. Против нее не попрешь...

Кстати, насчет дисциплины — вся затея с набором людей в «параллели» для разрешения своих проблем, при ближайшем рассмотрении, стала мне казаться совершенно невыполнимой. Я ведь думал, что тут партизанщина в полный рост, и поэтому подобрать нормальных ребят не составит особого труда. Мне представлялось, что «Вымпел» — это некая группа, человек в пятьдесят-семьдесят. Эдаких зубров и псов войны, которые собираются в основном для осуществления акции. А свободное от диверсий время проводят в тренировках или с семьями. Среди них я завожу знакомства, нахожу пятерых наиболее заслуживающих доверия, и мы за неделю все проворачиваем. После чего, с честно поделенными трофеями, они отправляются в свой мир, а я остаюсь. Ну еще переносу портал в другое место, чтобы даже следов не нашли, и начинаю жить как жил.

То есть я тупо скопировал сюда образ жизни и действий разного рода боевиков из своей «параллели». И вот тут меня ждала засада. Точнее — две. Первая: никакой партизанщиной в Сопротивлении не пахло. Вернее, ею не пахло в спецподразделениях, куда я и попал. Все, как в армии, хотя по рассказам Ловягина, представлялась совершенно другая

картина. Ну да оно и понятно, там — просто гражданские люди, ушедшие в подполье, поэтому у них свои задачи и отношения. А меня занесло... М-да, занесло так занесло. И главное — выбирать не из кого. Никакими сводными отрядами в сотню штыков тут и не пахнет. Знакомых — всего четыре человека, да хозяин хутора, с большой семьей. Но хуторян сразу оставим в покое, а вот с «вымпеловцами» говорить о моем деле — весьма чревато. Они, блин, как-то очень уж сурово и чересчур патриотично настроены. И вряд ли, даже став близкими друзьями, не передадут мои слова по команде. Угу, в этом случае проще было сразу перед Ереминым расколотся... Так что пока я никак не мог сообразить, как нужно поступать в столь щекотливом положении, и поэтому решил просто ждать и смотреть, куда карта ляжет. Тем более что дома меня активно ищут недружелюбные арабы. Вот нехай себе ищут, а я тут поживу...

Ну а вторая засада заключалась в том, что я постепенно стал диффундировать в этот мир. Меня всерьез начали волновать его проблемы. Сразу это было не очень ощутимо, но вот вчерашняя передача «Голоса демократа» заставила сильно разнервничаться. Тут ведь как получилось — с телевизором на хуторе была напряженка. Точнее с электричеством, которого не было вообще. Поэтому телик смотрели, лишь когда заводили небольшой японский движок, предназначенный для зарядки телефона, ноутбука и раций. А в остальное время приобщались к большому миру исключительно через приемник. В основном музыку слушали или новости. И вот вчера Федька, глянув на часы, спросил у меня:

— Хочешь приколоться?

Получив заинтересованный кивок, нажал кнопку подстройки, объявляя:

— А теперь по заявкам передовой общественности — самая демократическая станция из всех возможных — «Либеральная Москва»! Слушайте и не говорите, что вы не слышали!

Я на эту «Москву» уже несколько раз нарывался, и не могу сказать, что она меня чем-то заинтересовала. Та же лажа, что и на других станциях, только музыки меньше, а пустопорожних базаров, восхваляющих ныне существующий режим, — больше. Но так как восхвалять было особо нечего, то занимались в основном обсираанием своего же прошлого. Очень уж нравилось тамошним ведущим сравнивать СССР середины двадцатого века и Америку двадцать первого. Поэтому я только махнул рукой:

— Да ну их на фиг. Одно и то же постоянно брешут. Оставь лучше, что было...

Но Цыган только пальцем покачал и объяснил:

— Они цикл передач гонят к запрещенному «тоталитарному празднику» — двадцать третьему февраля. А я их слушаю и сравниваю с речами рейхсминистра пропаганды. На теперешний день идентичность с Геббельсом — восемьдесят процентов. Думаю, добьются как минимум девяностопроцентного попадания. Так что не мешай проводить статистические исследования!

После чего, достав большой блокнот и ручку, приготовился чего-то записывать. А ведущий по окончании музыкальной заставки начал вещать. Мне сначала было все равно, но потом, глядя на сосредоточенно сопящего Ступку, тоже стал вслушиваться. М-да... речами рейхсминистра я как-то не особо интересовался, но сейчас появилась твердая уверенность, что на этой станции сидит его реинкарнация. Во всяком случае, слова о «большевистских ордах», стремящихся поработить Европу, я в фильмах про войну уже слышал. Но в кино их говорили немцы...

Здесь же болтали вроде как наши. И своей изобретательностью оставляли немцев в глубокой дупе. Во всяком случае, слова, что «восточные варвары» убивали и насиловали, насиловали и убивали (причем по фигу в какой последовательности) всех граждан «оккупированных» стран, меня очень удивили. Сие утверждение уже откровенно некрофилией отдавало. Интересно, эти ушлепки с «Москвы» что, пытаются таким образом свои сексуальные фантазии в люди выплеснуть?

Дальше пошла обычная бодяга насчет того, что основные силы гитлеровцев были разгромлены союзническими войсками, а «совковые недочеловеки», пользуясь отсутствием сопротивления со стороны противника, хлынули на Запад. Причем передвигались они только

пешком или на технике, полученной по ленд-лизу. А впереди шли высокоморальные штрафные батальоны, состоящие исключительно из политических заключенных.²⁰ То есть из тех, кто еще до войны как мог боролся с советской властью и которых кровавое НКВД под дулами пулеметов заставляло идти в атаку. Но «высокоморальные» поголовно легли в боях, поэтому несчастные европейцы имели дело не с нормальными людьми (они все были невооруженными зэками и сразу гибли), а с упырями из заградотрядов. Упыри, кстати, выжили и потом долгое время носили звания ветеранов войны. Хотя настоящих ветеранов к маю 1945 года просто не осталось, так как все были брошены «мясником Жуковым» на немецкие укрепления.

От такого пассажи я охренел и даже поднялся с раскладушки, чтобы не пропустить еще какого-нибудь «открытия». Федька, глянув на меня, лишь хмыкнул и опять углубился в записи. Но ведущий как раз прервал свои обличения и пригласил к микрофону, как он выразился, «гениального писателя и публициста, ярчайшего представителя творческой интеллигенции», который готов прочесть свои ранние стихи на эту тему. «Ярчайший» носил чисто русское отчество — Пинхосович и, не ломаясь, тут же начал выдавать раннесочиненные вирши. Насколько я понял, этот хмырь решил подойти к делу глобально, поэтому не став мелочиться, написал целую сагу о тех, кто имел наглость называться ветераном.

Там было всё. И как трусливо-злой солдат Красной Армии гадил себе в штаны под бомбежкой. И как он стрелял в спину безоружным штрафникам, идущим в атаку. И как, исходя завистью, грабил чистенькие европейские дома, убивая их мирных хозяев. И как потом расстреливал настоящих патриотов и борцов с тиранией из армии Власова. А, вернувшись домой, продолжил черное дело, отравляя своим существованием жизнь современников.

После военных рифм «гениальный писатель» как-то без паузы переключился на общегражданские и принялся с упоением сравнивать жизненные позиции советского человека — «преступника, огнем и мечом уничтожавшего ростки европейской демократии» с представителем западной цивилизации. Заканчивалось выступление словами:

Престарелый воняет мочой,
Престарелый страдает бездельем,
Догорая коптящей свечой,
Портит всем остальным настроенье.

Крепкий западный евростарик
С нашим старым дедом не товарищ.
Здесь гораздо приветливей вид,
С этим кашу, быть может, и сварить.²¹

После того, как последний взвизг декламатора затих, ведущий начал восхищаться

²⁰ Для справки — согласно приказу № 227 от 28 июля 1942 года, в штрафной батальон из тюрьмы попасть было невозможно, так как он комплектовался исключительно офицерами, совершившими воинские преступления. В штрафную роту (комплектуемую рядовым и сержантским составом) мог зачисляться гражданский человек, совершивший мелкое или средней тяжести общеуголовное преступление и написавший рапорт с просьбой заменить срок заключения службой в штрафной роте. При этом максимальное время нахождения в штрафниках не могло превышать двух месяцев. Политические заключенные и уголовники, осужденные на большие сроки заключения, в штрафные подразделения не зачислялись. Единственный известный случай попадания политического заключенного в штрафную роту произошел с В. В. Карповым (осужденным, по его словам, на пять лет не по уголовной, а именно по политической статье). Но документов, подтверждающих эти слова, не сохранилось.

²¹ Взято с одного из демократических блогов.

талантом гостя, а я, скрипнув зубами, нажал кнопку выключения приемника. Ступка вскинулся:

— Эй, зачем выключил?

— Да выбор-то небольшой. Или я еще пять минут их послушаю и грохну этот долбанный приемник, или прямо сейчас его заткну — без членовредительства.

Цыган вздохнул:

— Тогда — ладно, — и после каких-то подсчетов объявил: — Девяносто два процента!

Злобно оскалившись и трясаясь от не получающей выхода внутренней ярости, я бросил:

— Херня все это! И без твоих подсчетов могу сказать — только в этой передаче уже идет стопроцентное попадание. Так что Геббельса здешние козлы переплюнули! С запасом! Меня вот другое волнует...

— Что?

— Где же мы этих гондонов хоронить будем? Вон ведь сколько их повылазило...

Богдан, который сидел возле окна, ковырялся с гарнитурой и не вступал в наш разговор, фыркнул:

— А ты что думаешь, их много? Зря. Просто они зело вонючи и очень громко свои гонорары отрабатывают. Поэтому и кажется, будто таких мудаков — море. На самом же деле хорошо если пара тысяч вместе со всеми прихлебателями наберется. Правда, мозги они засирают — будь здоров! Так что их не слушать, а давить надо. Как тараканов.

Тут подал голос молчавший до сих пор Чиж:

— Слушай, а вот зачем они вообще так делают? Нет, конечная цель их хозяев понятна — внушить комплекс несуществующей вины целому народу, чтобы потом спокойно свои гешефты проворачивать. Но вот эти конкретно не соображают, что они своих же предков унижают?

Федька ощерился:

— Ха, каких своих? Копни любого «светоча российской демократии», и выяснится, что их родичи были либо «видными партийцами», которые в тридцатых простых людей уничтожали и которых в свою очередь Сталин шлепнул, либо теми же «видными партийцами», махинациями заработавшими не пулю, а просто зону и валившими лес до самой смерти усатого. А теперь дети-внуки «заживо репрессированных», не могущие простить столь резкого выпадения из номенклатурной обоймы, нам втирают про «бесчеловечный режим». — Цыган на пару секунд замолк, а потом, хитро глядя на меня, спросил: — Кстати, насчет режима. Можешь ответить, в какой стране, вплоть до середины пятидесятих годов двадцатого века, работники целой отрасли работали исключительно за галочки в книге учетчика? При этом отовариваться они могли лишь в специальной лавке, где товары выдавали исходя из количества трудодней. Да, а наценка на товары была такая, что люди оставались постоянными должниками. И если вдруг кто-то из них сбегал, то органы внутренних дел этой страны со всем тщанием его ловили и сажали. Ну или в лучшем случае возвращали пахать обратно.

Чуя подвох, я задумался. Но так как вариантов не находилось, предположил:

— Колхозники в СССР? Хотя твои слова насчет должников меня что-то смущают...

— Правильно смущают. Ведь сейчас говорилось вовсе не про СССР, а про США. В частности, об их шахтерах и системе «Debt bondage».²² Да если ты слышал песню «Шестнадцать тонн», то она как раз на эту тему. И что характерно, это было довольно распространенной практикой во всем мире. Где-то больше, где-то меньше. Но наши крестьяне хотя бы могли свинтить из колхоза на учебу или на завод, а вот у тех же пиндосов вообще было беспросветно. Зато нынче весь мир вспоминает исключительно «кровавую тиранию Сталина»...

Я удивленно развел руками:

²² «Debt bondage» — реально существовавшая в США система.

— Блин, песню знаю, а вот насчет шахтеров и не подозревал... Нигде про этот «bondage» не слышал.

— Все верно. Просто в каждой стране, если копнуть историю, всплывет куча довольно неприглядных фактов. Но западники о них не кричат на всех углах. Потому что это наносит урон государству. А у этих «граждан мира», — Цыган мотнул головой в сторону молчащего радио, — родины как таковой нет. Точнее, она есть, но это вовсе не Россия. Она им ненавистна. Вот эти сволочи и стараются выставить ненавидимый ими народ потомственными уродами. И от души стараются, и за деньги. Как говорится — два в одном!

Я чуть не сплюнул:

— Твари! Ну ничего, каждому по его делам воздастся!

На что Февраль, примеряя подогнанную гарнитуру, кивнул:

— Само собой. И ты это состояние в себе поддерживай, а то я чую — работы скоро будет много!

Глава 6

Чуйка Савельева не подвела. Но это никак не было связано ни с радио, ни с продажными «ярчайшими представителями» и вообще к пропаганде не имело никакого отношения. Чисто боевая акция. Только, наверное, надо по порядку.

Для связи с внешним миром у Ивлева был репитер,²³ обычный сотовый коммуникатор и ноутбук. То есть указания он мог получать как по «мылу», так и по сотке. Конечно, всем известно, что телефон можно прослушать, а почту вскрыть, поэтому по данным девайсам никаких серьезных разговоров не велось. Просто, к примеру, Ивлеву звонила какая-то девка и говорила, что он давно ее не навещал, совсем забыл, что подарки не дарит ну и прочую пургу. А командир уже знал, что ему надо быть на встрече со связником. И знал место и время этой встречи. В общем — все было отлажено.

Только теперь эта отлаженность дала сбой. Не знаю уж, что сказал Генке собеседник, но тот шустро присоединил скремблер к коммуникатору и жестом отослал всех за дверь. А потом я впервые услышал, как командир кричит. Точнее — шипит, но этого хватило, чтобы можно было кое-что расслышать:

— Да вы что там себе... Силы... Не успеем!.. Я говорю — нас четверо!.. Не пятнадцать, не десять, а четверо! Нереально... Нет, пятый... Нет... Проверяем... Пока нет... Еремин лично... Понял...

После чего громкий шип затих и раздавалось только бу-бу-бу. А через пять минут Ивлев вышел, окинул нас хмурым взглядом и оповестил:

— Слушайте боевой приказ. Через два часа из Подкумок в Минводы выходит колонна. В составе колонны: «Лендровер» с ООНовскими номерами, являющийся основной целью, а также БРДМ²⁴ и «ГАЗ-66»²⁵ конвоя. «Бардак» принадлежит полицейским силам быстрого реагирования. А в «Шишиге» следуют какие-то наемники. Предположительно из «Зи» или аналогичной структуры... Задача — уничтожить колонну и захватить «дипломат» с документами, находящийся в джипе. По возможности, взять «языка» из состава тех, кто едет в «ленде». — Вздыхнув, уже другим тоном добавил: — Времени в обрез, поэтому сейчас берем все по четвертой раскладке и уже в дороге будем думать, как это можно проверить. Волков остается на хозяйстве. Разойдись!

Я даже сначала не понял последних слов Геннадия, но потом — дошло. Ведь по новым

²³ Устройство для усиления сигнала.

²⁴ Боевая разведывательно-дозорная машина (сленг. «Бардак»).

²⁵ ГАЗ-66 — грузовик с колесной формулой 4х4 (сленг. «Шишига»).

документам зовусь — Сергей Волков. И именно меня оставляют «на хозяйстве». Блин, почему?! Неужели слова насчет проверки, сказанные по телефону, относились именно ко мне? Нет, не то чтобы я рвался в бой, но вот понимание того, что, оказывается, ничего не закончилось и проверка продолжается, навевало грустные мысли. То есть, пока я тут повышаю физические кондиции, где-то там контрразведка пытается найти подтверждение моим рассказам. И попадание в боевую пятерку спецназа еще ни о чем не говорит. Наоборот! Если новенький боец является агентом БОГС, то попав в подполье, он может хороших дел наворотить. А здесь, на хуторе, без связи, под постоянным присмотром четырех волкодавов он безвреден. И даже тренировки в тему идут. Ведь если мои слова подтвердятся, то Сопротивление получит обученного спеца, не теряя дополнительного времени на его дрессуру. А если не подтвердятся...

М-да, и ведь я ничего не подозревал. Только эта, видно, очень экстренная ситуация позволила раскрыть глаза на происходящее. Хорошо еще, что перед отъездом в погреб не запирают... Хотя зачем запирать? Тут еще девять человек хуторских остается. А у двоих старших мужиков оружие всегда под рукой. И по фиг, что один из них без ноги, а второму сто лет в обед. Стреляют эти хуторяне так, что мухе на лету крылышки отшибут. И не только мужики. Вон, я уже видел, как тот же четырнадцатилетний Данилка на моих глазах из «Грача», с тридцати шагов, подвешенный к дереву реп-шнур укорачивал. Блин, этот щегол ни одного промаха по раскачивающейся веревке не сделал! Да уж, лучшей охраны и не пожелаешь...

В общем, пока «вымпеловцы» экипировались, я так и стоял, мрачно глядя на то, как Богдан что-то втолковывает проверяющему оружие Ивлеву. Тот сначала отрицательно качал головой, но потом, обреченно махнув рукой, крикнул мне:

— Волков, с нами!

А подошедший Февраль, довольно улыбаясь, ткнул в плечо:

— Командир думал — ты еще не готов, но я его переубедил. Так что не подведи меня!

Угу, я прямо заколдобился от радости. «Думал», «переубедил». Как же! Будто я не обратил внимания, что Генка, от безвыходности, даже в сторону малолетнего Данилы посматривал, и, лишь наткнувшись на ответный взгляд его матери, быстренько расстался с идеей задействовать в операции несовершеннолетнего бойца. И меня берут только потому, что Савельев веские аргументы привел. Видно, прикинули хрен к носу да поняли, что вчетвером выполнить задание шансов почти нет. «Бардак» с его КПВТ сам по себе грозная штука, но ведь и в «Шишиге» до отделения может катить. Так что одно дело просто их обстрелять, моментально смывшись после этого, и совсем другое ПОЛНОСТЬЮ подавить сопротивление, чтобы можно было взять документы из джипа. Тут каждый ствол на счету будет. И если есть шанс, что новый боец к Бюро не имеет никакого отношения, то им надо воспользоваться. Но, не показывая, что догадался и о возможных причинах оставления, и о причинах взятия, я нацепил на морду благодарное выражение, ответив:

— Спасибо! Постараюсь не подвести!

А потом была гонка. Сначала на «уазике», таком же как был у Ванина, только серого цвета. Но проехав километров десять, мы замаскировали машину и, нагрузившись как ишаки, двинули на своих двоих через горы. Погода стояла самая что ни на есть характерная для этих мест: низкие тучи и морозящий оттуда то снег, то дождь. На ботинки сразу налипло по пуду грязи, только на темпе это не сказалось. Да, без тренировок я бы уже умер, а так ничего себе — иду. Даже попутно обдумываю вводную, полученную в машине. Хотя чего тут особо раздумывать? Схему засады Ивлев прикинет, исходя из местности. Тогда же и уточнит мое место в этой схеме. Тревожило одно — огневой мощи у нас вполне хватало: помимо четырех «Агленей», «Шмеля»²⁶ и «МРГ»²⁷ было даже две «МОН-50».²⁸ Но сильно

²⁶ Реактивный пехотный огнемёт.

²⁷ Многофункциональная реактивная граната.

не хватало людей.

Я, например, себе слабо представляю, как мы будем вести себя без вынесенных дозоров? Вдруг, пока будем громить колонну, еще кто-то появится? Это ведь шоссе, а не грунтовка в забытом богом медвежьем углу. Тут движение не то чтобы частое, но ощутимое. Ладно если проедут гражданские машины, а ну как нет? И пусть Ичкерский каганат вновь сцепился с Шамхальским эмиратом, и занятые междоусобицей джигиты сюда пока не лезут, но Ставропольская бригада никуда ведь не делась? А так как эта бригада распределена на опорных пунктах и блокпостах вдоль всей границы, до которой рукой подать, то встретить вояжирующих солдат на шоссе это как два пальца об асфальт. И что тогда делать?

Но командир это учел. Так что минут через сорок напряженного бега, поднявшись на очередную гору, он дал знак остановиться, посмотрел на часы и, выдернув бинокль, принялся разглядывать дорогу, проходящую внизу. Я тоже глянул и удовлетворенно хмыкнул. В общем-то, вышли мы вполне удачно. С этого места трасса на Подкумки просматривалась метров на триста и опять исчезала за высоким холмом. Правда, с другой стороны, со стороны Минвод, видимость была не более пятидесяти метров. Но в горах и это можно считать за большую удачу. Видно, Ивлев достаточно хорошо знал местность, вот и вывел нас в самую оптимальную точку. А потом Геннадий, после короткого совещания, определил задачу каждого. Мне досталось наблюдение за минводским направлением. Ну а после того как мужики начнут громить колонну, оставаться на месте и выполнять свою задачу. Точнее: тормозить любой транспорт, идущий снизу, предупредительными очередями перед капотом. Это в том случае, если едущие не услышат звуков боя за поворотом и не остановятся сами. Что, кстати, вероятнее всего. Народ здесь ученый, и даже если это будут не гражданские, а вояки, вперед без разведки они не полезут. Вот мне этих разведчиков и надо будет отвлечь, буквально на несколько минут, после чего отходить к точке сбора.

Цыгану досталась аналогичная задача наблюдения, но уже со стороны Подкумок. То есть Федька уходит за соседнюю горку и уже оттуда контролирует южное направление.

Оставшаяся тройка бойцов принимает непосредственное участие в боестолкновении. Февраль, посредством «Печенега-2»²⁸ должен будет разнести «ГАЗ-66» сопровождения. Ивлев брал на себя «Бардак». Ну а Чиж собирался ювелирно обработать «Лендровер».

Уяснив приказ, ребята заскользили вниз, к дороге, благо что никаких машин на ней пока не наблюдалось. Я тоже, спустившись ниже по левому склону, выбрал позицию возле кучки поросших мохом валунов и принялся изображать из себя зоркого сокола. А через пять минут сделал первый доклад. То есть дал короткий тоновый сигнал, обозначающий движение гражданской машины. Минут через пять еще один. Потом — серию, показывающую появление небольшой армейской колонны. Проследив глазами за тремя тентованными «Уралами» с военными номерами, медленно ползущими вверх по дороге, очередной раз удивился многообразию здешних коллизий.

С одной стороны, Сопротивление ведет войну с государством. А говоря конкретнее — со всеми официальными представителями силовых и руководящих структур. Но в то же время вояки из Ставропольской бригады нам противниками вроде как не являются. И Генка это особо отметил. Дескать, если в самый ответственный момент операции я увижу ставропольцев, то на поражение ни в коем случае не бить. Так — обозначить присутствие парой-тройкой очередей и сразу отходить. Но если это будет машина или колонна Министерства внутренних дел, то начинать следует не с автомата, а сразу с «Агленя». И шмалять исключительно прицельно.

Я, честно говоря, его вполне понимаю. Если ребята из бригады как могут прикрывают

²⁸ Осколочная мина направленного действия.

²⁹ Ручной пулемет.

границу от набегов резко одичавших горцев, то здешние сотрудники МВД это нечто. Точнее говоря, не нечто, а на девяносто процентов те же самые жители ныне свободных горных республик, получившие российское гражданство и нашедшие себе пусть и не столь «почетную», как набеги, но гораздо более безопасную работу. Тут ведь полицейским стать достаточно просто. И никаких образовательных, физических или морально-этических требований для приема сотрудников не существует. Как говорится — нет препятствий желающим служить! Вопрос лишь в сумме. А так как кушать все хотят, то взятка для принятия на должность рядового составляет от двух до трех тысяч евро. Сержантская должность соответственно дороже. Ну а лейтенантская вообще — двадцать тысяч выложи и не жужжи. А после оплаты тебе в отделе кадров хоть диплом об окончании полицейской академии нарисуют...

М-да... Поэтому родственники собирают деньги кланами и тейпами, после чего пропихивают своего человека на нужное место. Ну а он вложенные финансы быстренько отбивает. Как может. Так что от обычных бандитствующих абреков региональную полицию отличает вовсе не служение закону, а то, что во время слегка завуалированных поборов, переходящих в откровенные грабежи, они надежно защищены погонями и действующим законодательством.

А из этого следует, что если в момент потрошения колонны с «Лендровером» я увижу транспорт с бело-черной полосой, надписью «полиция» и украшенный гербом, то привечать его надо не стрельбой перед капотом, а работой из гранатомета. Кстати, насчет гранатомета — вон та пара деревьев мне может сильно помешать, поэтому надо перейти еще чуть ниже и правее. Сменив позицию, я опять огляделся и остался вполне доволен. Ну вот, то что надо! Теперь если что — не облажаюсь.

Поймав себя на этой мысли, внутренне удивился. Надо же — готовлюсь к первому в жизни бою, а мандража никакого нет. перевозбуждения, к слову сказать, тоже нет. Спокойно рассуждаю, спокойно прикидываю варианты. Прямо как на учениях. И единственная забота — как бы не оплошать и не подвести мужиков.

Правда, долго самолюбованием заниматься не получилось, так как минут через пять в наушнике рации послышался длинный тоновый сигнал. Оппа! Это Цыган дает знать, что в пределах видимости появилась ожидаемая колонна. Значит, вот-вот все начнется, и я из простого наблюдателя превращусь в действующее лицо. К слову сказать, весьма мокрое действующее лицо, так как снегодождь не прекращается ни на минуту, и мох на валунах напитался водой, словно губка. Угу, хорошая такая губка, с ледяной корочкой. Но ведь что интересно: еще несколько секунд назад мерз, а сейчас — аж пар пошел. Даже пальцы на руках потеплели.

Порадовавшись этому факту и напряженно прислушиваясь к тому, что происходит по ту сторону горки, я продолжал неотрывно следить за дорогой. Но с моей стороны машин не было, лишь сверху по нарастающей надвигался шум двигателей. А потом (это просто фантастика какая-то) буквально на мгновение наступила оглушительная тишина. Кажется, даже крупа, сыплющаяся с неба, зависла в воздухе, прекратив свое монотонное шуршание. Буквально тут же в наушнике раздался спокойный голос командира:

— Работаем.

И эта тишина взорвалась грохотом разрыва. Следом послышалось еще два взрыва, и я даже отсюда услышал, как взвизгнули в воздухе разлетающиеся ролики сработавших «монок». А поверх этой какофонии наложились уверенная работа «Печенег» да сухие, отчетливые выстрелы снайперской винтовки Чижа. Стрельба длилась совсем недолго, после чего за холмом вспыхнуло зарево и раздавшийся «бабах» показал, что «Шмель» тащили не зря.

А потом стало тихо. Надо же, как быстро сработали! И в ответ почти никто не стрелял. Так — буквально несколько очередей из пары автоматов... Противники наверняка даже не успели сообразить, что же случилось. Но чем дольше длилась тишина, тем активнее у меня в заднице шевелилось огромное шило, которое так и подталкивало рвануть на гребень холма и

посмотреть, что же творится с той стороны. Только приказ есть приказ, поэтому оставался на месте, поглядывая то на дорогу, то на часы и мысленно рисуя картину происходящего. По звукам приблизительно было понятно, что сначала Ивлев из гранатомета расхерачил «Бардак». Тот в ответ и пикнуть не успел. Богдан стал обрабатывать «Шишигу», а Чиж привел в действие обе «МОН-50», после чего переключился на «Лендровер». Но из грузовика или «ленда» кто-то успел вывалиться и открыл ответный огонь. Кстати, этот шустрик, скорее всего, выскочил из «шестьдесят шестого», поэтому его безжалостно накрыли огнеметом. С джипом бы такой номер не прошел, так как после работы «Шмеля» ни пленного, ни документов мы бы не получили...

Секунды тянулись невыносимо медленно, и я, поглядывая то на часы, то на пустую дорогу, уже прикидывал, что через пару минут можно отходить к точке сбора, но вдруг с той стороны холма послышались взрыв и глухие хлопки пистолета. Все перекрыл винтовочный выстрел, а в наушнике раздался голос Чижа:

— Волк, внимание, один из джипа рванул в твою сторону! Я его не достаю! — И еще через секунду: — Осторожнее, эта падла шустрая очень. Он, похоже, Февраля положил!

Фигассе! Как это — положил? От этого известия я обалдел, но уточнять времени не было, поэтому, оставив свою мокрую позицию возле валунов, со всей возможной скоростью рванул на вершину холма. А когда выскочил (даже ни разу не поскользнувшись), то почти сразу увидел мелькающего между по-зимнему черными стволами человека в темно-зеленой куртке. Он пер почти точно на меня, только смотрел больше назад, чем вперед, поэтому пока не замечал угрозы. Встав на колени, я сначала взял на прицел быстро приближающуюся фигуру но, вспомнив приказ насчет взятия «языка», сплюнул и, прикинув, в каком месте этот ухарь будет переваливать горку, переместился туда.

А когда до тяжело дышащего беглеца оставалось шагов десять, привстал, дал короткую очередь ему под ноги и завопил:

— Стоять! Бросить оружие!

Нет, конечно, можно было подпустить поближе, героическим прыжком выскочить из-за угла и молодецким ударом ошандарашить супостата. Только загвоздка была в том, что углов здесь не было. Да и деревья ближе к вершине сходили на нет, превращаясь в жидкие кустики. А самое главное — у него был зажатый в руке пистолет, и если я начну из себя изображать Ван Дамма, то вполне могу схлопотать пулю. По ногам стрелять? Угу, сейчас! В этом случае придется неходячую тушу тащить до «уазика» через все эти горы и пригорки. Причем на себе. Так что лучше уж отсюда, из-за камушка его шугану. Увидев направленный почти в упор ствол, никуда этот хмырь не денется. Поднимет лапки как миленький.

Но мужик оказался вовсе не из трусливых, так как не впал в ступор от неожиданности, а, матюгнувшись по-английски, резво кувыркнулся вправо, при этом успев стрельнуть в меня из пистолета. Действительно — падла! Ну если ты так, тогда — получай!

Выдернув из разгрузки РГД, я запулил ее чуть в сторону от предполагаемого местонахождения противника. Так, чтобы напугать, но не зацепить. А потом, привстав после взрыва и найдя глазами ярко выделяющуюся на фоне присыпанной снегом упавшей листвы зеленую куртку, кинул еще одну гранату. На этот раз прицельно и довольно точно, но не выдерживая кольца. И сам рванул следом за ней.

Как и предполагалось, англоговорящая сволочь нервы имела не из титана и, услышав, что возле него шлепнулось что-то явно взрывоопасное, просто оттолкнувшись всем телом от земли, скакнул в сторону и замер, прикрыв голову руками. Вот по этой голове, в три секунды преодолев разделяющее нас расстояние, я и пробил, как по футбольному мячу. Враг, находясь в предчувствии близкого «бабаха», мое приближение прозевал, поэтому даже не сопротивлялся, лишь всхлипнул от удара и обмяк. А я, сноровисто подобрав выпавшее из его руки оружие, на секунду задумался: чем же лежащего вязать? У меня ни шнура ни даже бечевки не было. Но потом просто выдернул ремень из брюк врага и решил задачу.

Заодно быстренько его обыскал, найдя телефон, американский паспорт, портмоне (с удостоверением «Central Intelligence Agency» и жетоном), кобуру для пистолета, в кармашке

которой лежал запасной магазин, початую упаковку «Orbit», коммуникатор, три кредитки, толстенную пачку баксов, связку ключей и прочую мелочь, обычно таскаемую в карманах. Кстати, что интересно — в паспорте и удостоверении была фотография одного и того же человека, но вот имена стояли разные. По общегражданским документам этот хмырь был Эдвином Вудхаймером, а вот в цэрэушной ксиве он же назывался Майклом Пирком. Самое смешное, что две кредитки из трех соответствовали этим именам. А вот на третьей, лежащей в отдельном кармашке, вообще значилась принадлежность к какому-то Алексу Керри. Ну это ничего, разберемся ху из ху...

Пока обхаживал первого в своей жизни настоящего пленного, появилось время ответить на радиопризывы Чижа. Со скрытой гордостью доложил ему, что бежавший взят живьем, и услышал в ответ:

— А у нас все плохо. Февраль убит, командир ранен. Оставайся на месте, мы сейчас подойдем.

От этого известия чуть не выронил просматриваемые документы. Вот гадство, я ведь считал, что в самом худшем случае ребят просто подранили. Вернее, что они, попав под близкий разрыв гранаты, получили контузию. Хотя — нет. Вдвоем под одну гранату они бы не попали. Не та подготовка. Да и Ванька, когда предыдущий раз со мной связывался, говорил лишь про Богдана. Что же там произошло? Неужели этот козел, который сейчас валяется у меня под ногами, оказался настолько ловок, что сумел поймать врасплох двух зубров, прошедших не одну войну?! Но как?

Порации этот вопрос я, разумеется, выяснять не стал, а, вытягивая шею, принялся высматривать поднимающихся снизу ребят. Ну а попутно, прикинув, что нам понадобится для переноски раненого, срубил две длинные жерди и напаялил на них извлеченную из рюкзака плащ-палатку, с нашитыми на нее лямками. Только закончил сооружать импровизированные носилки, как увидел Чижа и пришедшего ему на помощь Цыгана, которые тащили на себе остальных членов группы.

Никаких охов, ахов и прочих проявлений чувств, разумеется, не было. Федька при виде очнувшегося к этому времени «языка» лишь кивнул и начал сгружать раненого командира на носилки. А Иван, аккуратно положив мертвого Февраля на землю, тяжело отдуваясь, сказал:

— Надо валить отсюда побыстрее. Только мы с таким грузом далеко не уйдем...

Ступка, который пристраивал в ногах Ивлева небольшой серебристый чемоданчик, выпрямился и ответил:

— Богдана до балки донесем и там сховаем. Позже за ним вернемся, — и уже обращаясь ко мне, кивнув на американца: — Этот мудак — ходячий, или ты его подстрелил?

Я успокоил:

— Ходячий, ходячий! Куда он денется? Просто по башке разок получил и все. Вон — уже очухался. И он не просто сам пойдет, а сделает все, что ему скажут...

После чего, пинком заставив подняться Эдвина-Майкла-Алекса, ухватил его за ворот и прошипел по-английски в перемазанную жидкой грязью морду:

— Ты сейчас понесешь нашего мертвого товарища. На горбу. Начнешь брыкаться — умрешь так страшно, что даже нас стошнит от твоего вида! Понял, урод?!

Видно, у меня был весьма многообещающий вид, так как американец лишь придушенно кивнул, втягивая голову в плечи, после чего мы, подхватив раненого и убитого, быстро пошли в сторону от трассы. Ну сравнительно быстро — первые двадцать минут шли в темпе, а потом, перевалив очередной хребет, резко сбавили скорость, так как силы таяли с каждым шагом. Да еще усилившийся снег сильно мешал, заставляя скользить и падать. Но с другой стороны, тот же снег надежно прятал все следы.

А где-то километра через три добрались до балки, где под выворотнем спрятали тело Савельева. Заваливая землей и ветками труп человека, который вполне мог бы стать хорошим другом, я почувствовал, как зашипало в носу и, мотнув головой, зло скрипнул зубами. Черт возьми, ну почему первыми всегда уходят самые лучшие? Вот с тем же Ивлевым у меня как-то отношения не очень складывались. Нет, мужик он волевой,

грамотный и командир хороший, но не сложилось и баста. С Февралем же, наоборот — сразу скентовались. Наверное, из-за того, что этот парень по духу близок был. Спокойный, неболтливый, надежный. С таким хорошо и дружить и воевать. А теперь — все... Теперь Богдан только в памяти останется. Обидно...

И еще очень обидно, что подставился он исключительно из-за нашей нищеты. Блин, вот и не верь в предчувствия. Ведь не зря именно Савельев сожалел об отсутствии у нас СЗГ.³⁰ Была бы хоть одна такая граната, Февраль остался бы жив. А что? Кинул такую штуку в машину и всё — несколько сравнительно безопасных секунд у тебя есть. А так ему пришлось надеяться только на испуг гражданских, едущих в «Лендровере». Мне, пока шли, Чиж обрисовал, как дело было. Если вкратце — БРДМ и «Шишигу» вывели из игры практически сразу. «Бардак» наглухо, а из горящего, прошитого пулями и осколками мин «ГАЗ-66», успела вывалиться пара особо живучих наемников, которых почти тут же накрыли «Шмелем». Но это «почти», как выяснилось позже, сыграло свою роль.

Ванька же тем временем, выполняя свою задачу и ни на что не отвлекаясь, просто успокоил парочку, сидящую на переднем сиденье «ленда». Расстрелял их, справедливо рассудив, что важные шишки располагаются сзади, а спереди находится лишь обслуга, в виде шофера и охранника. Выполнив основную работу, Чиж продолжал шмалять по машине, нагоняя панику на оставшихся в живых и не давая им ни открыть дверь, ни поднять голову. Стрелял, ожидая, когда группа захвата, состоящая из Ивлева и Савельева, сделает свое дело. И очень удивился, когда увидел, что к джипу бежит один Богдан.

А когда Февраль почти вплотную приблизился к продырявленному «Лендроверу», из разбитого окна машины вылетела граната, рванувшая почти сразу, даже не успев коснуться земли. Следом в распахнутую дверь выкатился один из пассажиров, который начал в упор расстреливать посеченного осколками и оглушенного бойца. Нет, Иван его подловил, как только вражина высунулся, но тот, несмотря на попадание тяжелой пули в бок, успел сделать свои роковые выстрелы. Ну а второй тем временем выскользнул с другой стороны джипа и сразу рванул вверх по склону. Чиж это заметил секунд пять спустя, занятый устранением основной опасности. А когда заметил, стало уже поздно — бегущий очень удачно прикрывался деревьями. Тогда Востриков предупредил меня и, крайне обеспокоенный молчанием командира, вызвал Цыгана. Вот тогда-то они и нашли раненного в голову Генку, которого, похоже, успел зацепить кто-то из выскочивших из грузовика наемников. После чего ребята, забрав из машины чемоданчик и подхватив тела товарищей, двинули в сторону от дороги.

Послушав Ванькин рассказ, я только крикнул. Да уж, невезуха! Ведь командира подстрелили чисто случайно. Как говорится — шальной пулей. В том громидоре, что ребята устроили на дороге, наемникам было не до прицельных очередей. А вот надо же как хреново получилось... И после этого все пошло наперекосяк. Нет, задание мы выполнили, только какой ценой? Эх, мля!

Коротко ругнувшись, я сплюнул и какое-то время шел, размышляя о превратностях судьбы. Но потом мысли съехали на пленного. Кстати, очень интересного пленного. Судя по рассказу Чижа, можно было сделать предварительный вывод, что мой «язык» именно тот, кто нам нужен. Ведь его сосед на смерть шел, давая возможность ускользнуть этому многоименному козлу. Так поступают и вояки, и спецы — пожертвовать собой, чтобы спасти командира, или человека, обладающего ценными сведениями. Но подтвердить эти умозаключения у нас получилось чуть позже...

А началось с того, что когда мы уже подходили к «уазику», я услышал далекий шум вертолетных винтов. Сначала не обратил на это особого внимания. Мало ли по каким делам вертушка следует? Явно не нас ищет, так как облачность низкая и разглядеть что-либо на земле — просто невозможно. Но потом звук раздался еще раз. И доносился он то слева, то

³⁰ Светозвуковая граната.

справа, тихим эхом отражаясь от стен ущелья. Какое-то время я прислушивался, перебирая варианты того, что это могло значить. И чем больше прислушивался, тем больше меня эта «шайтан-арба» напрягала. Блин, и чего она тут крутится? Не пролетает мимо, а именно круги наворачивает. Ведь даже если на вертолете стоит тепловизор, то нас, один черт, не обнаружить. Во-первых, из-за погоды, а во-вторых, мы все, включая пленного, накинули на себя плащ-накидки из материала, гасящего тепловое излучение. Только ведь этот гад не улетает...

И когда еле слышный гул раздался в третий раз, не выдержал:

— Федька, чует мое сердце, эта хреновина по наши души прибыла.

Цыган, держась за ручки носилок и сосредоточенно глядя себе под ноги, не оборачиваясь, пробурчал:

— Ну дык... Было бы странно, случись наоборот. Мы ведь конвой накрыли. И не просто конвой, а тот, который сопровождал людей из ЦРУ. Так что они теперь носом землю рыть начнут. Вон, даже вертушку подняли для прочесывания, хотя любому дураку ясно, что по такой погоде это совершенно бесполезно. Нехай летают, не обращай внимания.

Но я, приученный в своем мире к пакостным достижениям цивилизации, попытался объяснить свои опасения:

— Ты не понял. Мне кажется, вертолет ходит кругами, имея нас в центре этого круга. Сам прикинь, по звуку. Это — первое. Второе: «тепляком» нас не обнаружить. Визуально — тоже. Да и летит этот паразит высоко. Но что же он не где-то в стороне крутится, а вокруг нас? Причем уже минут пять. Такое впечатление, что видит...

Ступка, перехватывая ручки носилок поудобнее, съязвил:

— Какой ты, однако, впечатлительный... Ну как он нас может видеть?

Я обозлился:

— Каком кверху! Но если крутится и не улетает, значит — засек. А как... — Какое-то время помолчав, формулируя мысль, продолжил: — Думаю, вертушка наводится на сигнал передатчика. И нечего фыркать! Ты сам прикинь — с нами пленный и чемоданчик. По поводу пленного — из коммуникатора американца я сразу аккумулятор вытащил, и по нему они наводиться не могут. То, что на человека будут вешать маячок, это тоже вряд ли. Но вот в чемодан с документами его вполне могли положить.

После чего, оценивающе поглядев на солидный, отливающий серебристым металлом кейс, снабженный кодовыми замками, продолжил:

— А могли и не класть. Может быть, эту штуковину, вообще, на заводе-изготовителе маячком снабжают. Это ведь тебе не китайский баул, а вещь, специально заточенная для переноски ценностей...

Цыган секунд тридцать шел, обдумывая мои слова, а потом, решительно скомандовав привал, раздраженно занялся чемоданчиком. Точнее, сначала мы оглядели Ивлева, который с момента ранения так ни разу и не приходил в сознание, а лишь после этого принялись ковырять кейс. Сразу ничего не вышло, так как замок оказался крепким, а кода мы не знали. Пришлось звать американца, который двигался в авангарде, привязанный веревкой к Чижу. И когда он, направляемый Ванькиным пинком, приблизился, я обратил внимание на залитую слезами грязную физиономию «языка». Внутренне подивившись хлипкости противника, который боится нас чуть не до рыданий, затребовал у него комбинацию цифр. На что тот, хлюпая носом, ответил:

— Она мне неизвестна.

Для игр времени не было, поэтому, вытащив нож, буднично его предупредил:

— Сейчас, сука, я тебе пальцы начну обстругивать, и ты сразу все вспомнишь!

Пленный, видя, что с ним вовсе не шутят, приглушенно завизжал:

— Но я действительно не знаю! Его закрывал Роберт! А я не знаю, не знаю!

— Какой еще Роберт?

— Который остался меня защищать и которого вы убили!!! Ы-ы-ы!!!!

Истерика началась так внезапно, что я даже замешкался с затыкающим ее ударом. Тут

еще не знающий языка Федька заинтересовался, с чего это амер так завывать начал. Пришлось объяснять. Цыган, почесав подбородок, вынес вердикт:

— Брешет! Чтобы старший не знал кода, этого просто не может быть. Ничего, я им сам займусь, и он у меня моментом расколется...

Но пленный, глядя расширенными глазами на поднимающегося Цыгана, неожиданно для всех с сильным акцентом заговорил по-русски:

— Ньет! Почьему старьший? Я не старьший! Я помочник Роберт! Май нейм Майкл Пирк. Мы с Роберт Халлер из директорат снабжения. Он агент, а я стажьер.

— Ты лучше заткнись! Сказки он тут будет рассказывать, как агент стажера прикрывал!

«Язык» на эту тираду лишь всхлипнул:

— Он меня спасти, потому что любьбил! Мы хотел делать семья! Когда вернемся из Раши... Потому спасти! Тепрь я один... Ы-ы... и код не знай... Ы-ы-ы...

Федька, опешив, какое-то время смотрел на кривившего рот в плаче «языка», а потом, ошарашенно глядя на меня, подытожил:

— Мля, да это же, оказывается, пидор! Самый натуральный! Ё-моё! А мы-то думали, что главного взяли! Твою мать! И вот из-за ЭТОГО, — Цыган аж захлебнулся в своем возмущении и, не находя эпитетов, продолжил: — Богдан погиб и командир ранен?! И теперь эта мразь тут еще рыдает, как баба!

Американский «боевой педераст», действительно, был весьма натурален в своем плаче. Только я ему не очень-то верил. Не верил, хотя и знал, что секс-меньшинствам, которые за океаном уверенно превращаются в большинство — зеленый свет везде. В том числе и в армии и в спецслужбах. Но основы неверия зиждились на трех пунктах: первый — слишком уж этот пиндос хладнокровно вел себя в тот момент, когда я ему очередью под ноги саданул. Да и от снайпера тоже лихо оторвался. Поэтому нынешняя истерика ну никак не вязалась с прежним поведением. Может, он просто морально сломался, пока шел? Может быть... Только тут в дело вступал второй пункт: допустим, что этот в попу балующийся индивид нашел себе коллегу по интересам, и они, собираясь составить дружную североамериканскую семью, работали вместе в одной конторе. Угу, работать могли. Но не на одном задании! Это у них категорически запрещено внутренними инструкциями. Правда, так дела обстоят в моем мире, но я сомневаюсь, что здесь по-другому. И третье — слезы. Если бы он плакал давно, то на его заляпанной грязью морде слезы прочертили бы видимые дорожки. Но их не было. А это значит, что он начал выдавливать из себя слезу, когда услышал наш с Федькой разговор относительно вертолета. Ну да, пленный ведь шел впереди, шагах в десяти, а мы особенно голос не понижали...

Это, конечно, все домыслы, но по-любому экстренного потрошения ему не избежать, так как заходящая на четвертый круг вертушка ввергала меня в сильную панику. Тем более что есть один способ, о котором, в свое время, нам, солидным двадцатилетним третьюкурсникам, поведал куратор. Быстрый, бескровный, вовсе не членовредительный, но пробирающий допрашиваемого до самых печенок.

Поэтому, отодвинув плечом злующего Ступку, я встал напротив Пирка, снял перчатку, достал сигарету, закурил, а когда огонек разгорелся, жестко ухватил американца за волосы и прошипел прямо в морду:

— Код?!

— Я не зна... А-а-а! А-а-а! Факин булл шит! У-у-у! Ык!

Ух ты, какая бурная реакция! А ведь всего-то — ткнул ему зажженной сигаретой в глаз. «Язык» сразу так скакать начал, что пришлось добавить под дых и призвать на помощь растерявшихся от подобного действия мужиков. Те его, конечно, зафиксировали, но вот морды у ребят стали обалдевшие. Ну еще бы — спокойный и улыбчивый Волк неожиданно для всех оказался скрытым садистом. Ничего, я им позже объясню фокус этого трюка. Тем более он совсем несложен и основан чисто на рефлексах. Тыкать надо неожиданно и быстро, чтобы допрашиваемый и сообразить ничего не успел. Но при этом глаз все равно

самопроизвольно закрывается быстрее, чем в него попадает сигарета. Поэтому прижигается только веко. Боль при этом очень сильная, а так как руки связаны за спиной, то проверить состояние поврежденного органа не получается, и складывается полное впечатление, что глазу хана. Человеку можно ломать пальцы, кромсать уши, даже нос отрезать, но это просто ничто, по сравнению с тем, что я сделал. Мысль о неожиданной потере столь важного органа убивает допрашиваемого напрочь, и в этот момент раскалываются даже самые стойкие. Точнее говоря, не в этот, а в тот, который последует сейчас...

Пользуясь тем, что пленный не может дергаться, я опять ухватил его за волосы и, приготовив табачное орудие пытки, коротко поинтересовался:

— Код?

Временно потерявший бинокулярное зрение американец крепко зажмурился, а когда я пальцами начал раздвигать ему неповрежденное веко, завопил:

— Левый — пять, пять, три, один, пять! Правый — четыре, шесть, восемь, один, один!

Вот и все — клиент готов. Теперь ближайшие пять-семь минут его можно трясти на любую тему. Ничего не утаит. Одна незадача — я просто не знаю, о чем еще спрашивать.

Поэтому, ухмыльнувшись и похлопав пленного по щеке, сказал:

— Молодец. А то — «не знаю», «он меня любил», «стажер»... Тоже мне — Моника Левински...

После чего занялся чемоданом. Точнее, развязав пленному руки, заставил его самому набрать код и открыть крышку. При этом сам встал метрах в пяти и ребятам посоветовал отойти подальше. У меня не паранойя, просто я как-то имел возможность видеть наш отечественный переносной спецсейф. Там, к слову сказать, помимо маячка стоял приемопередатчик, по которому дистанционно можно было включить сигнал тревоги. И после этого включения инициализируется масса встроенных гадостей, начиная от слезогонки и заканчивая термитной шашкой или взрывчаткой. Этот кейс, правда, поменьше и гораздо легче, но береженого бог бережет.

К моей радости, ничего сверхъестественного при откидывании крышки не произошло и, отпихнув американца в сторону, я сунул нос внутрь.

Так, что у нас тут — три папки и ноутбук. Папки протянул подошедшему Ступке, а сам, с победным видом ткнул в прикрытую подпружиненной плексовой крышечкой кнопку, находящуюся изнутри, на задней стенке чемоданчика:

— Федь, гляди. Надеюсь, ты не думаешь, что кнопочка просто для красоты?

Цыган глянул, понятиливо кивнул, коротко матюгнулся и спросил:

— А чего это ты с ножом к ноутбуку пристраиваешься? Курочить-то зачем? Даже если в него тоже что-то встроено, просто вынь батарею и все...

Я по-еврейски ответил вопросом на вопрос:

— Ты в этом уверен? Зря!

И, уже выламывая лючок, прикрывающий жесткий диск, добавил:

— Просто бывают ноуты с дополнительным автономным питанием. И соответственно — с передатчиком. Внешне — комп как комп, но внутри может быть все, что угодно. А нам этого вовсе не на-а-адо... Ну вот, готово!

Продemonстрировав свежее извлеченный носитель информации, я подмигнул Федьке. Тот задумчиво поскреб щеку и протянул:

— Блин, чем больше тебя узнаю, тем больше поражаюсь...

Я хмыкнул:

— Не поверишь, сам с себя иногда фигею! Но это все лирика, а сейчас валить надо отсюда побыстрее. Вроде передохнули, так что давай — впрягайся...

Напарник спорить не стал и, ухватившись за ручки носилок, мы шустро порысили дальше. Шли, сберегая дыхание, лишь в самом начале идущий впереди с «языком» Чиж, спросил:

— А кто такая Моника Левински?

От этого простого вопроса я чуть было не споткнулся. Вот зараза! Клинтона тут не

было и, соответственно, известной всему миру минетчицы — тоже. Черт меня за язык дернул... Но отвечать надо, поэтому сплюнув в сторону, сказал как можно беззаботнее:

— Да я как-то порнушку смотрел, в которой была стажерка-полицейская с таким именем. Там стажер, тут стажер, вот и вспомнил...

Ванька хрюкнул и больше вопросов не задавал.

А еще минут через двадцать, проскочив по ущелью и перевалив небольшой хребет, мы полностью перестали слышать гудение вертолета. С одной стороны, это, конечно, сильно утешало. Но вот с другой... От следящей вертушки мы ушли, только опасаясь, что противник один хрен узнал общее направление нашего движения. По-хорошему надо плюнуть на замаскированный «уазик», до которого осталось минут десять ходу, забыть про комфортное возвращение и, резко изменив маршрут, уходить козьими тропами. Но бессознательный Ивлев на руках ставил большой и жирный крест на всех мерах предосторожности. Если мы сейчас, минуя дорогу (и вполне возможные кордоны на ней), двинем пехом за водораздел, то до базы доберемся, только вот Генку живым не донесем. Мужики это тоже понимали, поэтому, меняя друг друга на носилках, перли со всей возможной скоростью, рассчитывая добраться до машины быстрее, чем власти перекроют все места, где может проехать наш вездеход. Хотя, если трезво глядеть на вещи, насчет «всех мест», это тоже сильно сказано. Трассу они блокировать еще сумеют, а второстепенные дороги и проселки — вряд ли. Просто времени не хватит. Ведь с момента нападения на колонну прошло менее полутора часов. Даже если тревога поднялась буквально сразу в момент атаки, то пока пройдет приказ, пока обозначат точки блоков, пока до них доедут... Была бы погода лётная, совсем другое дело, но автотранспортом точно не должны успеть.

В своих предположениях я оказался прав, поэтому и до УАЗа добрались, и до нашего хутора доехали без приключений. Но когда доехали, выяснилось, что спешили и рисковали зря. Ивлев умер... Когда это произошло, я даже не заметил, так как в подпрыгивающей машине было не до шупанья пульса. Тут раненого бы удержать. А как только вездеход остановился под навесом, я наклонился к командиру, чтобы подхватить его с лавки, увидел полуоткрытые глаза Геннадия и все понял. Поэтому когда сидящий напротив и охраняющий «языка» Чиж вопросительно поднял брови, я лишь махнул рукой и стянул с головы шапку.

Да, вот тебе и взяли пленного... Двое из группы — двухсотые. Но остальным надо жить и выполнять задание до конца. У нас ведь еще америкос на руках и, пока его не сдадим, расслабляться нельзя. Угу — нельзя. Только вот сразу куда-то «стажера» везти тоже не получится. Надо подождать, пока шумиха утихнет. То есть дня три-четыре. А пока сделать доклад о наличии «языка» с документами и затихариться.

Глава 7

Но все оказалось еще проще. Нам даже никуда ехать не пришлось. Цыган, пользуясь командирским коммуникатором, связался с начальством, и оно, искрясь энтузиазмом, приказало оставаться на месте. Дескать — само появится. И появилось...

К обеду второго дня, подвывая мотором, плюясь выхлопом и проскальзывая колесами по подтаявшей глинисто-снежной жиже, к хутору подкатил размалеванный камуфляжем «Садко»³¹ с армейскими номерами.

Я, честно говоря, при виде машины струхнул. Нет, документы у нас в порядке, «легенды» расписаны, пленный надежно заныкан в тайнике, оружие и снаряжение тоже спрятано, только фиг его знает, чего от вояк можно ожидать в данной ситуации. Но, увидев через окно, кто выбрался из кабины, удивленно хмыкнул и, повернувшись к стоящим рядом парням, сказал:

— С ума сойти, какие люди пожаловали. А главное — в каком виде!

³¹ Грузовой полноприводный автомобиль повышенной проходимости ГАЗ 3308.

Гости действительно были неожиданные. Я-то думал, что прибудет группа, специально заточенная для таких дел. Но узреть самого командира регионального отряда вовсе не ожидал. Тем более в таком обличье. Еремин был весь из себя в новеньком, но уже обмятом камуфляже, нашивках, портупях и нагрудном погоне-хлястике с майорской звездочкой. Его неизменный спутник Васька Шмелев так же был одет строго по уставу. В такой же камуфле и нашивках (несколько более обшарпанных, чем у «майора»), только погон был сержантский, и, вместо пистолета на поясе, он имел автомат за плечом. Вот ведь затейники! Месяц назад, когда Василий один приезжал, одет он был вполне по гражданке, без всяких милитаристических изысков. А сейчас — куда бы деться!

Пока приехавшие топтались возле машины, мы все вывалились их встречать. Заодно и собак прибрать, чтобы оживившиеся при виде грузовика четвероногие сторожа не вцепились в задницу высокому начальству. Еремин, дождавшись, пока волкодавов распинают по будкам, расслабился и, уступая приглашению хозяев, согласился сначала поесть, а потом уже заняться делами. За столом о нашей операции не говорили. Только помянули павших, а в остальном разговор крутился вокруг свежепривезенных мужиками новостей. Наиболее значимых из них было две. Первая касалась очередной выходки боевиков из Шамхальского эмирата. Горцам, видно, поднадоело обирать нищих, но зубастых казаков с калмыками, поэтому, устроив морской вояж, абреки высадились в Туркменистане. Высадились, совершили скрытый рейд и, перебив охрану, свистнули целый табун элитных лошадей. После чего, загрузив непарнокопытных на свою плавучую лайбу, растворились в туманных просторах Каспия. Туркменский шах, охренев от подобного авангардизма, показательно казнил остатки не оправдавшей доверия охраны и торжественно поклялся покарать воров. Так что сложившийся расклад сил на Кавказе теперь может быть несколько нарушен появлением ашхабадского спецназа из личной сотни правителя...

А второй новостью было введение на территории страны какой-то ювенальной юстиции. Я сначала даже не врубился, что это такое, но потом, слушая разговор, понял. Оказывается, здешнее правительство, в своей непрестанной заботе о гражданах, выделило детей в особую категорию и ввело новую систему контроля над ребятишками. С одной стороны, вроде как все правильно — эти «ювеналисты», занимаются профилактикой детской преступности, осуществляют социальную защиту семьи и следят за правами ребенка. На первый взгляд — весьма благое дело. Но в то, что здешние демократы будут делать хоть что-то для людей, я не верил категорически и бесповоротно. Насмотрелся уже, знаете ли, на их «добрую волю». Если родителей хотят угробить побыстрее, то о каких детях может вообще идти разговор? Значит, во всем этом есть второе дно. И когда попросил разъяснений у Еремина, то, услышав ответ, лишь зубами скрипнул. Ну сволочи, что придумали. Да насколько лихо!

А правительственная идея оказалась проста как три копейки — у тех семей, кто не может осуществлять за своими детьми «надлежащий уход», этих самых детей забирать в детские дома. Под «надлежащим уходом» подразумевалось множество разных вещей, включающих в себя вовремя оплаченный ежегодный медицинский осмотр, приличное питание, хорошую одежду, нормальный кров, отдельную комнату и прочее, прочее, прочее. Нехило, да? То есть: народ зимой вымерзает, жрет что попало, без работы мается, а тут такое...

Самое смешное, что в детских домах ничего требуемого тоже нет. Да и самих детдомов почти нет, невзирая на сотни тысяч беспризорников по всей стране, которые «ювеналистов», к слову, никак не заинтересовали. Их интересуют лишь те, кто находится в семьях. Вот и возникает вопрос — почему? Конечно, можно было бы предположить, что ожидается просто крупный попил бюджетных бабок, выделенных на подобные цели. Ну это неудивительно и вроде как даже в порядке вещей. Только ведь несколько сотен акций отбора детей (показательно, с освещением во всех средствах массовой информации) они по-любому должны провести. Ну чисто для отчета. И это значит, что у нескольких сотен ребятишек, из-за того, что упитанные дяди захотели стать еще упитаннее, жизнь полностью сломается. Да-

а... если папа с мамой, отрывая от себя последнее, как могли о них заботились, то в приютах ни о какой заботе и речи быть не может. Зато какой простор открывается для фантазий! Ведь отобранных детей можно использовать как угодно. Хочешь, за границу продай, под видом усыновления, хочешь, на улицу выпусти как побирушек, а хочешь, делай из них малолетних проституток.

Но это только две, наиболее явные стороны принятого закона. То есть: заработать еще денег и получить в свое владение массу бессловесных, а главное — физически здоровых (или почти здоровых) малолетних рабов. Только это все мелочи, так — лишь бы финансово заинтересовать непосредственных участников и исполнителей. А вот основной повод, он другой... Если учесть, что в здешней «параллели» процентов семьдесят семей, у которых есть несовершеннолетние, вполне попадают под карательную длань «ювеналистов», это означает: практически у любого можно отобрать ребенка. Отобрать на вполне законном основании. И теперь сами можете прикинуть, какой рычаг давления на людей эти козлы придумали! Вот не нравятся тебе политические взгляды человека, зачем что-то изобретать? Достаточно просто пригрозить забрать его отпрысков в приют. Повод-то всегда найдется. А если не испугается угрозы — лишит родительских прав и все. Пусть смутьян сам после этого локти грызет или вешается. И если он сделает властям шикарный подарок: принародно кинется на полицаев, то еще лучше — сядет за сопротивление работникам органов. А то в здешней, «истинно демократической России» иметь слишком много политических заключенных вроде как не комильфо. Но в данном-то случае будет чисто уголовное преступление! М-да... С другой стороны, если демократы перегнут палку, то «колхозники» могут курить бамбук. В том смысле, что народ сам, без их помощи и поддержки, восстание поднимет.

Когда я озвучил эту мысль, Павел Викторович, хмыкнув, сказал, что подпольщики тоже не лаптем щи хлебают и все учитывают. А Таисия Петровна, мать Данилки, присовокупила, что если носители свежеепеченного закона к ним на хутор заявятся, то тут все и останутся. Она их даже стрелять не будет — чести много. Она их в сортире перетопит. Собственноручно.

Глядя на её внушительную фигуру, командир регионального отряда лишь головой покрутил. Видно, представил себе сам процесс. А потом, поднявшись из-за стола, поблагодарил хозяев и двинул в другую часть дома. Там Павел Викторович с Васькой, оккупировав нашу комнату, сначала затребовали пленного и часа на три с ним уединились. После чего американца опять спровадили в тайник и начали по одному вызывать бойцов, для устного опроса. Меня пригласили последним. Войдя, уселся на стул, еще раз кивнул гостям и молча уставился на начальника, в ожидании вопросов, которые не замедлили последовать. Приехавших интересовало все. И как мы выдвигались к намеченному месту, и какова была схема засады, и что я слышал, и что видел, и как действовал. То есть все стандартные вопросы, задаваемые вернувшимся с задания разведчикам. Прямо как у нас. Единственно что, рапорта мы не писали, а так — то же самое. Под конец Павел Викторович, закулив и угощающе подтолкнув мне свою пачку, поинтересовался:

— А как тебе первый бой вообще? Ну по внутренним ощущениям?

Ощущения у меня были ого-го, поэтому выпалил, не задумываясь:

— Не очень... Совсем не очень. Понятно что, скорее всего, дело было срочным, но посылать пятерых бойцов против отделения с бронетехникой, да еще и требовать взятия пленных, это как-то чересчур...

Еремин выдвинул челюсть:

— А ты чего хотел? Тут война! И действуем мы исходя из тех сил, которые есть в наличии!

Но потом, пару раз раздраженно пыхнув сигаретой, опять сменил тон:

— В вашем случае просто выхода иного не было. Существовала крайняя необходимость получения тех сведений. Крайняя! Полноценные группы не успевали, поэтому пришлось задействовать вас... Задействовать, надеясь лишь на выучку бойцов да

профессионализм капитана Ивлева. И знай, что ребята погибли не зря! Ох как не зря! Этот американец оказался гораздо ценнее всего того, что мы рассчитывали захватить.

— Но как же диск? Его же еще не вскрыли...

— Диск — само собой. А вот беседы с первым заместителем директората технических служб для нас сейчас поинтереснее будут...

Тут Павел Викторович слегка осекся, видно спохватившись, что ненароком выдал высокую должность амера, а потом, прихлопнув рукой по столу, словно бы отделяя лирику от дела, внимательно посмотрел на меня и, меняя тему, задал следующий вопрос:

— Ты, Сергей, мне другое скажи. Откуда у тебя такая прыть в допросе пленных взялась? Ведь вроде опыта никакого не было? А тут — ткнул человеку сигаретой в глаз и никаких эмоций... Мне доложили, что на тебя в тот момент смотреть страшно было. Голос спокойный, руки не дрожат, даже говорил с какой-то ленцией. Как будто всю жизнь людей в полевых условиях колол. И в итоге — вытряс из «языка» нужные сведения, да дальше побежал как ни в чем не бывало. Или этому тоже в стрелковом кружке Дома офицеров учат?

Я отрицательно мотнул головой:

— Скажете тоже... Как допрашивать пленного и как себя при этом вести меня в армии учили. Немного, правда. А в основном здесь уже наблатыкали. Ивлев нас сам гонял. Чисто теоретически, но как видите — хватило. Цыган с Чижом, кстати, вместе со мной на тех занятиях присутствовали, и чего их мое поведение напрягло, я так и не понял...

— Это не их напрягло, а американца. Мужики как раз сказали, что ты вел себя нормально. Единственно, удивились способу добычи информации. Такому Геннадий не учил.

— А, это? Действительно не учил. Про трюк с сигаретой мне сменщик рассказал, когда я на гражданке в кочегарке работал. Он, как подохнет, много чего интересного рассказывал. Степан-то старше меня лет на двадцать был и до развала Союза в ментовке служил. Вот и делился жизненным опытом. И насчет сигареты в том числе. А что? Я опять повел себя слишком резко, поэтому вы считаете, что меня к вам БОГС заслал?

Еремин переглянулся с Васькой и, усмехнувшись, сказал:

— Ну на Азефа ты не похож. Да и БОГС, я так думаю, за подобную самостоятельность господ из ЦРУ раком бы нагнули. В полном составе. Не та фигура Алекс Керри, чтобы быть разменной пешкой в игре третьесортной спецслужбы. Совсем не та! — И после небольшой паузы: — Так что про Бюро можешь забыть. Просто меня сам метод допроса заинтересовал. А когда ты про того отставника упомянул, все встало на свои места. Ну а про чемоданчик как догадался?

— Да чего тут догадываться? Туман, снег и вертушка не улетает, хотя наблюдать нас не может. Остается одно — маячок. В разных фильмах его и в кейсы, и в компы, и даже в часы запихивали. Ну с часами это, конечно, перебор, а вот от чемодана надо было избавляться. Ну и от ноутбука заодно... И, разрешите вопрос? А кто такой Азеф?

Павел Викторович, слушая меня, понимающе кивал, а на вопрос фыркнул:

— Вот ведь молодежь пошла! Великие вехи забывает... Евно Фишелевич Азеф был одним из самых грандиозных провокаторов. Этот человек одновременно являлся руководителем боевой организации партии эсеров и агентом Охранного отделения Департамента полиции МВД Российской империи. Чтобы тебе было понятнее, это равносильно тому, если бы президент США работал на КГБ.

Я задумчиво почесал затылок:

— Угу... То есть именно из-за высокопоставленности пленного у вас отпали последние сомнения относительно моей принадлежности к БОГС?

— Эк ты загнул. Но можешь считать, что все именно так.

— А если это просто случайность? Если я просто не знал, что это такая большая шишка. Поэтому и не отпустил сразу?

Высокое начальство скорбно закатило глаза и поинтересовалось:

— Слушай, чего ты вообще сейчас добиваешься? — Но потом снизошло до

объяснений: — Алекс Керри в Россию приезжал уже несколько раз. Читал лекции в академии Бюро. Присутствовал на торжественном вечере первого выпуска. Я уже не говорю, что сотрудники БОГСа плотно контактируют со своими «старшими братьями» из-за океана, и поэтому не слышать фамилии Керри мог лишь человек, далекий от этой организации. Удовлетворен объяснением?

Я воодушевленно ответил:

— Еще как! Значит — проверки закончились, казарменный режим, связанный с ними, тоже закончен и можно ходить в увольнения? А то уже больше двух месяцев здесь торчу, как бобик, света божьего не видя. Хуже, чем в учебке...

Еремин на эту тираду недовольно поморщился:

— И куда ты собрался?

— Во-первых, брата надо навестить. Может, он от своего денатурата уже помер, а я ничего не знаю... Ну и второе — в Калаянскую съездить.

— В Калаянскую-то зачем? А-а-а, ну да! У тебя же там подруга.

Тут сидящий рядом Шмелев хлопнул себя по лбу и, достав из кармана конверт, протянул его со словами:

— Извини, сразу как-то забыл передать.

Ухватив конверт (опять распечатанный!), я смерил уничижительным взглядом Ваську и радостно пробурчал:

— За такую забывчивость ноги надо выдергивать! — После чего, опять обращаясь к командиру: — Ну так как? Или мне здесь до полной победы сидеть, безвылазно?

Тот махнул рукой:

— Ладно, через две недели можешь навестить родных и близких. Четыре дня тебе на это дам. Все равно, пока группу не доукомплектуем, вас никуда задействовать не станем.

— Понял. Спасибо! Разрешите идти?

— Иди. И Ступку к нам позови.

Я кивнул, позвал Цыгана и пошел читать письмо от Насти, попутно обдумывая, почему Еремин отпускает меня только через две недели. Понятно, что прямо сейчас, пока важный пленный находится на хуторе, никто никого никуда непустит. Но почему именно через четырнадцать дней? Тем более что сами они собираются отваливать завтра и, насколько я понял, американца с собой не повезут.

Обдумывание ни к чему ни привело, но этот вопрос разрешился сам собой. То есть Еремин со Шмелевым действительно уехали на следующий день. Уехали «пустыми». Только жесткий диск да папки с документами с собой взяли. Глядя вслед их вездеходу, я поинтересовался у Федьки:

— Слушай, мне еще понятно, почему «языка» с собой не прихватили — по всей области полиция и БОГС землю роют в его поисках. Но вот для чего они в форме рассекают? Ясно, что МВД вряд ли станет тормозить армейцев. Хотя это не исключено. Только ведь на блоках и военные стоят...

Цыган ответил вопросом на вопрос:

— Ты их шевроны видел?

— Видел. Оскаленная собачья морда. То есть, типа, из бригады «Волкодавов». И что?

— А то, что у этой бригады специального назначения весьма своеобразная репутация. Поэтому они хоть и базируются километров на сто восточнее, но здешняя полиция их как огня боится. Касательно военных: у мужиков документы в полном порядке и вообще — все схвачено. А в форме приехали потому, что рассчитывали пленного сразу с собой увезти. Но вследствие его особой важности, решено «языка» вывозить позже и другим путем.

— А-а-а...

Сделав умное лицо, я прекратил расспросы, с интересом ожидая дня, когда увижу, кто же приедет за американцем. И дождался. Дней через десять, когда накал проверок на дорогах уже сильно ослаб, на хутор зарулил обшарпанный и старый, словно экскремент мамонта,

«рафик».³²

За рулем сидел водитель самой кавказской наружности (как потом выяснилось — осетин, по имени Бесагур), а рядом с ним щерился бессменный разъездной — Васька Шмелев. Именно он вколол одуревшему от сидения в подполе америкосу какой-то укол и, пока пленный еще мог шевелиться, утрамбовал его в тайник, хитро сделанный в микроавтобусе. После чего все свободное пространство салона загрузили мешками с картошкой.

Я, оценив размеры тайника и представив себя на месте Керри, передернув плечами, спросил у Шмелева:

— А этот гаврик живым доедет? Не задохнется? Вы же его как коврик скатали...

Помощник Еремина беспечно махнул рукой:

— Куда он денется! И не таких возили!

— Ну тебе виднее. Кстати, Вась, ты мне, случаем, письмишка не привез?

Шмелев, садясь в машину, хохотнул:

— Я с тобой чувствую себя каким-то Боярским. Прямо: «станьте голубем почты моей, не найдете вы крыльев верней!» Но, в этот раз — ничего. Да и зачем тебе письмо? Сам через три дня ее увидишь!

Разочарованно крикнув, я почесал щетинистый подбородок:

— Да оно поня-я-ятно... — и видя, что «рафик» тронулся, завопил: — Стой, куда поехал? Ты мне вот что — накидай план, где она живет. А то Калаянская станица большая, и улицу Буковского я там долго искать буду.

Шмелев вздохнул, но требуемое выполнил. И показав, как мне лучше идти, отдал листок со словами:

— Держи, Ромео!

Стоявшие рядом Цыган и Чиж заржали, а я, зная, насколько быстро прилипают подобные клички, мстительно ответил:

— Лети, лети, «голубь почты моей»!

Васька насчет кличек тоже был в курсе, поэтому, дернув щекой, в пререкания вступать не стал а, коротко послав меня в жопу, кивнул Бесагуру, дескать, поехали!

* * *

Дни до отъезда тянулись невообразимо медленно. И были полны метаниями выбора. В том смысле, что у меня на все про все только четыре дня, а попасть нужно в два места. Да уж, если еще полтора месяца назад я бы особо не раздумывал, с чего начать, то после писем от Брусникиной во мне бурлили гормоны вперемешку с чувствами, которые настойчиво требовали незамедлительного свидания с Настей. Все бы было хорошо, но имелись сильные опасения, что при виде складненькой Настены у меня опять слетит крыша, и все дни я проведу у неё. А это может выйти конкретным боком, так как неизвестно, когда снова выпадет возможность подать весточку Профессору. В конце концов, уже перед самым отъездом пришел к внутреннему консенсусу. День у Сосновского и три дня с Настей вполне спасут гиганта мысли. Причем начинать надо именно с Игоря Михайловича. Так сказать, во избежание...

И вот я, получив от Цыгана деньги на мелкие и не очень расходы, катил в нашем УАЗе в сторону Ставрополя. За рулем находился хозяин хутора — Михаил Остапович, а в салоне, помимо радостно подпрыгивающего Данилки, лежали несколько мешков с колбасами и сырами, три свиные туши, да жалобно блеял в предчувствии скорой кончины молодой барашек. Хрюнделей и колбасу Остапыч собирался продать на рынке, а баран являлся

³² РАФ-2203 «Латвия» — микроавтобус, выпускавшийся Рижской автобусной фабрикой (точнее её филиалом, находящемся в городе Елгава).

отличнейшей взяткой ненасытным стражам порядка. От дорожных палкомахателей и деньгами можно откупиться, а вот в самом Ставрополе бяшка очень даже в тему придется. Там полицаи голодные и беспредельные, поэтому приезжающих фермеров дерут как липку, цепляясь к каждой мелочи. Да плюс еще бандиты, держащие рынки... Но с бандосами договориться гораздо проще.

Вспомнив про братков, я ухмыльнулся недавно узнанной новости. Просто, когда деньги у Федьки получал, что-то вдруг разговор зашел о финансировании подполья. Цыган общей картины, конечно, не знал, но и сказанного хватило, чтобы я офигел. Действительно — все на свете повторяется! Но если в позапрошлом веке товарищ Сталин, для того чтобы добыть денег на р-р-революционную борьбу, лично ходил на «эксы», то сейчас все делается гораздо проще. Никто из «смирновцев» не врывается в банк и не палит в потолок из пулемета, требуя налички в немеченых купюрах. Это пошло, бесперспективно и достойно лишь психопатических одиночек. Нет, просто часть боевых подразделений подполья, маскируясь под организованные преступные группировки, «крышует» эти самые банки. Да что там банки! Как предположил Ступка, часть доходов Российской Газонефтяной корпорации хитрыми путями тоже попадает в кассу «колхозников».

В общем, в этой войне Россия, как обычно, надеется лишь сама на себя. Поэтому выкручиваемся, насколько можем. И в отличие от «чехов», снабжаемых в моем мире жирненькими арабскими спонсорами, нет у нас твердой таксы ни за подрывы, ни за теракты, ни за массовые провокации. Тут народ за идею воюет. Кормят, одевают, обувают, снабжают оружием — чего еще надо? Остальное идет на поддержку семей живых и погибших подпольщиков, или (как в моем случае) человеку, отпущенному в увольнение. Ну и конечно — трофеи никто не отменял. Было принято, что разные материальные ценности, полученные во время операций, остаются в группе и распределяются между бойцами. Кстати, восемь тысяч долларов, снятых с моего высокопоставленного американца, с общего согласия были переданы вдове Ивлева. Такое в «Вымпеле» было правило. Ведь выплаты со стороны руководства это одно, а лично навестить родственников и оказать им посильную помощь — совершенно другое. Поэтому, послезавтра Ступка, как старый знакомый Геннадия, и поедет выполнять эту нерадостную миссию. А на обратном пути заберет новеньких бойцов, которых уже определили для вливания в нашу группу. Интересно, кто это будет — бывшие вояки, прошедшие все последние конфликты, или пацаны, еще толком не нюхавшие пороха? Ничего, через пять дней узнаю...

Так, под мысли о новом пополнении и под разговоры с Остапычем, мы доехали до Ставрополя. Доехали почти без приключений. Почти — потому что перед Минводами напоролись на отрывку истерии, связанной с недавним нападением на колонну. То есть злющие и не выспавшиеся полицаи остановили наш УАЗ, подвергнув машину с пассажирами глобальному осмотру. Правда, глобализм заключался исключительно в том, что они проверили наши документы и обследовали все мешки, попутно забрав себе несколько кругов сыра. Ну и я слегка по морде схлопотал, когда попробовал возмутиться их действиями. Они ведь вначале барана хотели отобрать. Но, дав мне в ухо, носатые служители фемиды умилили аппетит и быстренько переключились на проезжающую мимо фуру. Лишь влепили смачного пинка напоследок и отпустили «свиней, везущих свиней» следовать дальше.

Потирая отбитый копчик, я, матерясь под нос и представляя, как бы бесподобно эти обезьяны смотрелись в рамке прицела, уселся в машину. А Остапыч, уже трогаясь, укоризненно сказал:

— Оно тебе надо было? Хер бы с тем бараном. А если бы тебя «до выяснения» загребли? Хорошо еще, что они на дальнобойщика отвлеклись...

Я неуступчиво возразил:

— Фиг вам! Отдай мы им все молча, вот тогда сыны гор заинтересовались бы настолько странной покладистостью. А так — все нормально! Начал возбужать, получил по мордасам, и всё прошло штатно. Да и бяшка, — подмигнув хуторянину, я ткнул пальцем в салон, — при нас остался.

Михаил Остапович вздохнул:

— Так-то оно так, но никогда не знаешь, в какую сторону повернет. Вон, был у меня кум в Пскове. Тоже полицаю что-то доказать пытался. Чухонцу. Дык забрали в участок, повесили «нападение при исполнении» и дали семь лет. А через три года извещение о его смерти пришло. Самое обидное, что кум ту падлу и пальцем не тронул, только на словах размерами поборов возмутился...

Собеседник махнул рукой, замолчав, а я понятливо кивнул. Оно ведь как получилось — в центральной и восточной России менты в основном — русаки. На юге — практически все выходцы с Кавказа. А вот на севере... М-да... Там в МВД с удовольствием берут прибалтов, и те, получив второе гражданство, сразу вспоминают своих прадедушек — разных «латышских стрелков». Ну и ведут себя соответственно, не считая «грязное восточное быдло» людьми. А уж как они при этом кичатся своей якобы принадлежностью к Европе! Хотя было бы чем гордиться...

Ведь оказалось, что Прибалтика никому не нужна. Вообще! И если в моем мире их держали как голосистых шавок, легко науськиваемых против России, то здесь страны Балтии оказались вовсе не у дел. Угрозы Западу со стороны Раши нет, поэтому прибалтийские государства даже в НАТО никак не могут попасть, не говоря уже о Евросоюзе. Хотя им периодически что-то обещают, но вот постоянно сроки сдвигаются. А под эти обещания разрушили все местное производство, дабы конкурентов не плодить. Ну как это на Западе принято. Постепенно тамошний народ, ожидавший после обретения независимости невиданного процветания и веривший всем завываниям пришедших к власти националистов, понял, что его тупо развели. Понял и стал роптать, все чаще вспоминая сытое житьё при Советском Союзе. Сами националисты тоже несколько подрастерялись от настолько не джентльменского поведения «европейских братьев». Но пока они соображали, что к чему, все выделенные гранты кончились, заводы окончательно развалились, а их страны, вместо процветания, постиг экономический коллапс. Тогда часть прибалтийских нациков рванула на Запад. Типа реабилитироваться от последствий «советской оккупации», заодно и поклянчить деньгу малую у богатых соседей. Ну это те, кто поумнее да пообразованнее. А наиболее тупые и злобные двинули к нам. Полициями служить. И теперь такая вот картинка получается, когда не поймешь, кого больше опасаться: полицейских или бандитов. Ведь если урка просто ограбит, то в случае с полицией ты еще и сесть можешь на неопределенный срок, лишь потому, что служителю порядка не понравилась твоя «русская морда»...

Под эти невеселые разговоры мы и доехали до Ставрополя, где, попрощавшись с попутчиками, я сел на автобус, идущий в Юрьево. В этот раз добрался без приключений и, выйдя на знакомом с детства автовокзале, двинул к дому тети Маши. А там... В общем, по тяжелому перегарному духу я моментально убедился, что Вовка, он как Ленин — живет всех живых. Различие между ними лишь в том, что сушеный вождь революции лежит тихо и не воняет, а двоюродный брат храпит, пукает и распространяет вокруг себя невообразимое амбре. Сдерживая рвотные порывы, я кое-как растолкал этого алкаша. Минут десять потратил. Зато пришедший в себя Вован меня узнал, пьяно обрадовался и тут же попенял, дескать — чего я его из ведра поливаю? Но потом, зажав вытребованный «сахарок» в грязном кулаке, опять отрубился. А я, с радостью оставив полностью загаженную хату, пошел ловить частника, чтобы продолжить путь.

Спросите — зачем вообще сюда пёрся? Исключительно для алиби. Я ведь точно не знаю, закончили «смирновцы» мою проверку или нет. На слова Еремина надеяться не след, а так, даже если они захотят уточнить: действительно ли новый боец «Вымпела» к брату в Юрьево ездил, то получают подтверждение. Уж мокрое пробуждение и, самое главное, внезапно появившиеся деньги братец не забудет. Да и перед домом я достаточно потусовался, чтобы меня соседи хорошо идентифицировали. Причем настолько хорошо, что сразу двое начали высказывать претензии относительно крайне отрицательного поведения Вовки. Пообещав немедленно заняться перевоспитанием асоциальных родственников, я от жалобщиков кое-как отбрыкался. Ну а чуть позже, «пообщавшись» с братом, незамеченным

свалил в сторону Михеевки.

Заброшенная деревня встретила меня вполне ожидаемой тишиной и совершенно неожиданными изменениями. Там, где когда-то валялись полусгнившие доски, теперь стоял черный, кособокий, но достаточно крепкий сарай, которого здесь раньше точно не было. Так же, как и не менее кособокого сортира, с дверью, но без задней стенки, расположенного метрах в пятидесяти от сарая. При этом туалет и «новостройка» соединялись какой-то странной прогалиной, на первый взгляд, имеющей самое природное происхождение. Но так как еще в декабре никакими постройками тут и не пахло, то и эта прогалина наверняка появилась неспроста. Похоже, кто-то умный, не желая оставлять следов на снегу, так расчистил дорожку, что создавался вид совершенно нерукотворного пейзажа. И, кажется, я догадываюсь, кто этот «кто-то».

До появления портала оставалось еще часа полтора, поэтому, стараясь не нарушать первозданности снежного покрова (попросту говоря, не оставлять следов на оплывшем снегу), занялся исследованием свежестроенных сооружений. Начал с туалета. Выглядел тот совсем настоящим, но, как уже говорилось — без задней стены и с полуобвалившимися досками пола. То есть в здравом уме никто в этот домик гадить не пойдет. А вот дверь у него была интересной. Точнее, косяк двери. С выемкой для установки «турника». В данный момент — пустой. Ковырнув пальцем старые, но крепкие доски, я хмыкнул. Да, правильно Мария про своего мужа говорила: «рукастый мужик». Вон как все здорово сделал. И в маскировке силен! Нет, не зря я его в мой мир перетащил. В том, что сарай и туалет дело рук Ванина, сомнений не было. Сосновскому такое соорудить просто не под силу. Старенький он уже для таких дел. А Лешка, как погляжу, развернулся... Молодец, однако!

После осмотра «хитрого домика» я пошел в сарай. Там смотреть вообще было нечего — щелястый, без двери, с побитым шифером на крыше, он ничем не отличался от тысяч таких же построек, оставшихся в заброшенных деревнях. Зато здесь меньше дуло. Поэтому, присев на стоящий в углу чурбачок, закурил и принялся ждать. Ожидание затянулось. Нет, это я не к тому, что портал открылся позже, чем было договорено, просто к его открытию изрядно задубел. А когда увидел знакомую дымку, ломанулся в нее, как к теплой батарее. Хорошо еще, вспомнил заработанную в свое время шишку и, в последний момент сбавив скорость, вошел в портал медленно и осторожно. И в следующее мгновение оказался в родной «параллели».

Хм, тут тоже произошли кардинальные изменения. Во-первых, не было той жуткой вони, которую синтезировал из какой-то химии Сосновский, отпугивая воров. Во-вторых, не было крохотного предбанника с решеткой. Точнее говоря, предбанник как раз был, но он увеличился метров до трех и заканчивался солидной даже на вид металлической дверью с небольшой амбразурой. И из этой амбразуры на меня весьма неприветливо смотрел толстый набалдашник глушителя. Я опасливо выставил руки перед собой, настороженно интересуясь:

— Э-э... что за шутки?

Глава 8

Но, опережая мои слова, ствол исчез, за дверью лязгнуло, и в распахнутом проеме появилась улыбающаяся во все тридцать два зуба Лешкина физиономия. Бывший дьякон сделал шаг внутрь, а потом, ухватив меня за плечи, счастливо выпалил:

— Ну наконец-то! А мы уже все извелись. Почти три месяца — ни слуху ни духу! Ты куда так надолго пропал?

Ответно хлопая его по спине, я, не сдерживая радости, ответил:

— Сейчас все расскажу. А у вас как дела? Нормально устроились? Проблем нет?

Улыбка Ванина завяла, словно фиалка на морозе:

— Устроились — нормально. Только вот Игорь Михайлович в больницу попал...

Ни хрена себе заявочки! Я так растерялся, что сразу наехал на понурого Алексея:

— Что значит — «попал»? Опять со спиной, или, может, его вообще — машина

переехала? Ты нормально доложить можешь?!

Лешка несколько опешил от моего напора, но ответил четко:

— Нет, не со спиной. У него приступ был сердечный...

При этом брови у собеседника сделались «домиком», и он стал неуловимо походить на отвергнутого Мальвиной Пьеро. Задумчиво оглядев живое воплощение буратиновского подельника, я крикнул и уточнил:

— Что врачи говорят? И вообще — когда его прихватило?

Алексей вздохнул:

— Говорят, что все нормально будет. Сосновский хоть и старый, но крепкий. Только вот выписываться он пока не торопится. А приступ случился, когда он понял, что за вторым порталом не наша Земля.

У меня отпала челюсть:

— Как это «не наша»? А чья?!

Ванин пожал плечами:

— Похоже, ничейная. Да и не Земля это вовсе...

И Леха принялся рассказывать, как они сами были ошарашены, когда это выяснили. Профессор, вон, так впечатлился, что его аж кондратий хватил. Хотя вначале все шло как обычно — взяв пробы с той стороны портала, и, идя по накатанному пути, Сосновский отнес их на проверку в лабораторию. Оттуда дали заключение, что ничего опасного в предоставленных образцах нет. После чего неутомимый старикан выперся в «параллель» на разведку. Правда, разведывать особо было нечего. Что называется — степь да степь кругом. Никакой Михеевкой и не пахло, а были лишь равнина да валяющий с неба снег. Сосновского всё это несколько смутило, и он довольно быстро свернул свой выход. Чего-то там покумекав, в следующий раз Игорь Михайлович двинул с радиоприемником и принялся активно сканировать эфир, но поймать ничего не удалось. Проф впал в сильнейшую задумчивость, углубился в записи, а затем, после долгого перерыва, решился на следующую попытку. Она, к слову сказать, вышла весьма впечатляющей. Выход произошел как обычно — ночью. Только вот снега и туч не было, а на чистом небе сияли мириады звезд и две луны, одна другой больше.

В этот момент соседа и накрыло. Поняв, что к Земле данная местность не имеет никакого отношения, до него вдруг дошло, что в областной лаборатории СЭС, куда он, под видом «зеленого» активиста сдавал образцы, проверку на разные инопланетные вирусы, разумеется, не делали. Поэтому, вернувшись обратно, Сосновский всё рассказал Лехе, после чего свалился с сердечным приступом. Правда, недели через три, слегка очухавшись, профессор выдвинул гипотезу, что если когда-то порталы соединяли все наши миры и никто от этого не вымер, то особой опасности быть не должно. Или, во всяком случае, не более чем при обычных археологических раскопках какой-нибудь гробницы Тутанхамона. Но береженого бог бережет, и на всякий пожарный Игорь Михайлович запретил дальнейшие выходы на неизвестную планету. А сам, не объясняя причин, затерроризировал врачей требованием взятия у себя все новых и новых анализов, в душе опасаясь малейшего шанса стать разносчиком какой-нибудь экзотической заразы. Доктора, делая скидку на возраст, прогрессирующий маразм и желая избежать возможного скандала, который мог бы затеять бойкий сердечник, послушно брали эти самые анализы, и поэтому сосед до сих пор отирается в больнице...

Слушая Ванина, я только затылок почесал. М-да, новость насчет «ничейной» планеты очень и очень интересная. А перспективы-то какие открываются — мама не горюй! Хотя без детальной разведки говорить что-либо с уверенностью еще рано, так как отсутствие в радиоэфире каких-либо передатчиков вовсе не говорит об отсутствии населения. Только на данный момент, честно говоря, меня больше проф заботит и его здоровье. С другой стороны, чего вибрировать? Главное — не помер дед. Что же касается нового мира — правильно его Игорь Михайлович закрыл. С возможной биологической угрозой шутить не след. Да и вообще, сейчас других проблем и заморочек хватает. Вот с ними разберемся, а там и

посмотрим, что это за «не наша Земля»...

— Ладно, все понятно, — прервав разошедшегося собеседника, я еще раз оглядел заметно похорошевший сарай и предложил: — Может, в дом пойдем, там все и расскажешь? С самого начала вашего попадания сюда.

Лешка смутился:

— Извини, сразу не сообразил. Конечно, пойдем!

В доме нас встретила обрадованная моим приходом Мария и тут же метнулась накрывать на стол. Вот за столом Лешка и начал свое повествование.

В общем, если говорить коротко, то складывалось у них все хорошо. Взятка в какие-то четыре тысячи евро, и беспаспортный «беженец» вместе с семьей, обрели статус вполне легальных граждан РФ. А так как от меня не было ни слуху ни духу, то план покупки дома в Юрьево решили пока отложить, и Ванины поселились в Михеевке. Поселились, завели знакомства, и местные теперь на них не надыхаются. «Не надыхаются» по нескольким причинам. Мария ведь, как ни крути, фельдшер, пусть и без здешнего диплома, но знания-то никуда не делись. Поэтому она вполне квалифицированно дает советы и ставит уколы аборигенам. А Лешка, который каждый день возит сына в школу, никогда не отказывается прикупить в городе заказанную соседями вещь. Да и по хозяйству всегда готов помочь. А если учесть, что он практически (ну, по деревенским меркам) непьющий, то местные бабки на него вообще готовы нимб святого водрузить. Так что оба «инопараллельщика» влились в Михеевку с ходу и стали ее весьма авторитетными жителями. Что не может не радовать.

Слушая Лешкин рассказ, я удовлетворенно кивал и, чуть позже, под чай с плюшками, благожелательно поинтересовался:

— Ну а как вам тут вообще? После ваших реалий, небось, себя словно в раю ощущаете?

И тут Ванин меня удивил. Да что там удивил — ошарашил! Криво улыбнувшись на этот вопрос, он выдал:

— Первое время именно так и казалось. Но потом освоился, огляделся, в Интернете покопался, с Игорем Михайловичем поговорил... И понял, что при общем спокойствии и довольстве на самом деле у вас все гораздо хуже!

Я чуть конфету целиком не проглотил и, прокашлявшись, потребовал:

— Объясни!

— Да чего тут объяснять? Сам подумай, сразу все поймешь. Просто то, что у нас произошло за срок менее шести лет, у вас получилось растянутым по времени. Сильно растянутым. Но, думаю, еще лет двадцать, и в ЭТОЙ России будет то же самое. Только хуже, потому что у меня дома люди с оружием в руках выступают против антинародной власти, а у вас к тридцать пятому году сменится уже два поколения, которых ПРИУЧАЛИ жить именно так, а не иначе. И которые себе иной жизни не представляют. Выходит, когда совсем прижмет, ни о какой борьбе и речи быть не может! Уже сейчас поздно, а уж через два десятка лет...

— Озвезденеть! Извини, Мария. А ты, футуролог комнатный, скажи, с чего такие выводы сделал?

— Сам посуди. — Глаза Лехи загорелись фанатичным огнем, и, загибая пальцы, он, принялся перечислять приметы неминуемого глобального апокалипсиса: — Армию разваливают, рождаемость падает, народ нищает, производства разрушаются, деревни вымирают, правительство на людей плюёт, коррупция хуже, чем в Африке, сидим на «нефтяной игле»...

Судя по задору и незамутненному энтузиазму, Ванин мог бы продолжать список до вечера, но я его прервал. Демонстративно откинувшись на спинку стула, цыкнул зубом и, вальяжно махнув рукой, выдохнул:

— Фу-уф... Я уж думал, что действительно что-то серьезное. А ты, оказывается, просто Сосновского переслушал, ящик пересмотрел да в сети на панических форумах слишком часто зависал.

Лешка набылся, а потом запальчиво спросил:

— Интересно, в чем я неправ?

— Ну за все не скажу, а вот за армию — пожалуйста. Разваливают, говоришь? А на хрена нам была нужна четырехмиллионная армия с десятками тысяч танков, сотнями генералов и бездомными офицерами? Против кого она должна воевать? Против немцев? Ага, и желательно — в сорок первом году. Тогда да. Тогда бы все эти танки очень в тему пришлись! Если бы экипажи к ним смогли набрать...

— Я вообще не про это!

— А я про это! Скажу как военный — то, что почти сформировано сейчас, достаточно для победы в любом локальном конфликте. Повторю — В ЛЮБОМ! И любому из своих ближайших соседей мы можем навешать по сусалам без особого напряжения. Вот и спрашивается, для чего вбухивать миллиарды на содержание массы рахитичных солдат (тех, кто «откосить» не сумел), толстых генералов и нищих, разбегающихся со службы офицеров? Не лучше ли создать подразделения, в которых люди ХОТЯТ служить? Снабдить их всем, чем положено. Вооружить по последнему слову. Оклад положить нормальный. Квартиры дать приличные.

— А НАТО...

— Да что НАТО? Если на нас поперет масса, то это уже не локальный конфликт, а глобальный, сиречь — ядерный. Пойми, сейчас позиционная война просто невозможна. Когда приспичит, в ход моментально пойдут даже не тактические, а стратегические заряды. И «чистенькой» Европу сохранить не удастся. Времена другие, так что не до жиру. Раньше у нас планировалось въехать в Париж или Берлин на танке. Но то — раньше, а ныне доктрина поменялась, и эти города просто раскатают парой-тройкой зарядов. Западники изменившиеся расклады отлично понимают, поэтому не дергаются и, как могут, стараются расширить противоракетную оборону. А насчет Востока... Хм, даже в могучем СССР в случае широкомасштабной китайской агрессии сразу планировалось именно применение ядерного оружия. А уж теперь и подавно...

— Но ведь если мы первыми развяжем ядерную войну, весь мир против нас ополчится! И уничтожит!

— Ха, весь мир, говоришь? А что это такое? Африка, Южная Америка и арабские страны в эту свару не полезут. Им такая радость на хрен не нужна. Да и нечем. Китай с Индией тоже будут только наблюдать. Остается кто? Страны НАТО? Так мы с ними и будем воевать!

— Чем? Ведь наши ракеты устаревают с каждым днем!

Я ухмыльнулся:

— Да ну? Старые — устаревают, но появляются новые. И поверь — во вполне достаточных количествах. Об их возможностях тебе говорить не буду. Как ни крути, а информация секретная. Скажу одно — систему ПРО они преодолевают и лупят именно туда, куда надо. Сам логику включи — если бы это было не так, нас бы никто и в грош не ставил, и слова Райс относительно Сибири, которая «должна принадлежать не России, а всему миру», уже давно подкрепились бы делом.

Лешка, похоже, заинтересовался, но до конца не впечатлился:

— А остальное? Не ракетное вооружение? Только про автоматы «АК» не говори. Тут мы впереди планеты всей... А вот к примеру, те же беспилотники? У Израиля закупает, так ведь?

— Вот хрен тебе во все рыло! Извини, Мария... Просто когда встал этот вопрос, наши производители хотели втюхать армии БПЛА, которые были хуже и дороже импортных. Армия отказалась и купила полтора десятка еврейских аппаратов. Об этом во всех СМИ шумиха была. А вот то, что российские предприниматели быстренько сориентировались и тут же предоставили аналоги, по качеству такие же, а по цене дешевле, об этом средства массовой информации промолчали. И что именно российские БПЛА были приняты на вооружение, тоже молчок!

— Хорошо... может быть, насчет армии ты и прав. А как быть с тем, что доля с продаж

нефти и газа составляет более семидесяти процентов от общего экспорта? Это ли не «нефтяная игла»?

— И фиг ли? Мы на ней уже полвека сидим как минимум. Чего тебя вдруг именно сейчас накрыло?

— А то, что доля нефтяного экспорта постоянно растет! Во времена Союза это было около пятидесяти процентов, а теперь — на двадцать процентов выше!

Я удивился.

— Да-а? — Потом замолк, немного подумал, прикинул и резюмировал: — Надо же! Не думал, что Россия промышленных товаров экспортирует больше, чем СССР.

Леха покрутил пальцем у виска:

— Ты что, совсем сбрендил? При чем тут промышленные товары? Их доля как раз уменьшилась!

— Сам дурак! Вот возьми и посчитай. Сколько там при Союзе нефть стоила?

Собеседник на секунду задумался, глянул в лежащий на столе блокнотик и выдал:

— Около двадцати долларов за баррель.

— О! И доля ее продаж составляла пятьдесят процентов от всего экспорта. Значит, половина нефть с газом, половина — все остальное. Но теперь-то нефть стоит сто баксов! В пять раз дороже. А товары за это же время подорожали максимум в полтора-два раза. Вот и прикинь пропорцию. Выходит, имея семьдесят процентов дохода от продажи сырья, РЕАЛЬНО всего прочего мы продаем даже несколько больше, чем во времена Союза. Получается, иголка-то — уменьшилась!

А потом, выдержав многозначительную паузу, я злобредно поинтересовался:

— И если бы минсырье стоило штуку баксов, то ты бы взвыл о том, что мы вообще ничего не производим, так как доля остальных товаров составила менее процента от всех доходов? А стой оно один доллар, ты бы скакал от радости и говорил, что Россия наконец-то стала промышленной державой, так как процент экспорта товаров вырос до охрененных величин? Щаз! И то и другое явная фигня, так как на самом деле у нас уже со времен Брежнева ничего не меняется.

Ванин от этих слов крякнул, закурил, раздраженно схватил листок бумаги и на пару минут углубился в расчеты. Результатов он не обнародовал, но лицо имел весьма удивленное и даже несколько раздосадованное. А так как Лешка был человеком стойким, то скептически посмотрел на меня и решил зайти с другой стороны:

— Но общее обнищание ты отрицать не будешь?

Я задумчиво почесал нос:

— Обнищание? Хм, ты в Юрьево давно был? Ах, недавно. Ну и как? Согласись — маленький, заштатный городишко, коих в России тысячи. Но обрати внимание: каждый второй житель там с сотовым телефоном, каждый пятый на личной машине, у всех в домах холодильники, телевизоры и куча другой техники. Думаешь, это все от нищеты? Угу... По тайландским да турецким курортам, видно, тоже от безденежья катаются? Да так, что бедные сарацины аж фигейот от размаха российских «нищих»! А сколько у нас гастарбайтеров? Не находишь это несколько противоречивым — ехать на заработки к нищим? Так что, прежде чем повторять чьи-то глупости, сам оглядись и подумай.

Алексей фыркнул:

— Ты еще Россию с Кенией сравни, и тогда получится, что мы здесь как сыр в масле катаемся!

Пожав плечами, ответил:

— Зачем? Все действительно познается в сравнении, только голосить о нищенстве у нас точно причин нет. Я вообще никогда не мог понять эту странную тягу к самоунижению. Да, живем хуже, чем на Западе. Но гораздо лучше, чем на Востоке или Юге. Хотя были все шансы скатиться до их уровня. А твое отношение к окружающей действительности мне сильно напоминает анекдот... или притчу, уж как посмотреть. Это когда стоит мужик и ругается — дескать, на работе все козлы, дома все плохо, родственники — подонки, страна

вообще — в дупе. А за его плечом ангел, записывая произносимые слова, удивленно пожимает плечами и говорит: «Интересно, почему этот человек всегда заказывает одно и то же?»

Ванин от подобного пассажа опешил, хмыкнул, посмотрел на жену и протянул:

— Да ты, я погляжу — ярый оптимист!

— Скорее — реалист. Ты не думай, меня ведь тоже многое не устраивает. Очень многое. Но какие есть варианты? Революцию устроить? Это вряд ли. И именно потому, что люди у нас вовсе не нищие и им есть что терять. Не поддержат. То есть в комфортных, компьютерно-форумных баталиях или флэшмобах, выдаваемых за марши протеста, все будут «за», но реально — не поддержат. Да и крови в этом случае много прольется. Но самое главное, нет никакой гарантии, что станет лучше. А вот превратиться в подобие какой-нибудь Колумбии или Мозамбика — есть. И еще какой!

— Так что же, предлагаешь сидеть сложа руки и тихо вымирать?

Цыкнув зубом, ответил:

— Пока вымираю лишь я. И то лишь потому, что не женат. А вот ты остаешься при своих. И если еще одного ребенка заведете, то персонально Ванины будут не вымирать, а прогрессировать. Поэтому все в твоих руках. Вернее, не в руках, а...

В этот момент Мария фыркнула и перетянула меня по спине полотенцем, а я, рассмеявшись, подытожил:

— Короче — не паникуй раньше времени! Русские под игом сколько лет были, и ничего. Не потеряли способность к сопротивлению. Атут: второе поколение или третье, какая разница? Когда станет действительно плохо, мы ведь любого в землю закатаем! И своих князей, и чужих. У нас на генном уровне прошит «бунт, бессмысленный и беспощадный». Так что если действительно приспичит, нам на этот бунт подняться — только подпоясаться!

Ванин на мои слова лишь согласно ухмыльнулся и потянулся за чайником, а я тихо перевел дух. Фу-ух, вроде получилось. А то меня воинственный дьякон сильно напряг. Ведь этот парень, еще в своем мире, морально созрел не просто для борьбы, а для вооруженной борьбы. То есть психологически уже был готов убивать за отстаивание своих идеалов. Убивать всех, кого считал врагами. Это, чтобы вы знали — очень серьезно. Но, попав к нам, Лешка «поплыл» от увиденного и, расслабившись, впал в эйфорию. Зато потом, когда начал вникать и разбираться, что к чему, на него накатило, как на старые дрожжи. А в таком состоянии экстремистски настроенный человек может сотворить что угодно. Вплоть до начала отстрела чиновников, виновных в том, что кажущийся рай оказался совсем уж не райским. Нет, приведенный пример это, конечно, крайность, но любая засветка (даже простая антиправительственная риторика на форумах) уже совсем не гут. Поэтому надо было или срочно его эвакуировать, чтобы дров не наломал и всех нас не спалил, или сбивать остроту проблемы. А так как он мне нужен именно здесь, пришлось активно ездить по ушам. Кажется, вышло неплохо, и поставленной цели я добился. Тем более что формально в моих словах изъяна не было. Для их проверки достаточно просто пройтись по улице или сделать несложный расчет на калькуляторе. В общем — не подкопаешься! Поэтому Алексей критическую информацию воспринял нормально и теперь будет реагировать на всё гораздо спокойнее. Чего, собственно говоря, и требовалось.

Только как быть мне самому? Я ведь раньше особо не задумывался о мире, в котором живу. Но после разговоров с Профессором стал подмечать и анализировать разные нелицеприятные моменты нашей действительности. Что характерно, истерика, устроенная сейчас Лешкой, таких моментов касалась лишь опосредованно. И «игла», и «обнищание», и дела армейские, и «распродажа России» это по большому счету просто частные следствия, о которых нам постоянно талдычат во всех средствах массовой информации. Только дело в том, что они являются лишь отвлекающим фактором. От чего отвлекающим? Да от того, что реально творится вокруг.

Нет, можно, конечно, вспомнить пресловутую «утечку мозгов». Посетовать, что у нас

не осталось ни продовольственной, ни производственной безопасности. Что та же «Булава» несколько лет толком не могла летать не из-за плохой конструкции, а из-за того что её изготовить и собрать нормально не могли. Что дефицитом стали в России люди, умеющие не только клавиши на компе жать, но и руками что-либо делать. Что такими темпами даже отечественный «Калашников» скоро станет хуже китайского аналога. А российские автомобили надо лишь врагам подсовывать, как мины замедленного действия.

То есть — постонать можно, только ведь эти проблемы решаемы. И довольно быстро решаемы. Была бы воля. Но с волей случился затык. А почему? Да потому что на нашей территории возник не коррумпированный, не криминализованный как во многих странах мира, а преступный капитализм. С чего я про другие страны вспомнил? Просто — все не без греха и берут на лапу везде. Но если в той же Франции процент взяточников среди госслужащих довольно мал, то этот капитализм все равно можно назвать коррумпированным. В Италии некоторые чиновники берут деньги непосредственно у мафии и работают на ее интересы. Это криминализованный капитализм. У нас же получили капиталистов, купающихся в ворованных деньгах, и крупных государственных чинуш, находящихся в доле с ними. Отметьте, не на разовых подачках и не единичных госслужащих, а именно в доле и именно массово. Поэтому мы и наблюдаем эдакий властный симбиоз, с присущей только преступникам психологией. Такого действительно нет нигде. Хотя вру — есть. В некоторых странах Африки и в парочке стран Латинской Америки. Но, как известно, там с регулярной периодичностью случаются перевороты. Вот поэтому наши чиновники и бизнесмены, предчувствуя подобные расклады, ведут себя как банда, случайно захватившая город. У них ведь основная задача — не сделать в этом городе жизнь лучше (странное было бы желание для бандитов), а быстро вынести всё ценное, пока люди не опомнились и не подняли их на вилы.

Так что мне от души смешно, когда я слышу слова про борьбу с той же коррупцией. Это что же — они сами с собой бороться начнут? Глупости. Какая там борьба? С другой стороны, если вспомнить, что вся эта шушера возомнила себя небожителями, для которых неписаны **ВООБЩЕ** никакие законы, то становится не до смеха.

Блин, даже при Сталине было лучше, так как Иосиф Виссарионович периодически чистил зарывавшуюся «элиту», не давая ей распоясаться окончательно. Кстати, думаю, именно поэтому сравнительно недавно была затеяна кампания по десталинизации России. Сами прикиньте: если власть гнобит народ сейчас, то неужели ей будет хоть чуточку интересно, что с этим самым народом делали почти сто лет назад? Разумеется, нет! Просто чиновникам и «крутышкам» дико себе представить, что они тоже могут быть подсудны на общих основаниях, словно какое-то там нищее быдло. А дабы подобного не дай бог не случилось, и была развернута очередная истерия насчет «кровавого тирана». Чтобы никому даже в голову не пришло провести параллели и подумать, будто наши власть и деньги предрежающие — тоже люди и тоже ходят под законом. Который, кстати, один для всех, невзирая на толщину кошелька или занимаемую должность. Да уж... самое хреновое во всем этом, что я не вижу выхода из положения. Только если очередную революцию совершить, с показательным развешиванием всех заинтересованных лиц на столбах. Но, как раньше говорилось Лешке, любой переворот это такая жопа, что очень часто его достижения не компенсируют понесенных потерь. И от этого становится совсем грустно...

— ...похудел?

Внезапно до меня дошло, что, углубившись в свои мысли, я пропустил вопрос Марии. Пришлось, улыбнувшись, извиниться:

— Пардон, недопонял?

— Я говорю — ты там что, вообще не ничего ешь? Похудел, аж щеки ввалились.

Пожав плечами, сознался:

— Да нет. Жру как на убой. Только и гоняют так, что все моментом улетучивается. Я ведь не просто в «колхозниках» числюсь...

Ванин заинтересованно поднял брови:

— Ну? Неужто в «смирновцы» попал?

— Именно к ним.

Лешка возбужденно потер руки:

— А я так и думал! Куда же тебе еще? Да ты не молчи, рассказывай!

Пришлось подчиниться требованию и начать рассказ о моих похождениях в его родном мире. Ванин во время повествования многозначительно кряхтел, подпрыгивал, перебивал, выясняя подробности и периодически обращаясь к жене, восклицал: «Чувствую, вот сердцем чувствую, что скоро все начнется!» Потом, когда первый интерес собеседников был удовлетворен, я начал задавать свои вопросы.

В общем, проговорили до поздней ночи и пошли спать. А наутро, уже стоя перед порталом и кивая на Лехин телефон, в который была вставлена купленная вчера в «параллели» «симка», давал последние цзю:

— Просто так не звони. А когда Сосновский выпишется, сразу скинь сообщение. Как договаривались — по коду. И раз в неделю, по тому же коду — отмечайся, чтобы я был в курсе.

— Да помню я, помню! — Ванин хлопнул меня по плечу и, открывая запоры на двери, ведущей в «портальный» коридорчик, присовокупил: — Все у нас нормально будет. Ты, главное, сам ТАМ на рожон не лезь!

Согласно кивнув, я махнул на прощание рукой и, шагнув в черноту «турника», выпал на «ту сторону».

А пока добирался до трассы, все думал — звонить или не звонить Настене? Несколько раз даже доставал сотку, но в конце концов решил объявиться сюрпризом. Ах да, может возникнуть вопрос — откуда у меня вообще взялся телефон? Тут все просто — в Ставрополе я решил, что если меня отпустили в увал, то значит, можно пользоваться всеми благами цивилизации. В частности — сотовой связью. Вот и прикупил себе старенький «Самсунг» да сим-карту для Алексея. Так что теперь он мне может свободно SMS слать. Мы даже простейший код обговорили, от единицы до пяти. «Один» — это значит полная задница, «пять» — все зашибись. Хоть немного в курсе буду, что же дома происходит.

Глава 9

До Калайанской я добрался без проблем. И улицу Буковского нашел довольно быстро. Но вот дальше всё пошло наперекосяк. Оно ведь как вышло — я почти полтора часа бегал по станице, которая размером была не меньше Юрьево, в поисках цветов. Зря бегал. Из того, что хоть с какой-то натяжкой можно было отнести к флоре, нашел лишь кактус, полусасохшую пальму в кадке и пластиковые похоронные венки. Ничто из вышеперечисленного для охмурения барышень не подходило совершенно. Отчаявшись, громогласно высказал все, что думаю относительно местного сервиса, и, купив бутылку сомнительного шампанского (э-э, зачѐм так гаварыш? Настояшэ. Ростовского завода, да-а-а) с коробкой конфет, побрел к нужному адресу.

Где, что называется, поцеловал дверной косяк, так как на мои стуки, царапанье и призывы никто не отзывался. После нескольких безуспешных попыток я растерянно почесал затылок. Вот блин, куда же она умотала? На работу? Но сегодня вроде выходной... Чувствуя, что сюрприза не получится, вытянул телефон из кармана и, набивая Настин номер, покосился на соседнюю дверь. Там, судя по звуку, шли чинные посиделки. Причем чисто женские и уже достигшие определенного градуса. С чего такой вывод сделал? Да легко! Просто от соседей доносилось хоровое пение определенного репертуара из разряда того, что я называю «бабскими народными песнями».

Давно уже заметил интересную штуку — барышни могут быть любой степени продвинутости и обладать самыми неожиданными музыкальными пристрастиями. Они могут обожать рэп или металл, попсу или хардкор, но собравшись на девичник, после второй бутылки у них в мозгах что-то переклинивает, и вся компания, под слезу, начинает тянуть

вокал насчет спрятавшихся ромашек или цветущей калины. Кстати, наличие хотя бы одного представителя мужского пола подобные экзерсисы исключает напрочь. Наверное, потому, что девчонки стесняются показаться несовременными. Но в данном случае из-за двери как раз неслось про «парней так много холостых на улицах Саратова», вот я и сделал свой вывод относительно чисто женского сборища.

М-да, а Настин телефон-то не отвечает... Сбросив набор, повторил вызов. Дудки! Гудки идут, но никто трубку не берет. И что теперь делать? Хотя — сам виноват. Нет чтобы заранее предупредить... Устроил сюрприз, идиот! Раздраженно сунув трубу в карман, достал сигарету и, усевшись на ступени, приготовился ждать до победного конца. Правда, не успел я добить бычок, как хоровое пение закончилось, дверь «музыкальной» квартиры распахнулась, явив взгляду двух развеселых дамочек, которые, судя по всему, тоже решили перекурить. Но, увидев меня, они на секунду застыли, и более высокая, пихнув подружку в бок, игриво протянула:

— Люб, ты только посмотри... Мужчинка. Один. Грустный и трезвый.

Вторая согласно кивнула:

— Точно — один! Наверное, ничейный. Что будем делать?

Я несколько насторожился от такого подхода, поспешив сразу обезопаситься:

— Чейный, чейный! — И, перехватывая инициативу, продолжил: — Девчата, не подскажите, куда ваша соседка Анастасия делась? Она здесь, в угловой живет. Такая стройная, глазастенькая, среднего роста. А то я уже полчаса под её дверью кукую...

Та, которая объявила меня «ничейным», скуссила плаксивую мордашку, выпалив с наигранным негодованием:

— Нет, Ленчик, прикинь? Мы стоим, все из себя такие красивые, а ему исключительно Настьку подавай! «Стройную и глазастую»!

Сунув сигарету в баночку, присобаченную к перилам, я улыбнулся:

— Барышни, ваша неопишуемая красота однозначно заставляет трепетать сердце и учащать дыхание, но мне Настёна нужна во как.

Проведя ребром ладони по горлу, я тактильно обозначил крайнюю необходимость встречи с Брусникиной и выжидающе уставился на собеседниц. Что именно изначально хотела ответить длинная Ленка, не знаю, но, глянув на мою физиономию, она на секунду задумалась, после чего, шикнув на пухленькую, продолжающую кокетливо возмущаться, спросила в ответ:

— А вас не Сергеем зовут? — И, получив утвердительный кивок, разулыбалась. — Я так и поняла. Настя тебя подробно описывала. Ты проходи, она ведь у нас сидит. Мы день рождения празднуем. Так что как раз разбавишь наш женский монастырь!

А потом, уже открывая мне дверь, крикнула:

— Девки, посмотрите, кого мы тут нашли!

Сразу на это объявление никто не откликнулся, зато, войдя в квартиру, я обнаружил сидящую на кухне девицу с разноцветными волосами и Настю, замершую с поднесенной к губам кофейной чашечкой. Разноцветная удивленно подняла бровь, но спросить ничего не успела, так как Настёна приглушенно пискнула и, с громким «блям» уронив посудину на блюдо, шустро рванула ко мне. Уткнулась с разбега в грудь, да так и застыла. Я тоже застыл, потому что несколько иначе представлял себе эту встречу. Во всяком случае, в ней точно подразумевалось отсутствие разглядывающих нас подданных и хихикающих девчонок. М-да... Мы бы, наверное, так долго простояли, стесняясь проявлять чувства при большом скоплении народа, но обстановку разрядил мелкий пацаненок, выглянувший из комнаты. Критически оглядев застывшую композицию, он хмыкнул:

— Эй, так это ты тетя Настин ухажер? Приехал, наконец?

Барышни заржали в голос, а Настена, отлепившись от меня, счастливо шмыгнув, ответила:

— Да, Павлик, — и, повернувшись к подружкам, представила: — Девчата, знакомьтесь, это Сережа.

После чего, прикладываясь к дамским ручкам, я провел процедуру знакомства. Потом, вручив конфеты с шампанским имениннице, был усажен за стол. Настя же, наполнив мою тарелку какими-то салатами, на мгновение прижалась к плечу, шепнув, что вернется буквально через пять минут, куда-то убежала. Люба, глядя ей вслед, насмешливо произнесла:

— Ну вот, уписалась от радости, — и, перенеся внимание на меня, приказала: — А ты чего сидишь? Открывай шампанское!

Я подчинился, попутно гадая, куда же в действительности убежала моя зазноба? Да еще так быстро. И если действительно приспичило, то почему тогда к себе домой пошла? Здесь вроде тоже удобства есть... А менее чем через десять минут выяснилось, что в своих туалетных предположениях Любка ошиблась, так как, пока я разливал шампусик, произнося длинный и витиеватый тост, посвященный хозяйке дома, Настена вернулась. Тут уж застыли все. Цветноволосяя Ольга удивленно присвистнула:

— Вот это апгрейд!

Ленка не менее удивленно констатировала:

— Вот это скорость!

А я просто потрясенно молчал, разглядывая волнуяще подкрашенную и наряженную в облегающее платье Брусникину. Она-то и в исходном варианте (в смысле — в рубашке и джинсах) была чудо как хороша, но сейчас у меня возникло непреодолимое желание плюнуть на всё, ухватить Настю в охапку и, что называется, удалиться в опочивальню. Только это было бы совсем не комильфо, поэтому пришлось удавить свое разбушевавшееся либидо, дабы, оставаясь в рамках приличий, продолжить застолье.

Кстати, это самое застолье с моим приходом получило новый толчок, поэтому, чтобы не прослыть озабоченным букой, который, роняя слюну, разглядывает исключительно предмет своего вожделения, пришлось, отвлекаясь от Насти, сыпать анекдотами, танцевать со всеми по очереди, произносить тосты и вообще всячески развлекать собравшуюся женскую компанию. А часа через полтора нашего полку прибыло. В смысле — появился парень, представившийся как Костя, который пришел забрать своего пацана. Я-то поначалу считал мальчишку, играющего в соседней комнате, сыном хозяйки, но выяснилось, что его просто сосед оставил, пока сам был на работе. А так как Константин не просто пришел, а с цветами (оба-на!!!), то после недолгих отнекиваний с его стороны, гость был усажен за стол. После чего, словно бы из ниоткуда, появилась гитара, и я ощутимо напрягся. Вот вроде бы, что тут такого — просто деревяшка со струнами. Только у меня с этим инструментом связана одна личная примета: стоит только взять её в руки, как жди неприятностей. Нет, за вокал обычно не бьют (многим он даже нравится), но вот буквально на следующий день жизнь подкидывает крайне неприятный сюрприз. Да чего тут далеко ходить — когда я в последний раз заливался соловьем под гитарный перебор, дело кончилось увольнением из армии. Так что на вежливый вопрос Ольги, не спою ли я им что-нибудь, сразу отмазался:

— Не, мне медведь на ухо наступил. Во-от такенной лапой.

После чего от меня отстали и солировал исключительно Костя. Кстати, когда он взял инструмент, я с трудом сдержал улыбку, потому что этот парень со своим ростом, идеальным пробором, породистым носом, широко расставленными серыми глазами, а теперь еще и с гитарой, удивительным образом походил на недобитого корнета Оболенского. И как положено настоящему корнету, начал гость с романса. Потом, правда, пел самые разные вещи. А чуть позже, когда возникла спонтанная пауза и девчата вновь принялись болтать, Константин, задумавшись о чем-то своем, вдруг стал выдавать странно знакомый рваный перебор, от которого я наострил уши:

— Чего ты сейчас играешь?

Парень, словно очнувшись, приглушил ладонью струны и, смущенно улыбнувшись, ответил:

— Да так, не обращай внимания. Это точно ко дню рождения не подходит...

Но я был настойчив:

— А все-таки? Просто, кажется, я её знаю...

— Вряд ли.

— Хм... «У меня СВД, у него СВД, перелесок да бэтр, сгоревший дотла...».³³ Оно? Костя удивленно поднял бровь и, кивнув, поинтересовался в ответ:

— Откуда ты... Что, участвовал?

— Нет. А ты?

Собеседник неопределенно пожал плечами:

— Так, краем зацепил...

После чего, отставив гитару, он принялся преувеличенно тщательно наполнять опустевшие фужеры. А я по другому взглянул на этого человека. Интересно, почему Костя вдруг так быстро с темы съехал? Хотя по нынешним временам довольно чревато афишировать свое участие в недавних войнах. Они ведь все «преступными» объявлены. Во всяком случае, для тех, кто служил в Советской армии. С другой стороны, и фиг бы с ним. Не хочет говорить — не надо. У меня и без него собеседников (вернее, собеседниц) хватает.

А Константин тем временем поднял тост и, когда все выпили, начал собираться, объяснив, что его Пашке уже скоро спать и вообще — пора честь знать. Барышни, да и сам мальчишка возмутились было столь ранним, уходом, но сосед остался неумолим. Выждав какое-то время, мы с Брусникиной тоже объявили о своем уходе. Надо отдать должное, что девчонки нас даже не пытались тормозить, только пьяненькая Любка вякнула что-то вроде: «Куда торопитесь, так хорошо сидим, а у вас еще вся ночь впереди», но подружки ее быстренько заткнули и, хитро блестя глазами, чуть ли не хором пожелали нам спокойной ночи.

* * *

Пока Анастасия открывала свою квартиру, я пребывал в некоторых сомнениях — вот как себя сейчас вести? Вдруг ей еще романтизму хочется, и, если начну сразу руки распускать, девушка обидится? А обижать ее очень бы не хотелось. Только эта нерешительность длилась недолго — ровно до того момента, как Настя повернулась ко мне. Увидев ее сияющие глаза, все опасения моментально вылетели из головы...

А уже под утро, когда прыти на какие-либо активные действия просто не оставалось и обессиленная девушка тихо сопела, положив мне голову на грудь, я собрался духом:

— Настёна...

— Да, любимый?

От этого слова, точнее говоря, от интонации, с которой оно было произнесено, я просто сомлел и чуть было опять не сбился с мысли, но, взяв себя в руки, продолжил:

— Слушай, а как ты смотришь на то, чтобы переехать жить в другое место?

Настя подняла голову:

— Куда?

— Ну в смысле — ко мне переехать.

Она удивилась:

— На базу?

Вообще-то имелось в виду совершенно не это, и я несколько замялся, подбирая слова:

— Э-э... нет, при чем тут наша база? Ко мне домой переехать. Ну там, как положено — семья и все такое...

Ёпрст, я ведь хотел рассказать Насте о своем «параллельном» происхождении, но начал как-то не с того и, чувствуя, что запутался, умолк. А девчонка, неправильно расценив затянувшееся молчание, села, потом наклонилась так, что ее волосы стали щекотать мое лицо, и, глядя в глаза, удивленно произнесла:

— Сережка, я что-то не поняла. Это ты меня так хитро и завуалированно замуж

³³ Песня М. Калинкина «Снайпер».

пытаешься позвать?

Оп-па... Честно говоря, предложение Брусникиной я хотел делать чуть позже и по всем правилам. Ну чтобы с цветами, припаданием на колени и прочими превыспренними штучками, на которые девушки так падки. И, конечно же, всё это должно происходить уже после того, как расскажу о себе. Но если разговор вот так повернул, то промедление в ответе может выйти боком! Барышни подобных заминок не прощают. И поэтому на ее вопрос тут же кивнул:

— Да! Настёна, выходи за меня!

После этого моя любимая повела себя довольно странно. Во всяком случае, я как-то не ожидал от обычно выдержанной девахи такого количества эмоций и совершенно нехарактерного щебетания.

Но постепенно Настя пришла в себя, превратившись в прежнего — спокойного и рассудительного — человека. Это стало понятно, когда она с хитринкой поинтересовалась:

— Слушай, «ж-ж-жених», а ты, прежде чем мне предложение делать, хорошо подумал? Вдруг пожалеешь?

— С какого это переполоха? Главное — чтобы ты не пожалела!

— Ну смотри... Только знай — я ведь вовсе не тургеневская барышня и мужу в рот глядеть не буду!

Ухмыльнувшись, ответил:

— Знаю, знаю! Если что-то не по тебе, так сразу гранатой угрожаешь!

Настя рассмеялась:

— Ну ты вспомнил. Когда это было? Ты же для меня тогда был просто подозрительным типом с ободранной физиономией и хамскими предложениями. А теперь что я, дура — родного человека гранатой гонять? Уж лучше по старинке — скалкой неудовольствие показывать буду!

— Да показывай, жалко, что ли? А насчет морды, это ты зря. Нормальная она у меня была. Грязноватая — это да, но не более того. И, кстати, что-то никак не соображу, какие это я тебе хамские предложения делал?

— А кто угрожал меня обыскать? ВСЮ! Говорить ТАКОЕ приличной девушке — это хамство высшей пробы!

Прижимая податливое тело к себе, прошептал ей на ухо:

— Просто я сразу на тебя глаз положил, а некая симпатичная особа своей карманной артиллерией все романтические порывы души распугала.

— Врушка! Ты ведь тогда сам как конь копытом бил и сбежать хотел поскорее. Если бы не Алексей, так бы и уехал! Да, кстати, что там про Ванина и его семью слышно? Он так и остался на Украине?

От этого вопроса я замер, потому что разговор совершенно случайно повернул к нужной теме. Настя каким-то шестым чувством уловила мое волнение:

— Чего ты так засопел? С Ваниными что-то случилось?

Сев, опираясь спиной о стену и почесав стриженный затылок, я начал издалека:

— Да нет, с Лешкой все нормально. Сейчас они живут в своем доме, в полной безопасности. Вот я и хотел тебя забрать, чтобы...

Но договорить мне не дали. Настя пружинисто отодвинулась и, повернувшись ко мне, прищурила глаза:

— Корнев, поправь меня, если я что-то не так поняла. То есть ты мне предлагаешь выйти за тебя замуж и уехать на Украину? Так? Значит, ты готов бросить своих парней, бросить борьбу и, плюнув на всех и вся, просто сбежать? И меня с собой зовешь?

От ее тона у меня даже уши замерзли. Во как получается: еще и жениться не успел, а первая семейная разборка уже имеет место быть. И главное, насколько быстро! Часа ведь не прошло, как сделал предложение... Но черт возьми — какая она красивая, когда злится! Брусникина же, выдав свою тираду, замолкла, продолжая сверлить меня ожидающим взглядом. Поэтому, пришлось отвечать:

— Окстись! Ребят бросать не собираюсь. И из группы сбегать тоже не собираюсь! Но пойми — я каждый день за тебя волнуюсь. Один раз вам повезло, но ведь всегда везти не будет! Накроет Бюро здешнюю ячейку, и что? Поэтому и хочу тебя отвезти в такое место, где этих козлов можно не бояться.

Из девчонки как будто воздух выпустили, и она, виновато шмыгая носом, уткнулась мне в плечо:

— Прости меня, Сережка, что плохо о тебе подумала... Только ведь и я каждый день с ума сходила, гадая — как там ты? Каждого приезда Шмелева ждала и боялась. Вдруг он вместо письма известие привезет, что с тобой что-то случилось? Я ведь верующей никогда не была, а за тебя свечки все равно ставила...

Бли-ин... за меня еще никто никогда свечки не ставил! Обнимая всхлипывающую Настёну, я растроганно погладил ее по голове, но сказать ничего не успел, так как внезапный резкий писк заставил подпрыгнуть:

— Не понял?!

Она вздохнула:

— Это будильник. На работу пора. Но ты не волнуйся, я уйду буквально часа на полтора. А потом до Риты дозвонюсь и меня подменят...

М-да... облом. Серьезную беседу в таком цейтноте продолжать не получится, поэтому мы оба, не сговариваясь, сменили тему, и Настя за завтраком принялась рассказывать о своей работе. Но когда мы уже одевались (я собирался проводить ее до конторы), Брусникина выдала:

— Знаешь, Сережка, если ты мне скажешь, чтобы я уехала, я уеду. Уеду, куда укажешь. Я тебя слишком сильно люблю, чтобы противиться. Только знай — это будет нечестно по отношению ко мне. Это будет значить, что ты в меня не веришь и мне не доверяешь. И неужели ты захочешь жить с человеком, которому не можешь доверять?

Вот ведь мать йеху итить! Нет, ну как любая барышня может повернуть разговор таким образом, чтобы мужик завсегда оставался неправым? Их что — в школе этому учат, пока мы не видим?! И ведь продолжай я настаивать на своем, то стану еще более виноватым! Но ничего, у меня такой туз в кармане, что моя милая никуда не денется! Я вон даже особо идейного Ванина, который всей душой рвался воевать, уболтал буквально за десять минут. Настёнка у меня не менее идейная и упертая (за что и люблю), но, узнав о портале, и она не устоит. Тем более что останется в том же Сопротивлении, только с невообразимо более важным заданием. И пусть это задание будет не от руководства, а от меня лично, но какая к хренам разница? Поэтому на каверзные слова своей невесты я покладисто кивнул:

— Хорошо. Когда все расскажу, ты сама примешь решение. Как скажешь, так и будет. Я ведь тебя тоже очень люблю и давить не собираюсь!

Анастасия, глядя на мою улыбающуюся рожу, подозрительно изогнула бровь, чуя какой-то подвох, но сразу распознать ничего не смогла, улыбнулась в ответ, поцеловала и потащила на улицу.

А там, как в песне — «буянила весна»! Солнце уже встало, да и ночью явно была плюсовая температура, которая сильно подъела грязные сугробы на обочинах. Теперь добавь сюда пахнувший теплом ветерок, самую лучшую девушку на Земле, идущую рядом, и вы сумеете представить, какое у меня было настроение!

Чуть позже, проводив Настёну до работы, я пошел по своим делам. По каким? Да по обыкновенным: еще вчера, тайно узнав у Константина, где он добыл тот букетик, рванул по указанному адресу. Теперь уж все будет, как положено — и предложение, и цветы! Единственно, бабка, которая этой флорой банкировала, пришла почти на сорок минут позже. Но на мой фестивальный настрой подобная мелочь никак не могла повлиять, и в начале одиннадцатого я уже был возле дверей Настиной конторы. Однако там сказали, что она уже ушла, поэтому пришлось с розами наперевес бежать в знакомый дворик на улице Буковского.

Путь, который занял у нас с любимой полчаса, я проскакал за десять минут и

радостный, сияющий, словно новенький пятак, прошел через арку. Но зайти во двор не успел, так как услышал знакомый детский голос:

— Эй, дядька, стой!

Оглянувшись, сначала никого не увидел, а потом заметил в подвальном окне заплаканную рожицу Павлика.

— О, малой, а ты что там делаешь?

В ответ на мой возглас он странно зашипел, замахал руками, призывая к тишине, а потом исчез, чтобы несколькими секундами позже появиться в дверях подъезда. А когда я подошел, мальчишка, ухватив за рукав куртки, затащил меня внутрь и, шмыгая носом, уточнил:

— Ты ведь парень тети Насти? Ты вчера на день рождения с ней был.

Предчувствуя недоброе, я кивнул:

— Да. Так что случилось?

— Теть Настю полицаи забрали...

Ш-ших... цветы с мягким шелестом упали на лестницу, а я, ухватив пацаненка за плечи, прорычал:

— Когда?!

Тот поморщился, но ответил:

— Недавно совсем. — И, когда я ослабил хватку, продолжил: — Они вообще-то за мной приехали. Два полицаи и жирная тетка с ними. Я им двери не открывал, но они как-то сами открыли и заставили меня одеться. А потом с собой потащили. Я хотел вырваться, но не получилось — тетка сильная очень... А я на улице тетю Настю увидел и кричать стал. Так она одному полицаю по яичкам ка-а-ак пнула! А другого сумкой по голове — бац! А тетку так пихнула, что та жопой прямо в грязь упала! Я вырвался и убежал. А тетя Настя не успела... Ее тот, которого она сумкой ударила, поймал и наручники одел. А потом еще полицаи на другой машине приехали и тетю Настю увезли. Теперь возле нашего дома два полицаи стоят и меня поджидают. А я что — дурак? Я сразу папе позвонил и теперь здесь его жду.

Ёперный театр! Я в растерянности почесал затылок. Это что же получается — полиция искала не Настену, а вот этого щегла? А Брусникина влезла и отбила его, наваяв при этом полицейским. Полицейским и какой-то тетке. Но спросить, что это за тетка, я не успел, так как Павлик, непрерывно следящий за полуоткрытой дверью подъезда, рванулся и приглушенно крикнул:

— Папка, я здесь!

Ворвавшийся в подъезд Костя бешеными глазами глянул на меня и сразу кинулся к сыну. Быстро успокоив мальчишку, он тронул меня за плечо:

— Ты уже в курсе?

— Да, только не понимаю, за кем они приходили?

— За Павлушкой, за кем же еще? Это ведь ювеналисты были! Эти суки уже второй раз подкатывают! Падлы! — Константин сжал кулаки. — Жену, твари, убили, теперь до ребенка хотят добраться!

Я ни хрена из случившегося не понимал, но, чтобы действовать, надо было сначала разобраться в ситуации, поэтому, кивнув на выход, предложил:

— Пойдем отсюда, а по пути все расскажешь.

И пока мы шли к какому-то Костиному знакомому, я наконец врубился, что к чему. Оказывается, еще полгода назад в Калаянской жила вполне нормальная семья Дубининых. Папа, мама и долгожданный сын. Только случилось так, что мама попала в больницу — банальный аппендицит. На операцию деньги были, поэтому никто не волновался о вполне предсказуемом и благополучном исходе дела. Но после взятия анализов начались странности. Главврач тогда лично беседовал с Костей и объяснял, что у его жены оказался вовсе не аппендицит, как все думали сначала, а какое-то особо сложное заболевание с неизносимым для обычного человека названием. Дубинин-папа, возможно, в эти слова и

поверил бы (все-таки врачи лучше знают), но тот факт, что больную быстро вывезли в Ростов вертолетом (!) за счет больницы (!!), заставил его проникнуться самыми страшными подозрениями и рвануть следом. Но в навороченный хирургический блок Ростовской клиники его не пустили, а еще через два дня просто выдали урну с прахом жены.

Я, еще до конца не понимая, что же там произошло, но чувствуя какую-то неправильность в просто потрясающей воображение заботливости врачей, спросил:

— А почему ты говоришь, что ее убили? Если уж действительно болячка такая сложная и страшная была, то...

Костя, покосившись на сына, сквозь зубы ответил:

— Я с главврачом поговорил... Незадолго перед тем, как он внезапно лапты склеил. Просто у Светланы группа крови была — четвертая отрицательная. И органы у таких людей в очень большой цене...

Вот теперь все стало понятно! И «неизлечимая» болезнь, и вертолет, и оперативность. Даже выдача вместо тела урны с прахом идеально укладывалась в эту схему. Одно странно — столь скоростная смерть доктора. Ну не свои же его, в конце концов, завалили? Хотя... глянув на мрачно шагающего рядом парня, у меня возникли сильные сомнения в истинных причинах гибели главврача. Поэтому я уточнил:

— А что, полиция смертью этого хмыря не заинтересовалась?

Дубинин дернул плечом:

— Так он нажрался и, с лестницы сваясь, шею себе свернул. Несчастный случай чистой воды.

Ясно, распространяться на эту тему он не хочет. И подобное нежелание о многом говорит... Ладно.

— Ну а к Павлику ювеналисты какой интерес имеют?

— Да им плевать на нас было до тех пор, пока мы на медосмотр не попали. Предшкольный. Сейчас ведь в школе занятия не с первого сентября начинаются, а с первого мая. Чтобы детишек зимой не морозить. Вот мы две недели назад его и прошли...

Я кашлянул:

— Ты хочешь сказать, что у Павлика тоже четвертая отрицательная?

— Да. Но я и не предполагал, что они и ребенка могут... Даже когда к нам первый раз из ювенальной полиции с проверкой пришли, не думал, что всё так получится. Жабы! Своими руками давить буду!!

— Валить вам надо из станицы...

— Я знаю. Но сначала мы твою Настю выручим. У меня коллега есть, брат которого шашлычную рядом с полицейским участком держит. Соответственно, кое-какие связи в той среде имеет.

Да, это действительно самый оптимальный вариант. Я ведь сначала вообще невесть что подумал, когда про Настю узнал, а тут — довольно обычная история. Ну сцепилась с ментами и попала в кутузку. Нет, конечно, могут припаять «сопротивление органам», но при наличии «барашка в бумажке» этого не произойдет. Главное — вовремя подсуетиться и дать полицейам знать, чтобы они не нагнетали обстановку, так как мы готовы платить. А Костя тем временем продолжал:

— Просто у полицаев, считай, такса на все случаи имеется. Вот за что Анастасию забрали, стоит где-то в районе трех-четырех сотен гринов. Но при наличии знакомых цену могут скинуть. И ты, Сергей, не волнуйся. У меня деньги есть ее выкупить.

— Дык и я не нищий. А вам с сыном из города уезжать надо. Так что тебе бабки нужнее. Ты меня только с этим знакомым сведи, а дальше я сам разругаю.

— Нет, не пойдет. Настя ведь моего сына спасала, поэтому я перед ней в долгу. А вообще, — Дубинин внимательно посмотрел на меня, — тебе с этой девушкой очень и очень повезло. Ты ее не обижай...

Хмыкнув на сие пожелание, я ничего не ответил. Да и что было отвечать? Поэтому дальнейший путь мы прошли в молчании. Сдали Пашку на руки Костиному приятелю и

двинули к Вазгену-шашлычнику.

В общем, буквально через час после того, как Настену забрали в участок, к полицейям уже был послан переговорщик. Вазген пробыл у служителей Фемиды недолго, я даже не успел добить четвертую сигарету. И, подойдя к нам, этот пожилой мужик успокаивающе поднял руку:

— Нэ волнуйтэс, все нормално. Дабазарылся. Хотят трыста пыысат. И еще сто — Магомеду. Дэвюшк его очэн силно пнула, он до сих пор ругаца.

Я кивнул:

— Хорошо! Когда можно ее забирать?

— Шас дэнги передам, потом из БОГС отвэт прыдет, и после обэда можно забырат.

Окаменев и чувствуя в животе тугой, холодный ком, я с трудом выдавил:

— При чем тут БОГС?

Вазген, к счастью, не обративший внимания на мой голос, пожал плечами:

— Та баба, из ювэналист, сыльно матом крычала. Ей юпка испачкалась и куртка. Она гаварыла: «Нападэние на полисая эта — тирарисм» и пасылала запрос. Ничего сытрашного. Как БОГС отвэтит, что они твою дэвюшка савсэм не разыскивал, и полицей дэнги возмет — ее отпустят.

После чего, пожевав губами и сочувственно глянув на нас, он добавил:

— Толко вы дэнги быстро ищит. А то Магомед передумат можэт. Он очэн сылно злой. Когда яйцо пройдоет, мстыт станэт и...

Мужик замолк, покачав головой, а я, скрипнув зубами, двумя руками пожал ему руку и ответил:

— Благодарю вас, уважаемый. Мы деньги быстро принесем!

Удивленный Костя попробовал было дернуться, объясняя, что баксы при нем, но, ухватив его за предплечье, я вытолкал Дубинина из шашлычной и приказал:

— Сейчас ты хватаешь в охапку сына и уходишь из города! Куда угодно! А если на тебя выйдет БОГС, то скажешь правду. Дескать, Настя — просто соседка, а меня так вообще практически не знаешь. Понял? Теперь — вали!

И, не слушая его удивленных вопросов, достал из кармана телефон, набирая знакомый номер. После нескольких гудков трубку поднял Цыган, и я сразу начал говорить:

— Привет, братан! Это Серега. Слушай, тут у меня проблема в станице нарисовалась — сестренка в больничку попала. Вроде совсем мелочь, но доктора, на всякий случай, анализы в инфекционку отправили. Теперь ждут результатов. Ты батэ на всякий случай перезвони, а то вдруг кто еще заразится?

— Понял. Бате обязательно скажу. А ты к нам приезжай, вместе обдумаем, как лечить.

Я цыкнул зубом:

— Не, братишка, ты не все понял. Сестренка у меня единственная и любимая. Замуж опять-таки собралась. Как я ее тут одну оставлю? Часа через три навещу обязательно. Узнаю, где лежит, цветочков добуду и навещу.

Федька на том конце, захлебнувшись возмущением, рывкнул;

— Не сметь! Я тебе запрещаю! Отец точно выпорет!

— Да по бую. И если вы через пару часов мне фруктов и овощей для болезной подкинете, по гроб обязан буду. А нет — так нет. Что-нибудь сам придумаю. И еще одно, брат, — просто так звонить не надо. Только если фрукты с цветами привезете или скажете, у кого их здесь найти можно. Пока!

Не слушая больше булькающую трубку, я, устало выдохнув, нажал кнопку отбоя. И чего там Цыган так надрывался? Мне и самому прекрасно известно — неисполнение приказа в боевой обстановке у смирновцев карается весьма сурово. В принципе, так же, как и в любой нормальной армии. Только что-то это совсем не страшит, потому как дожить до наказания шансов у меня нет. В одиночку вытащить Настю — нереально. Только зная, как зачастую поступает БОГС с попавшими к ним членами Сопротивления, я к ней пробьюсь. Наизнанку вывернусь и все принципы морали откину, но пробьюсь. А дальше у нас с ней

лишь божий суд останется. Эх, как же мне на душе хреново. Врагу такого не пожелаешь...

Ладно, пора завязывать с соплями! Времени и так очень мало, а сделать предстоит много. Для начала стоит прикинуть, где можно быстренько добыть ствол. И разобраться, наконец, с этим тормозом — Дубининым! Закуривая сигарету, я раздраженно спросил у стоящего Кости:

— Парень, ты что — тупой? Тебе же сказали уматывать отсюда! Да побыстрее!

Но Костя не спешил уходить. Наоборот, он тоже закурил и поинтересовался:

— Серега, ты объясни, что случилось? Почему ты как про БОГС услышал, аж позеленел?

Терять мне было нечего, и, желая поскорее от него отделаться, я ответил:

— Да все просто, земляк! Настена в розыске как особо опасная «колхозница». А здешние полицаи ее данные в БОГС отправили. Обработка информации и прочая бюрократическая волокита там длится от четырех до шести часов. Днем — медленнее, ночью быстрее. Это от трафика зависит. Но в хорошее я давно не верю, и поэтому через четыре часа в здешнюю ментовку придет бумага о передаче моей невесты в Бюро. А так как я спокойно этого ждать не собираюсь, то скоро тут поднимется большой тарарам. И потом, если вдруг мое тело опознают, то тот же Вазген тебя первым сдаст. Ведь это ты меня к нему привел. Так что дуй отсюда, не мешай думать!

Дубинин в начале моей речи удивленно поднял брови, но к ее окончанию пришел в себя и на предложение уходить побыстрее, ощерился:

— Спешу и падаю! Мне эта девчонка вообще-то сына спасла! Поэтому не выеживайся и рассказывай, что ты задумал, чтобы ее вытащить? Твои знакомые, насколько я понял из разговора, в это дело влезать не будут. Так что остаемся только мы с тобой. И так как гранатомета или, — тут он усмехнулся, — «фруктов с овощами» у тебя за пазухой я не наблюдаю, то, чтобы думалось лучше, сразу дам информацию: у меня есть «Выхлоп»³⁴ и к нему тридцать патронов. Еще — «Каштан», с полным бэка, «Грач», с парой магазинов и полусотней патронов россыпью. Две «РГО»,³⁵ три «Ф-1» да одна «ГСЗ».

От услышанного я так удивился, что меня даже тоска слегка отпустила:

— Хренассе! Откуда дровишки?!

Костя насупился:

— Там уже нет. Да и какая сейчас разница?

Действительно — разницы нет. Но закрома этого «корнета» меня впечатлили до невозможности. С такими возможностями можно не просто тарарам устроить, а очень большой тарарам! И если парень согласится помогать, то возможность добраться до Настены из почти нереальной превращается во вполне осязаемую. А это хоть какая-то надежда! Теперь надо уточнить:

— Где вся эта радость лежит? В пределах досягаемости?

Дубинин кивнул:

— В заброшенной кочегарке, что на пустыре, за домом. Так как, может, времени терять не будем и пойдем? А по пути ты мне расскажешь свою идею.

Я почесал нос:

— Хм, теперь надо все заново обдумывать...

— Ну это само собой. А сначала как планировал действовать?

— Исходя из вводной. Предполагалось добыть оружие и выяснить места обитания наиболее влиятельных людей в станице. Таких как: начальник полиции, мэр или здешний криминальный «смотрящий». Узнать, где находятся их семьи, и, желательно — внутрисемейные расклады. То и другое достигается путем захвата и «потрошения»

³⁴ ВССК «Выхлоп» — винтовка снайперская специальная крупнокалиберная. Кал. 12.7 мм.

³⁵ Ручная противопехотная оборонительная граната.

патрульного экипажа полиции. На всё про всё — час. Еще час — на подготовку к захвату наиболее перспективного заложника, или заложников. После чего выдвигаю требование о встрече с Настей. В общем, где-то так.

Костя дернул щекой:

— Даже если всё срастется в елочку и у тебя это получится, вас никуда уже не выпустят... Понятно теперь, почему ты про опознание тела говорил. — И, помолчав, тихо спросил: — А что, другого выхода нет? Ну там, собрать ударную группу и с пересылки отбить? Или с зоны выкупить?

— Нет. В БОГСе человека ломают. По-разному. Кого морально, кого физически. А под конец, дабы убедиться, что пленный ничего не утаил — сведения перепроверяются медикаментозными допросами. В итоге: из особо упорных получается или калека, или овощ. А Настя у меня — очень упорная. Так что лучше быстрая пуля, чем долгие мучения...

Дубинин, шагая рядом, какое-то время помолчал и со злостью спросил:

— А почему те люди, которым ты звонил, отказались помогать? Они же из Сопротивления?

Я остановился и, ухватив собеседника за отворот куртки, прошипел в его породистую морду:

— Да потому что это — война! И они правы, так как первоочередная задача — эвакуация Настиной ячейки из Калаянской и подчистка прочих «хвостов»! А атаковать госучреждение, чтобы вытащить самого обычного, рядового члена подполья, теряя при этом обученных бойцов, и практически без шансов на успех, это глупо и нецелесообразно! Понял?!

Костя осторожно освободил свою куртку:

— Понятно, как не понять. Все должно быть подчинено высшей цели. Прямо как у нас...

— Где это — «у нас»?

— В спецуре.

Постепенно остывая, я уточнил:

— А кем ты служил?

— Комодом,³⁶ в четвертой бригаде СпН. А под конец, когда почти никого не осталось, старшим снайперской пары.

Услышав ответ, я даже с шага сбился. Ну нехило! Ведь, насколько мне известно, остатки четвертой бригады, которую мотало по всей территории бывшего СССР, практически все погибли, прикрывая выход паромов с беженцами из Красноводска. А исклеванные чайками головы ее погибших бойцов радостные победители развесили на ограде припортового газового терминала. Но потом случилось странное: через два дня после окончания боев, когда Киричик-хан решил полюбоваться на новые владения, несколько неизвестных снайперов расстреляли и полевого командира, и его ближайшее окружение. А под занавес кто-то так рванул терминал, что в огне запеклась еще почти сотня бандитов. И главное — никаких следов и зацепок эти люди после себя не оставили. Хотя прямо сейчас зацепка появилась. С интересом взглянув на Дубинина, я спросил:

— Ага, так получается, это ты в Красноводске «отжигал»?

Парень, усмехнувшись удачно подобранному слову, кивнул:

— Долг у нас оставался, вот и пришлось вернуть. Хотя это и было «нецелесообразно»... Да, кстати, Серега, сразу хочу предупредить: даже не думай, что возьмешь оружие, а меня прогонишь. Я своих не бросаю. От этого и пляши.

Огибая лужу, я ответил:

— Спасибо, братан! Но дело совсем гиблое, а у тебя сын... Ты мне и так с оружием конкретно помог. А вместе идти — смысла нет. Сам ведь сказал: нас уже не выпустят.

³⁶ Комод — командир отделения.

— Ладно, сейчас придем, подумаем там и решим, что делать. И, кстати, твой начальный план не пойдет, — опережая мой вопрос, Костя продолжил: — Влиятельных уголовников в нашей деревне просто нет. Главполицей, насколько мне известно, третий день зависает у родственников на свадьбе, в Яблоневке. А мэр... Ха!

И Костя коротко рассказал мне про здешнего первого руководителя. Тот был очень уважаемым человеком по имени Рамзан Кардоев и являлся полноправным представителем большого, сильного и гуманного тейпа Кардоевых. Их клан славился тем, что своих кровников вырезал подчистую, а прочих противников (в этом-то и заключается гуманизм) лишь точно. То есть даже дикие абреки из джамаата или эмирата, будучи в здравом уме, на его деланку не суются.

— Ты думаешь, почему в той же Яблоневке полицейский участок на осажденную крепость похож: с бетонными блоками, заложёнными окнами и БТРом перед входом, а наши полицаи словно на курорте живут? Именно поэтому. И еще учти — у Кардоева только постоянной охраны человек пятнадцать наберется. А по первому свистку, в течение часа, еще сотня до зубов вооружённых родственников набегит.

Остановившись, я сплюнул:

— Вот же гадство! Ладно, буду прикидывать что-то другое. Но к Насте все равно прорвусь! Пусть даже через парадный вход! Благо — гранат хватает... Блин, нам бы взрывчатки какой, совсем по-другому можно было бы все устроить!

Дубинин, глядя на меня, нахмурился, о чем-то напряженно думая, а потом, показав жестом, чтобы я ему не мешал, достал телефонную трубку и принялся набирать номер. Через несколько секунд он преувеличенно бодро сказал:

— Матвеич, привет, это Костян говорит! Слушай, у тебя твои фирменные принадлежности для рыбной ловли еще остались? Ах, так ты их обновил?! Как в прошлый раз? Очень хорошо! Поделишься? Ну конечно, конечно! Давай, через полчаса буду! — после чего, повернувшись ко мне, улыбнулся: — Килограммов пятнадцать тротила тебя устроят?

В голове промелькнула вся прелесть использования подобного богатства, и я возбужденно спросил:

— А детонаторы, детонаторы у него есть?

— Они есть у меня. Три ПиПа³⁷ с электродетонаторами и КПП.³⁸ Только батарейки надо новые прикупить, а то там аккумуляторы наверняка уже стухли.

Йес! Хоть в голове и прозвучал вопль американского восхищения, обозначил я его почему-то не как положено, а чисто по-русски — от локтя. Даже не знаю, что это должно было значить. Наверное: «как я рад! А вам всем — вот! Выкусите!». В общем, исполнив сей ритуальный танец, я впервые за последние полтора часа улыбнулся и, пихнув Костю в плечо, от души сказал:

— Спасибо, брателло! Тогда сейчас как поступим — ты сразу к этому Матвеичу пойдешь?

Дубинин мотнул головой:

— Нет, чего время терять? У меня ведь стволы в нычке не боеготовы, а на консервации. Вот пока ты их в порядок приводить будешь, я и сбегая. Кстати, мы пришли.

Когда мы остановились возле раздолбанного строения кочегарки, мне почему-то казалось, что Костины закрома находятся внутри. Но он не пошел по ступенькам, ведущим в воняющий туалетом полуподвал, а двинул вокруг здания. Там, в промежутке между стеной и покосившимся бетонным забором, Дубинин остановился, огляделся, что-то прикидывая и ковыряя носком ботинка слегка оттаявшую землю. После чего, удовлетворенно крикнув, присел и рывком извлек из земли здоровенную кувалду с приваренной вместо ручки трубой.

³⁷ Приемно-исполнительный прибор.

³⁸ Командно-передающий прибор.

Подняв брови, я прокомментировал:

— Вещь, конечно, внушительная, но что-то это не похоже на «Выхлоп»...

— Дуракам половину работы не показывают!

После этих слов, слегка оббив кувалду об забор, чтобы очистить ее от земляных комков, Костя приказал: «А ну — в сторонку», — и со всей дури шваркнул по стене небольшой кирпичной будки, прилепленной к кочегарке. С первого раза у него ничего не получилось, зато с третьего удара несколько кирпичей обрушились куда-то внутрь. Дубинин, уже руками освобождая проход, пояснил:

— Сюда, наверное, на заре веков уголь ссыпали. А потом кочегарка на жидкое топливо перешла и дырку изнутри замуровали. Ну а я, когда это место нашел, уже снаружи вход кирпичом заложил. Чего стоишь, заползай!

Стараясь не испачкаться, я пролез следом за ним и, сидя на корточках, огляделся. М-да, не «Хилтон»... Помещеньице было крохотным — буквально полтора на полтора метра да в высоту — с метр. И в нем было заметно холоднее, чем на улице. Но зато тут я сразу увидел то, зачем мы пришли. Во всяком случае, Костя уже крутил в руках извлеченный из коробки «Каштан». Потом, положив пистолет-пулемет на место, он сделал краткую экскурсию по своему складу:

— Тут масло, тут ветошь, тут патроны, тут гранаты, тут запалы, тут магазины. В общем — разберешься! А сейчас выпускай меня и начинай все в порядок приводить.

Когда я выбрался наружу, то передернул плечами:

— Ну и холодина там!

Дубинин согласно кивнул и предложил:

— Может, снаружи чисткой займешься?

— Да ну на фиг! Приспичит кому-нибудь поссать, в этот закуток зайдет и что?

Мне возразили:

— Кому облегчиться надо, те в кочегарку ходят. Сюда никто не пойдет грязь месить. Но смотри сам. Авось не простынешь! Ладно, я побежал!

Пожелав удачи напарнику, я опять залез в морозное нутро будки и, счищая консервационную смазку с извлеченного из коробки «Грача», принялся обдумывать свои дальнейшие действия.

Глава 10

За те полчаса, пока Кости не было, я успел обиходить всё железо, набить магазины и снарядить гранаты запалами. Да и головой хорошо поработал. Поэтому, когда нарисовался Дубинин с оттягивающей плечо сумкой, вчерне план был готов. Оставалось лишь пара неясных моментов, которые я думал выяснить или у напарника, или путем взятия полицейского «языка». Но новый знакомый оказался просто кладом информации, поэтому «язык» автоматически отменился, так как Костя на мой вопрос спокойно ответил:

— Где именно может сидеть Анастасия? Знаешь, конкретно, конечно, сказать не могу, но там всего шесть камер и все они находятся на первом этаже. С окнами во внутренний дворик. А дежурный справа от входа, в «аквариуме» торчит.

Я удивился:

— Сам-то откуда знаешь?

Собеседник пожал плечами:

— Да как-то раз пришлось в здешнем «обезьяннике» посидеть.

— Нарисовать планировку сможешь?

— Могу, но только первого этажа, да и то не всего. Мне там, знаешь ли, экскурсий не устраивали.

Махнув ладонью, я его успокоил:

— Пойдет! — и, хлопая себя по карманам, поинтересовался: — У тебя бумага с ручкой есть? Нет? Ладно, черт с ними. Вот кирпич, вон забор — рисуй!

Пока Дубинин занимался настенной живописью, я внимал его пояснениям и попутно отогревался. А в тот момент, когда для закрепления сказанного он стал объяснять по второму кругу, у меня неожиданно завибрировал телефон. Глянув на номер, несколько удивился, но трубку поднял:

— Слушаю...

Голос Цыгана, донесшийся из динамика, был сух и деловит:

— Ты сейчас где?

— В Калаянской.

До меня донеслось сдавленное рычание прищемившего пипку носорога, потом Федька прокашлялся и чуть ли не ласково произнес:

— Не тупи, Сережа. Мы тоже здесь. И я, и Чижик. Сидим в нашей «таблетке» возле въезда на площадь перед автовокзалом. Витамины вот болезной привезли. Так где ты сейчас торчишь, волк узорный?!

Последнюю фразу он, не выдержав, просто проорал, а я, улыбаясь во все тридцать два зуба, спросил у Дубинина:

— Как к нам лучше от автовокзала подъехать?

Цыган тут же напрягся, словно электричество:

— Это кто там с тобой?

— Друг, сейчас ему трубу дам, он объяснит, куда рулить...

И пока Костя рассказывал, как нас можно найти, я чувствовал, что в груди разливается какое-то тепло. Надо же! Не бросили меня мужики. И гнева начальственного не побоялись. Поэтому, когда две знакомые морды появились в кочегарском закутке, я даже с некоторой благодарностью выслушал шипящий ор Ступки, а когда он устал, спокойно спросил:

— Чего привезли?

Утомленный Федька, пришедший в себя настолько, что уже мог различать окружающие предметы (в частности — толстый ствол «Выхлопа», торчащий из-под накинута на винтовку тряпки), прокашлялся и с долей уважения протянул:

— Ну сам знаешь, что тяжелых снайперок у нас нет, а так — три комплекта по второй раскладке.

Тут уж настало время удивляться мне:

— Не понял, Федь? Зачем — три?

— Затем, что мы идем вместе!

Твою дивизию! Так, моя очередь:

— Какого х-х-хобота? Вас уже только за то, что стволы мне привезли, за яйца подвешат! Да ты по...

В этот момент подал голос стоящий в сторонке Дубинин. Неожиданно для всех он жеманно произнес:

— Не ссорьтесь, мальчики! — и, ухмыльнувшись, уже нормальным тоном продолжил: — Не кипеши, Серега. Тут собрались взрослые мужики и каждый понимает, на что подписывается. Поэтому, вместо бурного выражения противоречивых чувств, просто скажи им «спасибо» да объясни, наконец, что ты там придумал.

Чиж на эту тираду многозначительно поднял палец:

— Вот! Золотые слова! А ты, кстати, кто?

Я крикнул и взял дело в свои руки:

— Знакомьтесь: это Федор — пулеметчик-золотые руки, это Иван — снайпер от бога. А это — Константин Дубинин. Сержант четвертой бригады спецназа. Был в Красноводске до ПОСЛЕДНЕГО Дня.

Парни уважительно переглянулись и, после церемонии пожатия рук, вопросительно уставились на меня. Я же, посмотрев на часы, шмыгнул носом и, подняв огрызок кирпича, подошел к стене, на которой уже отметился Костя:

— Значит, так, смотрите, вот улица, на которой находится участок. Вот само здание участка. Напротив, через дорогу большой дом с аркой. Предварительная задумка такова: из

имеющейся взрывчатки делаем три фугаса...

А буквально через десять минут, отряхивая руки, закончил:

— Вот, где-то так. За убогость не пеняйте. У меня вводные за полтора часа уже два раза поменялись. А последнее изменение произошло пятнадцать минут назад. Теперь слушаю ваши мысли.

Мыслей у мужиков хватало, и мой, довольно-таки хреноватенький предварительный план совместными усилиями стал постепенно обрастать деталями и приобретать черты нормальной операции.

А уже в четырнадцать ноль пять я, с полиэтиленовым пакетом, в котором лежал завернутый в бумагу шматок ароматного сала, неспешной походкой подошел к крыльцу Аксайского отделения внутренних дел станицы Калаяновской. Поднявшись по ступеням, взялся за ручку массивных деревянных дверей и в последний момент оглянулся. Вокруг под совершенно по-весеннему теплым солнцем расстился мирный пейзаж. Стая воробьев что-то делила возле харчевни Вазгена, из которой минут десять назад ушли последние обедающие посетители. В дальнем конце улицы промелькнул гроыхающий на колдобинах замызганный донельзя грузовик, собачья стая во главе с облезлой шавкой трусила куда-то по своим собачьим делам. Людей практически не было. Даже те две тетki, что шли мне навстречу, уже скрылись в подъезде. Ну вот и хорошо. Если вдруг что-то пойдет не так, то случайных жертв не будет. Выдохнув, я потянул снабженную тугой пружиной дверь на себя и нырнул внутрь. Как и предупреждал Константин, оказался в тамбуре, снабженном с другой стороны массивной решетчатой перегородкой. На звук открываемой двери с той стороны решетки лениво выдвинулся полицай, который, не прекращая ковыряться в зубах, недружелюбно поинтересовался:

— Чито надо?

Сделав просящую морду, я зачистил:

— Да вот, насчет девушки, что вы утром забрали, пришел узнать.

Правоохранитель тем временем добыл изо рта кусочек недавнего обеда, пару секунд его поразглядывал, видно, соображая, достаточно ли он крупный, чтобы съесть, но потом, брезгливым щелчком отправив добытое в сторону, важно поинтересовался:

— Зачём узнават? Вазген все знает. Или у вас бабок нэт?

— Да нет, деньги уже собрали...

Тут откуда-то слева подошел еще одни полицай. Что-то гортанно спросив у первого, он окинул меня пренебрежительным взглядом, хмыкнул и, поправляя автомат, опять выпал из поля зрения. А я уже, в общем-то, разглядел все, что нужно было. Дубинин хоть тут и был почти год назад, но с того времени порядки не изменились. К посетителям должен подходить помощник дежурного. Слева, на лавочке, отирается автоматчик. Когда никого нет, эта парочка обычно режется в нарды за столом, которого мне сейчас не видно, но который должен находиться возле стены. Сам дежурный сидит справа — в «аквариуме». Там же находится и кнопка, открывающая электрозамок на решетчатых дверях. Холл небольшой: где-то шесть на шесть метров. Прямо напротив двери лестница, уводящая на второй этаж. А возле «аквариума» коридор, ведущий к камерам. Чтобы всё это разглядеть, достаточно было просто подойти вплотную к решетке. Полицай же мой интерес растолковал по-своему:

— Чито смотриш? Свой баба тут не увидиш, она в камэра сидит. Вэчером прыходи, тогда гаварыть будэм.

Понятно, что вечером. Вы же теперь, пока бумагу из БОГС не получите, Настену не выпустите. Хотя очень жаль. Была у меня сумасшедшая надежда, что ее прямо сейчас выкупить получится...

— Ну хоть покушать-то ей передать можно?

Собеседник мельком глянул на мой пакет и, брезгливо поморщившись, ухмыльнулся:

— Нэ ссы, эту бият Мага харашо покормит! Он уже почты очухалса... А тыпэр — иды отсуда!

Кивнув, я опустил голову, чтобы никто не увидел выражения моих глаз, и,

повернувшись, последовал указанию помдежа. Выйдя на крыльцо, зло сплюнул: твою мать! Блин, чувствует мое сердце, что полицаи за бабки Брусникину бы сразу отпустили. Что им та цидуля из Бюро? Они ведь и в самых розовых мечтах представить себе не могут, что случайно поймали человека из подполья. Но контуженный в нижнюю голову Магомед жаждет поквитаться. Причем тут же, не отходя от кассы. И я вполне себе представляю, ЧТО именно он собрался сделать с Настей. Но ничего, тварь! Будет тебе сейчас — «почты очухалса». Да так, что яйца точно никогда не понадобятся...

Утешая себя подобными мыслями, я перешел дорогу и, миновав арку, двинул к ожидающему меня Цыгану. Тот вопросительно поднял брови:

— Ну как?

— Нормально. Свяжись с Костей, пусть начинает!

Федька сделал короткий звонок и, пока я, недогнущей рукой выкинув из пакета сало, менял его на скрепленные скотчем бруски взрывчатки, принялся доставать из сумки оружие. А еще минут через пять в отдалении послышался еле слышный, глухой «БУМ!». Ну да, отсюда до центральной площади километра два будет, поэтому даже взрыв десяти килограммов тротила прошел практически незаметно. Но незаметно лишь для жителей микрорайона, а вот для полицейских он оказался очень даже беспокоящим. Хотя сначала все оставалось по-прежнему. Та же тихая улица, то же безлюдье на ней, лишь чуткие воробьи перестали драться из-за крошек и всей стаей вспорхнули на безопасные деревья. А довольно скоро открылись ворота участка и оттуда, завывая сиреной, выехали две машины: черно-белая патрульная, «жигули», да того же окраса «пазик», в котором сидело около десятка полицейских. Вот так вот! Расчет оказался верным — если перед мэрией рвануть безоболочный фугас, то не только тревожная группа, но и все празднующиеся полицаи будут собраны к месту происшествия. То есть теперь в здании, которое мы собираемся брать штурмом, остался минимум людей.

А пока куца колонна ментозавров скрывалась за углом, к арке подкатила наша «таблетка». Задорно скрипнув тормозами, машина остановилась рядом с четырехэтажным домом, и я спросил у выскочившего из нее Чижа:

— Как сработали?

Тот, довольно улыбаясь, ответил:

— На пять! Костя сумку под какой-то «мерс» сунул: там, на площади штук десять машин работников управы припарковано было. Мы дождались, чтобы никого из людей не зацепить, и жажнули! Так тот «мерин» аж до входа в здание снесло, и еще несколько машин загорелось. Плюс какой-то придурок сразу после этого из окна мэрии стрелять начал. В кого — ума не приложу! То есть кипешуют там сейчас не по-детски! А у вас?

— Тоже штатно, — и, повернувшись к Цыгану, уточнил: — Готов?

Тот ответил пионерским лозунгом:

— Всегда готов!

— Тогда: курум пять минут и — работаем!

После перекура, затеянного лишь для того, чтобы растревоженные служители Фемиды умотали отсюда подальше, я, поправив висящий под курткой «Каштан», подхватил пакет с взрывчаткой и снова направился к зданию полицейского участка. Но на этот раз внутрь заходить не стал. Просто открыл дверь, выдернул чеку, пихнул ногой пакет, который скользнул к самой решетке, и громко, с подобострастием в голосе, произнес:

— Господин полковник, проходите!

После чего отпрыгнул назад и, свалившись со ступенек, залег, широко открыв рот. А через две секунды жажнуло так, что сорванная с петель входная дверь, вылетев, словно невесомое перышко, шлепнулась посередине дороги. Тряхнув гудящей головой, я, одним движением раскатал шапку с прорезями для глаз, вскочил и с оружием наизготовку бросился в пылящую муть дверного проема. Как и было рассчитано, решетка тоже не выдержала испытания взрывной волной, потому теперь проход внутрь был открыт. Видимость, правда, была просто отвратная, так как белесая взвесь потревоженной штукатурки позволяла что-

либо разглядеть не далее чем на три-четыре метра. Но все, что надо, я увидел сразу. Гнилозубый помощник дежурного валялся на полу. Точнее, большая его часть. Куда делась рука с плечом, не знаю. Автоматчик лежал в шаге от него. Внешне — почти как новенький, только голова странно сплющена. Нет, не зря я сказал свою коронную фразу, прежде чем пакет швырнуть. Эти два хмыря ее, разумеется, услышали и тут же двинули посмотреть, что это за неведомый полковник решил посетить их захолустье? Вот и посмотрели... В общем, короткого взгляда на помдежа и часового хватило, чтобы убедиться в их полной безвредности, и я, освобождая дорогу дышащему в затылок Цыгану, рванул в сторону «аквариума», где среди осколков стекла слабо трепыхался дежурный. Его, похоже, нехило контузило, но какая-то часть мозга оставалась вполне работоспособной, поэтому, когда полицейский увидел у себя под носом ствол, он тут же проникновенно попросил:

— Нэ убивай, брат!

Мне было не до рассусоливания, поэтому, выдернув у противника пистолет из кобуры и слегка встряхнув этого недобитка, рывкнул:

— Утром девушку сюда привезли. Где она сидит?

Тот, как будто всю жизнь ожидая подобного вопроса, ни на секунду не задумываясь, выпалил:

— Трэтий камер! Вот, вот ключи!

— Иди, показывай!

Пока я вытаскивал его из дежурки, ноги у пленного подгибались и, если бы не моя поддержка, он бы упал, но даже в этом состоянии полицейский не забывал об отмазках:

— Мы её пальцем не трогал! Только водитэл, еще утром, сапсэм нэмножко по щеке ударыл...

Но, услышав мой глухой рык, замолк и торопливо загремел ключом, открывая дверь камеры. А за дверью... за дверью стояла Настя. Поза напряженная, волосы растрепанные, глаз сверкает! Думаю, сверкали бы оба, но второй закрывал шикарный бланш на пол-лица. В общем — фурия! Или гарпия? Нет, все-таки — фурия, у гарпии вроде крылья должны быть... А, да какая разница, главное, что жива и практически здорова! Отпустив ворот служителя правопорядка (тот немедленно сполз по стеночке на пол), я дернул за край маски, открывая лицо:

— Свои.

Неповрежденный глаз девушки округлился, а на лице любимой промелькнуло странное выражение. На секунду даже показалось, что она просто не поверила тому, что увидела. Только вникать в детали было некогда:

— Сама идти сможешь?

— Да.

— Тогда — держи!

Сунув Насте в руку пистолет, я натянул маску обратно и уже хотел пинком отправить дежурного в ее бывшую камеру, но Брусникина, жестом остановив меня, слегка склонившись к полицейскому, спросила:

— Эй, ты, мудака, где моя сумка с документами и ноутбуком?

Тот икнул и, опасливо глядя на нее, доложил:

— В сэйфэ. Он в дэжурке стоит. Сичас все дам!

После чего, направляемый тычками, посеял в свой разоренный «аквариум». Выдав девушке требуемое, он, прижав ладони к груди, снова завел волынку про «не убивай». В этот раз тон был не проникновенный, а какой-то истеричный. Я, в общем-то, и не собирался валить этого хмыря. Никакого сопротивления мужик не оказывал, помогал по мере сил... Поэтому думал просто влить ему по башке, отправляя в аут и уйти. Но у Насти было свое мнение. Сузив глаз, она чуть ли не ласково поинтересовалась:

— Не убивать? А кто хотел меня «на хор» поставить и своему псу — Магомеду, советы давал: после всего бутылку ТУДА забить, чтобы детей у «русской билад» никогда не было? Так что извини, джигит!

Полицай от ее слов отшатнулся, безнадежно взыв, а Брусникина быстро подняла руку с пистолетом. Но выстрелить не успела: «Каштан» в моей руке коротко дернулся, и тело врага сползло по стенке. Теперь, глядя на труп, я жалел лишь о том, что Магомед уехал вместе с тревожной группой. Но это сожаление длилось не более двух секунд, после чего, скомандовав «уходим», подтолкнул девушку к выходу. По пути в холл глянул на часы: с момента начала операции прошло чуть больше четырех минут. Да что там говорить — даже штукатурная пыль, поднятая взрывом, не успела осесть. Ну мы могём! Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!

Проскакивая мимо Цыгана, контролирующего лестницу, я ему кивнул: дескать, все в порядке, и, дойдя до выхода, высунулся на улицу. Обстановка там оставалась практически без изменений, лишь какой-то мужик удивленно поглядывал то на валяющуюся на асфальте дверь, то на дверной проем. А увидев мою черномасочную морду, тут же быстренько нырнул в ближайший подъезд. Да еще в шашлычной Вазгена несколько лиц прилипло к окнам, но, когда мы стали выходить, все любопытствующие моментально скрылись в глубине помещения. Поэтому, стараясь не сорваться на бег, спокойно перешли дорогу и, пройдя через два двора, застроенных трехэтажными панельными домами, загрузились в УАЗ, который сразу же тронулся и резво покатил к промежуточной точке нашего маршрута.

Пока рассаживались, я спросил у Ступки:

— Что, со второго этажа никто даже не появлялся?

Тот, с интересом разглядывая Настю, пожал плечами:

— Слышал я шаги какого-то особо смелого, но в этот момент ты стрелять начал, так этот смелый тут же свалил.

Ну на что и был расчет — все боеспособные сдернут к мэрии, а оставшаяся наверху секретарская шушера никуда соваться не станет. Возможные оперативники, которые тоже могли оказаться в кабинетах, особой опасности не представляли. Вряд ли среди них найдется дурак, который с пистолетом поперет против террористов, осмелившихся на штурм полицейского участка. А вот звонить и рассылать хэлпы они, разумеется, станут. Но не сразу. То есть с минуту после взрыва все будут приходить в себя и соображать, что же произошло? В окошки посматривать, друг на друга недоуменно пялиться. То есть понятно, что где-то что-то взорвалось, но что именно? Может, баллон газовый рванул? Потом наиболее любопытные пойдут вниз. Где нарвутся на очередь Цыгана, и лишь только после этого до оставшихся в здании дойдет, что они атакованы. Тут-то и начнутся звонки да судорожное создание баррикад из офисной мебели. А как раз на этот случай оставшийся недалеко от мэрии Дубинин ровно через пять минут после начала операции должен рвануть остатки нашего тротила. По задумке, это сильно притормозит возвращение полицейских. Сам же Костя, после дистанционного подрыва, пойдет к своему знакомому, за сыном. Где мы и встретимся. Так что пока все идет по плану... Поэтому, удовлетворенно кивнув на слова Цыгана, я улыбнулся Настене:

— Ты как?

Она, одарив меня огненным взглядом, ответила:

— Я-то нормально. А вот ты, Корнев, похоже, окончательно стукнулся кукушечкой о темечко! Нет, я знала, что от тебя можно ожидать всего, но ведь не настолько!

Опешив от столь неожиданной тирады, я вытаращил глаза, не зная, что и сказать. Вообще-то, предполагалось совершенно другое. Думал, будут бурные объятия и страстный поцелуй спасителю. После чего — знакомство моей невесты с парнями. А тут, извиняюсь за выражение, херня какая-то! Брусникина тем временем не унималась, но хоть дала понять причину недовольства:

— Мало того что сам идиот, так еще и ребят подставляешь! Это ведь нужно быть таким недоумком, чтобы в полицейский участок полезть! Самому голову в петлю сунуть!

Федька, сидя на лавочке напротив нас, сначала тоже было удивился, но потом понимающе ухмыльнулся и громким шепотом сказал:

— Видал, Чижик? Вот это и есть настоящая женщина и настоящая любовь! Сейчас

Волка морально попинают, а может, и не только морально, зато потом пойдут рыдания на груди и слова безмерной благодарности!

Возможно, многоопытный Цыган и имел дела с подобными барышнями, но насчет Насти он не угадал, так как после его слов она буркнула:

— Все вы — дураки!

И молча уставилась в окно. А я, кажется, начал понимать, в чем дело. Девчонка ведь к страшному готовилась. Пусть даже про Бюро она и не знала, но того, что собирались с ней сделать в полиции, любому за глаза хватит. А теперь у Насти отходняк. Слишком неожиданным получился переход от отчаяния к спасению. Вот ее и плющит. В таком состоянии лучше всего было бы напиться и забыться, но этого пока делать нельзя. Еще можно отвлечь ласками и сюсюканьем. Но это неизбежные долгие слезы и возможная истерика. Кстати, эта истерика может последовать в любую минуту. Поэтому вусмерть поить ее будем позже, а сейчас надо действовать жестко:

— Начнем с того, что я уже три месяца не Корнев, а Волков. Это — первое. Второе — через час после того, как тебя взяли, выяснилось, что запрос относительно вас, барышня, ушел в БОГС. То есть в этом случае и речи быть не могло о простом выкупе. Речь уже шла о Каляинском подполье как таковом. Которое ты, боец, своей необдуманной выходкой поставила на грань провала.

Так, похоже — получается! Теперь Настины мысли вились не только вокруг воспоминаний о похотливых полициях. Повернувшись ко мне, она недоверчиво спросила:

— Это ты сейчас правду про БОГС сказал?

Я кивнул:

— Баба-ювеналистка, которую ты в лужу уронила, шум подняла. Уж очень ей хотелось тебя на нары закатать. А полицаи, те просто хотели денег. Поэтому ее успокоили, но запрос уже ушел.

— И как вы решились?..

Она не договорила, но было понятно, что имелось в виду. Пожав плечами, ответил:

— А какие еще были варианты? Вечером тебя бы уже передали в Бюро, а там, как ты понимаешь, разговор пошел бы совершенно другой.

Про то, что я собирался сделать одиночный самоубийственный налет, говорить ей не стал. И про то, что самым лучшим выходом для нас обоих считал уход на досрочную реинкарнацию, тоже. Во-первых, этого не произошло, во-вторых, от всего этого слишком пахло мелодрамой, а в-третьих, зачем лишний раз тревожить любимого человека? И тут Брусникина меня очередной раз удивила. Шмыгнув носом, она заявила:

— Был у меня вариант! — после чего, покопавшись за пазухой, извлекла нечто, завернутое в кусочек фольги, и предъявила мне: — Вот!

Подозрительно глядя на ее ладошку, я поинтересовался:

— Это что такое?

Настя, развернув фольгу, предъявила крохотную таблетку и просто ответила:

— Яд. Быстродействующий яд. Так что ни БОГС, ни те подонки мне бы не успели ничего сделать...

А потом у нее из глаз быстро-быстро закапали слезы, и я понял, что психотерапевт из меня получился крайне хреновый.

Глава 11

Чуть позже, забрав Костю с сыном, мы приступили ко второй части операции. А именно — к отходу. План был простой: не залегать на дно в Каляинской, а наоборот — выскочить из станицы, пока не объявили «антитеррор». Самым главным аргументом стало то, что Костя знал брод, дающий возможность объехать пост на мосту. И задумка почти удалась. М-да... ключевое слово тут: «почти». Нет, брод существовал. И Дубинин с ним не промахнулся. По времени мы тоже замечательно укладывались, так как с момента первого

взрыва на площади и нашего подъезда к реке прошло немногим более двадцати минут. Только вот никто из нас почему-то не учел теплую погоду и в особенности сегодняшний жаркий день. Поэтому когда мы подкатили к этой переправе, сидящий рядом с Чижом Костя мрачно выдохнул:

— Приехали.

Я, оторвавшись от важного дела утешения любимой девушки, встрепенулся:

— В чем дело?

— Видишь — вода разлилась и тот берег подтопила. Сядем, ей-богу, сядем!

Выйдя из машины и хлопнув дверью, я окинул взглядом водную преграду и задумчиво нахмурился. С одной стороны, она производила несерьезное впечатление — небольшой участок мутной воды, по которой неторопливо плыл разнообразный сор. С другой — уровень речки поднялся, и коли застрянем, то будем тут торчать, как прыщ на носу у красотики. А до окраины Калаяновской, скрытой сейчас за небольшим бугорком с голыми кустами на макушке, всего метров пятьсот. И лебедки на «уазике» нет... Черт, а как все хорошо складывалось! И ведь главное — в станицу возвращаться довольно стремно. У Дубинина там просто нет знакомых, которые бы нас приняли. Матвеич, поделившийся взрывчаткой, мог бы приютить, но у него в соседях: слева дом полиция, а справа семейка, с которой он в жестких контрах. То есть стукануть о непонятных гостях могут с обеих сторон. Стоп! А что у Насти? Шагнув обратно к машине, я поинтересовался этим вопросом. Но и тут случился облом. В последний раз шмыгнув носом, она объяснила, что никаких подпольных групп в станице не было, а был резервный контакт — молодая супружеская пара, которая являлась просто связниками. Все бы ничего, только они еще два дня назад уехали в большой матери в Яблоневку. Разочарованно выдохнув, на всякий случай спросил:

— А подружки? Ну те, которые вчера на днюхе у Ольги были? Сама Ольга, понятно, отпадает. К ней, как к соседке, обязательно полиция заглянет опрос провести. Да плюс Костю с сыном там же ювеналисты будут поджидать. А Люба или Елена?

Брусникина, которая уже поняла, что ничего еще не кончилось и расслабляться рано, окончательно пришла в себя и через пару секунд раздумий отрицательно качнула головой:

— Отношения не те. Сдать не сдадут, но могут просто не пустить. Лена с родителями живет, а Любка... она довольно странная, и с ней в серьезных делах лучше не связываться.

Блин, при таких раскладах проверять благосклонность Настиных знакомых мы не можем. А уходить отсюда надо. И побыстрее, а то нас всей толпой тут повяжут. Хм, толпой... толпой? Так, но кого именно сейчас искать будут? Правильно — «колхозницу» и двух неизвестных мужчин. Значит, надо разделить! Озаренный новой идеей, я спросил у Дубинина:

— Отсюда до поста по прямой сколько?

— Километра два.

— А по дороге?

Дубинин пожал плечами:

— Ну где-то километров пять. — После чего поинтересовался: — Чего ты задумал?

Не обращая внимания на вопрос, я продолжил:

— Глубина брода обычно какая?

Он, похоже, начал что-то понимать:

— Сантиметров семьдесят. Грузовики свободно проходят. Но сейчас, наверное, в районе метра. Дно песчаное. А наша машина сядет, потому что с той стороны берег глинистый да водичкой хорошо смоченный. Вот в этой глине, скорее всего, и забуксуем.

— Понятно... Значит, поступим так — ты с Федором и Павликом, не торопясь, едете через пост. Особо тормозить вас не должны. Сейчас активно будут искать ее, — кивок на Настю, — и пару террористов. А на двух мужиков с мальчонкой внимания обращать не станут. Ну а мы своим ходом двинем, и вы нас на дороге подберете.

Чиж кивнул, соглашаясь с этой идеей, и, мрачно посмотрев на реку, уточнил:

— Стволы где-нибудь на берегу или в лесочке сховаем?

Я на пару секунд задумался, а потом мотнул головой:

— Частично. Но «Выхлоп» и пару автоматов мы возьмем с собой. Чего-то у меня предчувствия дурные появились. Слишком уж хорошо все до этого складывалось...

Востриков негодуя пробурчал:

— Просто освистунеть, как хорошо. — Ткнув в сторону речки, объяснил свое недовольство: — Сейчас не май месяц и вода там — жидкий лед! Но твоей чуйке я верю. А, кстати, что она говорит?

— ХЗ. Свербит что-то, а что — не пойму...

Мне действительно было непонятно, откуда взялось это гнетущее ощущение тревоги. Как будто мы где-то накосячили и чего-то упустили. Я даже было грешил на видеокамеры, стоящие на перекрестке, но потом отмел эту мысль. К участку на машине не подъезжали. Садись и выходили из «таблетки» вне зон наблюдения. Значит, их можно исключить. Проследить нас никто не мог. Когда уходили от здания полиции, я специально поглядывал, чтобы какой-нибудь особо отважный клерк не стал играть в Джеймса Бонда. Может, в самом участке камеры слежения были? Не заметил, но даже если и были, работали-то мы в масках. Да и вряд ли здешние полицаи с такой скоростью обработают информацию. Но — давит, давит... Ладно, хватит самокопанием заниматься, время уходит! Тряхнув головой, скомандовал:

— Так, народ, давай быстрее шевелиться, а то еще принесет сюда кого-нибудь...

И пока Костя с Цыганом прятали оставляемое оружие и снаряжение, я, уточнив у Дубинина пару вопросов, вздохнул и принялся раздеваться. Ой-ё! На улице было тепло, но земля оставалась очень холодной. Что же с нами станет в воде, не хотелось даже думать. Раздевающийся Чиж тоже предвкушающе кряхтел, поглядывая на реку. Тут меня удивила Настя, которая вдруг принялась расшнуровывать кроссовки. Глядя на девушку, я раздраженно выдохнул:

— Ну и куда намылилась? Ишь ты — моржиха-разрядница! На мне поедешь. Как Чебурашка. Я понесу тебя, а ты понесешь оружие! Понятно?

Она кивнула, и так как мы уже были готовы, переправа началась. Самым фиговым в ней было две вещи — подмороженные лет шесть назад пальцы на ногах тут же стало дико ломить, а ступни постепенно потеряли чувствительность. И эти сорок метров, пройденные по пояс в ледяной воде, показались мне километром. Тем более что шел очень осторожно, опасаясь споткнуться и уронить сидящую на закорках Чебурашку, то бишь Брусникину. Хорошо еще — Ванька не рванул вперед, словно лось, а постоянно держался справа, подстраховывая.

Но рано или поздно все заканчивается, поэтому уже через пять минут, мы, поднявшись по пологому скользкому склону (машина наверняка бы застряла) и выбравшись на берег с другой стороны речушки, спрятавшись в прозрачных кустах, принялись спешно одеваться. А так как Настя отошла чуть дальше, чтобы не смущать наши белопопые организмы, натягивающий штаны Чиж, пользуясь отсутствием барышни, стуча зубами, высказался:

— У-у-з-з-з... Ух-ха! Если мне сейчас приспичит помочиться, то я не смогу этого сделать!

Трясаясь в ответ, я поинтересовался:

— Почему?

— Да потому что у меня все так втянулось, что держаться не за что! А ссаться в штаны с детства отучен!

— Ничего, с нас сейчас пар пойдет!

Притопнув зашнурованным ботинком и морщась от ощущения волглости в нем, спросил:

— Ты как, готов? — Получив утвердительный ответ, скомандовал: — Двигаемся по распадку. Наверх не выскакиваем. Бегом марш!

Я оказался провидцем, и уже метров через восемьсот мы полностью согрелись. А так как бежали не по гаревой дорожке, а все больше по грязи да буеракам, то к концу забега

даже взмокли. Разумеется, ни о каких нормативах в данном случае речь не шла, потому что Настя, хоть и была девушкой спортивной, но к нашей лошадиной жизни оказалась непривычной. С другой стороны, мы успели и добежать, и занять позицию до того, как появилась наша машина. Ну так еще бы — ребята, чтобы дать нам фору, в магазин заехали кое-каких продуктов прикупить. То есть все складывалось в елочку до тех пор, пока я не стал наблюдать за тем, что же творилось на посту. А там было нехорошо. По словам Кости, возле черно-белого вагончика обычно пасутся трое полицаев. Старший сидит внутри (ему, особо «вкусные» водители фур прямо туда дань несут), один машет палкой, и еще один осуществляет вооруженную поддержку палкомахателю. Да я это и сам видел, когда в станицу ехал. Но сейчас, прямо на моих глазах, дымя черным выхлопом, к посту подъехал БТР. Оставалось лишь сплюнуть от злости, потому что если бы не моя перестраховка, то ребята успели бы проскочить до усиления. Или не успели... На посту, к этому, времени уже стоял какой-то «зилок», старая «Ауди», вазовская «девятка» и, к моему удивлению — телега, запряженная ишачком. Но впрочем, почти весь транспорт, включая гужевой, полицаи быстро разогнали, оставив только двух мужиков и какую-то бабу, извлеченных из «Ауди». Наблюдая в прицел «Выхлопа» за постом, я лишь пожал плечами на это рвение, так как бабе было лет под пятьдесят, и на беглую «колхозницу» она никаким боком не походила. Мужики также на террористов не тянули. Один старик с палочкой, а другой — пузан, возмущенно размахивающий руками. До полицаев этот факт тоже дошел довольно быстро, и после нескольких минут разборок, швырнув в лицо толстяку документы, они махнули рукой, дескать — валите отсюда! Ну-ну, теперь остается посмотреть, как они отнесутся к двум молодым мужикам и ребенку, которые собрались выехать из станицы. По логике, ребят надолго задерживать здесь не станут. Но любая логика в столкновении с полицейской нелогичностью может дать сбой, поэтому, увидев вывернувший из-за поворота знакомый «уазик», протянул «Выхлоп» Чижу и сказал:

— Приготовься. Если вдруг что-то пойдет не так, сначала выбиваешь тех хмырей на бэтэре. Благо их всего трое приехало, а не целое отделение. Судя по форме — какие-то вояки. Командир сейчас в вагончике, механ в ящик ЗИП полез, а наводчик из люка торчит. Начни с наводчика. Потом — по обстоятельствам. Ну счастливо!

Брусникина, услышав наш разговор, взволновалась:

— Сергей, ты куда собрался?

Чмокнув девушку в холодный нос (холодный и мокрый, значит — здорова!), я подмигнул:

— Да недалеко. Во-он к тем кустикам. Оттуда лучше видно...

Ну не станешь же объяснять девчонке, что с той точки сектор для стрельбы из автомата гораздо лучше? Поэтому, ограничившись шуткой и грозно рыкнув на увязавшуюся было за мной Настю, быстро пополз на четвереньках к выбранной позиции. М-да, парадно-выходные джинсы — в хлам! Зато успел и теперь, остро сожалея об отсутствии бинокля, наблюдал, как, следуя велению полосатой палочки, наш УАЗ прижимается к обочине. Кстати, буквально перед ним полицаи тормознули какой-то «мерс» с двумя мужиками, но быстро ихпустили. Этот факт вселял большую надежду, что с ребятами поступят так же. И сначала все шло очень хорошо. Цыган вылез из остановившейся машины, подал документы и заговорил с постовым, спокойно наблюдал, как автоматчик заглядывает в салон вездехода. Но тут из вагончика выползло местное и свежеприехавшее начальство. Они что-то спросили у постового, после чего прикативший на броневице махнул рукой, подзывая Ступку. Федька подошел и, коротко переговорив, все трое скрылись в вагончике. Меня это как-то встревожило. С чего бы Цыгана внутрь зазывать? Всех остальных они на улице проверяли. Хотя, с другой стороны, Константин с Павликом сидят внутри машины и их никто не дергает...

Несколько минут ничего не происходило, а потом мирная картинка резко поменялось. Раздался глухой, еле слышный для меня хлопок, после которого постовой, выронив повисшую на руке палку, стал лапать кобуру, а автоматчик, сдергивая с плеча автомат,

развернулся. Почти сразу дверь вагончика распахнулась и оттуда, переламываясь в пояснице от второго выстрела, вывалился старший поста. Твою маман! Судорожно пытаюсь поймать на мушку шустрого автоматчика и матерясь сквозь зубы, я открыл огонь. Но первые пули ушли в молоко, так как столь бурного и резкого развития событий просто не ожидалось. Только второй очередью удалось перечеркнуть маленькую фигурку. И то лишь из-за того, что полицейский, услышав работу моего автомата, на секунду застыл, пытаюсь определить, откуда стреляют. Хорошо еще Иван не подкачал, буквально через полсекунды после начала кипежа завалив торчащего из люка вояку.

А одновременно с этим случилось такое, от чего волосы встали дыбом. Возящийся с инструментами боец повел себя вовсе не как обычный водила. Лишь только на броню брызнули мозги наводчика, он, ни секунды не мешкая, нырком ушел в сторону, а потом, сразу ломанувшись назад, запрыгнул в десантный люк БТР, потянув створки на себя. Увидев это, я взвыл и, наплевав на оставшихся в живых полицаев, во весь дух, не скрываясь, рванул к бронетранспортеру. Бежал, толком не представляя, как его оттуда выковыривать стану. Но в одном был уверен — если сейчас этот прыткий козел встанет к пулемету, то нам всем крышка! С КПВТ не шутят... Только вот резкий механик-водитель не успел. Ничего не успел, даже люк закрыть. Чиж не зря в свое время медали с кубками завоевывал, и после его выстрела труп в камуфляже вывалился наружу. А потом как-то сразу наступила тишина. Но ведь должно быть еще двое полицаев! Оглянувшись, я увидел, что Костя, оказывается, удавил палконосца, пытавшегося спрятаться за «уазиком», только сам при этом пострадал и теперь, морщась, держится за предплечье. Понятно... получается, Федька еще одного, оставшегося в вагончике, первым выстрелом успокоил.

Свистнув, я махнул рукой, подзывая Вострикова и Настю, а сам зло сказал Цыгану:

— Фиг ли застыл? Быстро оттаскивай трупы с дороги!

Тот молча кивнул и, ухватив за шиворот бывшего начальника поста, поволок его за вагончик. Я тем временем занялся автоматчиком. И лишь когда мы возвращались за следующей парой, Ступка спросил:

— А зачем?

— Затем! Мы все провернули очень быстро. Машин за это время на дороге не было. Так что если проезжающие не увидят на посту никого, это одно, а если увидят трупы — совсем другое! Давай, давай, шевелись! — И уже обращаясь к подбежавшей Насте: — Посмотри, что там с Дубининым. Ему руку, похоже, зацепило.

И в этот момент послышался приближающийся звук мотора. В два прыжка оказавшись возле нашего вездехода, я рывком забросил тело полицейя внутрь УАЗа и, срывая с него желтый жилет со светоотражающими полосками, крикнул мужикам:

— Чиж, быстро убери механа и вместе с Цыганом — прячьтесь!

После чего, накинув на себе жилет и нацепив фуражку, сдернул с руки трупа жезл и встал возле машины так, чтобы измазанные грязью джинсы не бросались в глаза. Хорошо еще — куртка у меня черная и по цвету схожа с формой полиции, поэтому все прошло нормально. Пассажиры проезжающей пост «Волги» даже не посмотрели в сторону «инспектора», который парит мозги остановленному бедолаге-водителю.

А лишь только газовский рыдван скрылся из глаз, я опять выдернул дохлого полицейя из машины и потащил к остальным жмурикам. Почти тут же ко мне присоединился выпрыгнувший из бэтэра Федька, который, помогая нести тело, срывающимся голосом сказал:

— Похоже, мы крепко влипли!

— Не бзди в компот! Нам лишь бы по трассе километров двадцать проскочить, а дальше проселками двинем! Там постов нет, так что прорвемся!

— Можем и не проскочить... Те, в камуфляже, не полицаи и не армейцы! Это — каратели!

Пх-х... Час от часу не легче! От услышанного меня передернуло, но уточнять ничего не стал, и лишь когда мы, избавившись от ноши, заскочили в машину, я спросил:

— С чего ты взял насчет карателей?

Усевшийся за руль Востриков в этот момент придавил акселератор, и чуть не упавший Цыган какое-то время восстанавливал равновесие. А поборов инерцию, ответил:

— У того, в бэтэре, шеврон — орел с молниями. И документы соответствующие... Так что теперь начнут ловить всерьез.

Кашлянув, я на секунду задумался и предложил:

— Короче — звони начальству. Пусть выводит нас на ближайшую подходящую точку.

Пока Федор набирал номер, я матюгнулся про себя. Вот же блин блинский! Каратели, сиречь спецназ БОГС, это очень и очень плохо. Это вам не полицейские, которые, как бы так помягче сказать — не очень-то компетентны. Ведь новые правители, избавляясь от «пособников красно-коричневой власти», провели в МВД чистки и уволили массу грамотных сотрудников. Причем увольняли, отталкиваясь исключительно от политических пристрастий, а также приказов о наказании и поощрении. Только получилось так, что у каждого по-настоящему работающего опера или просто честного мента выговоров оказалось гораздо больше, чем благодарностей, и поэтому произошел мощный негативный отбор. Так что теперь среди полиции мы имеем то, что имеем. Сборище неумех, профанов, а то и откровенных преступников, единственным «достоинством» которых является то, что они хотя бы на словах активно поддерживают новую власть.

Про КГБ я вообще молчу — эту организацию вообще разогнали подчистую, как в моем мире «Штази».³⁹ Но так как власти нужен был реальный рычаг для подавления всяких смутьянов, то два года назад, вскоре после образования Бюро, был организован четвертый департамент БОГС. То есть — подразделение сил специального назначения. Костяк его составляли так называемые «полицейские инструктора». А вернее сказать — наемники. В большинстве своем из Америки и Англии. Но основной состав (процентов семьдесят) был из местных. Им положили денежное довольствие, сравнимое с окладом армейского генерала, выстроили шикарные тренировочные базы и дали отличное снабжение. В общем, натаскивали по всем правилам. И натаскали. Это они в прошлом году подавили вооруженное восстание под Екатеринбургом. Правда, тогда против спецназа выступали не смирновцы, а простые граждане, поэтому восставших разогнали буквально за три дня. Другой вопрос — КАК разогнали. Именно после этого, к СпН БОГС прилепилась кличка — каратели. И действуют эти каратели очень грамотно, так что просто так с хвоста их не стряхнуть. Но откуда? Откуда они тут взялись?! Нет, не спецназ Бюро, одна из баз которого находится в Ростове и разведгруппы которого часто шарятся по горам, а конкретно вот эти? То, что они здесь появились не в результате нашей операции, это и ежу понятно. Но вот что делает одиночный БТР из состава мехчастей СпН — неясно...

В этот момент переговоривший со Шмелевым Цыган оторвался от трубки:

— Всё! Едем до Майского. Это еще километров пять. Не доезжая до поселка будет поворот на молокоферму. Поворот с указателем, так что не пропустим. Нас там будут ждать.

Я облегченно кивнул:

— Хорошо. Может быть, и вывернемся... А теперь объясни, что же на посту приключилось?

Ступка смущенно махнул рукой и начал рассказ. Оказывается, тормознувший их инспектор уже хотел было отпустить машину, но появившийся на крыльце вагончика старлей спутал все карты. Закуривший Федька зло выдал:

— Я ведь сначала того, в камуфле, за полиция принял и сразу понял, что этот козел сейчас начнет права качать.

— Почему?

— Да потому что он был русским! Местные-то абреки как? Бабки сшибут и — свободен. А то и просто разговором дело закончится, без всяких поборов. Такое тоже бывает.

³⁹ Штази — Министерство государственной безопасности ГДР.

Но если полицейский русский, то он пока свою власть не покажет и всласть не покуражится, не отпустит.

— Так чего он от тебя хотел?

— Сначала спросил, из Калаяновской я или нет. А потом приказал зайти.

— Зачем?

Цыган растерянно пожал плечами:

— В том-то и дело, что спрашивал всякую чухню. Откуда я сам, что делал в станице, зачем приехал. Я ответил, что за другом заехал и теперь его с сыном везу в гости. А этот гад камуфлированный как будто не слушает и все одежду мою разглядывает. И тут я вдруг заметил, что он приняхиваться начал. Сначала не врубился, чего этот тип ноздрями зашевелил, а потом понял — от меня же взрывчаткой сгоревшей может нести! На улице да на ветру это хрен учуешь, а вот в теплом помещении вполне можно. Пришлось работать на опережение. Тем более что кобура у него открытого типа была... В общем, пока он из себя собаку изображал, я ему по яйцам влепил, пистолет из кобуры выхватил и начал потеху! Одно не пойму — почему меня вообще в тот вагончик позвали? И может, я в корне неправ был, когда так сорвался? Может, все эти приняхивания мне просто показались?

Он жалобно посмотрел на сидящих рядом, ища поддержки, а я почесал затылок. Да уж, дела... Теперь уже никто с уверенностью не скажет, прав был Федька, когда стрельбу начал, или нет. Хотя этот казак излишней панике никогда не был подвержен... Тоже закурив, я задумчиво уставился в пол, и вдруг до меня дошло:

— Ботинки!

Костя, баюкающий перевязанную руку, сразу понял, что к чему. Бросив быстрый взгляд на обувь Ступки, он подтвердил:

— Точно!

Павлик же, сидевший рядом с отцом и внимательно слушавший рассказ Цыгана, приоткрыл в ожидании рот, но не дождавшись объяснений, не выдержал:

— А чего — ботинки?

Судя по выражению лица Настены, она, как и мальчишка, пребывала в непонятках. Поэтому Федор, уже сам сообразивший, что к чему, и теперь не знавший, ругаться ему или радоваться, объяснил:

— В участке, после взрыва, все было в кирпичной и известковой пыли. И на полу и в воздухе. Мы, потом, насколько могли — отряхнулись. А ботинки остались белесые. Скорее всего, именно поэтому тот каратель меня к себе и позвал. Он просто обувь мою увидел и решил проверить. Сначала не особо даже подозревая. Но в теплом, безветренном помещении от меня через несколько минут пошел чуть уловимый запах сгоревшего тротила. Мы ведь буквально сразу после взрыва были уже в участке. Вот и провонялись... Так что вовремя я действовать начал!

Ободряюще пихнув его в плечо, я подтвердил:

— Вовремя, вовремя!

После чего Цыган, почувствовавший себя гораздо увереннее (ну еще бы — теперь необходимость его стрельбы была подтверждена фактами), принялся в красках расписывать свои переживания в вагончике. Но долго разливаться соловьем у него не получилось, так как довольно скоро мы, свернув с трассы, подъехали к нескольким здоровенным приземистым строениям, которые и были искомой молокофермой. Там нас уже ждали, и высокий, крепкий мужик в спецовке жестом показал, чтобы загнали машину под навес. А потом, дождавшись нашей выгрузки, представился:

— Гаджи Омаров. Хазаын фэрмы. Как доехали, бэз приключэний?

Пожимая его лопатообразную руку, я назвал свое имя и ответил:

— Нет, все было тихо. Но скоро может стать очень громко. Мы там, на посту, карателей положили, так что наверняка шухер уже начался.

Гаджи кивнул:

— Про каратэлэй я знаю. Мнэ позвонили и сказали. Поэтому дэвушка сычас быстро

пэрэодэнеца в наша одэжда и с моэй жэной и братом поэдут в Дивинскую. — Видя, что Настя при этих словах вопросительно-испуганно глянула на меня, Омаров, сверкнув фиксой во рту, как-то очень по домашнему успокоил: — Нэ бойса, джаным, тэпэр все хорошо будэт. Как родной тебя довэзут.

Брусникина кивнула, после чего хозяин стал распоряжаться дальше. Выяснив характер ранения Дубинина, у которого пуля пропахала предплечье (не опасно, но довольно болезненно), Гаджи поцокал языком и, глядя на крутящего головой Пашку, жмущегося к отцу, тихо сказал:

— Надо, чтобы малчик тоже с нымы поехал. Толко нэ надо, чтобы он плакал...

Пацан, услышавший эти слова, набычился, но Костя, потрепав сына по вихрам, улыбнулся:

— Все правильно. Кто же еще за тетей Настей приглядит? Видишь, как она боится, а с тобой ей спокойнее будет. А для охраны и обороны — держи!

После чего протянул Павлику извлеченный из кармана перочинный нож. Тот, взяв его, шмыгнул, вздохнул и, критически оглядев папашу, пробурчал:

— Почему ты меня до сих пор маленьким считаешь и думаешь, что я ничего не понимаю? «Пригляди»... Мне семь лет, а она взрослая! Кто за кем смотреть должен? Но если нужно ехать с тетей Настей, то я поеду. Когда приеду — тебе позвоню. А ножик теперь мой навсегда будет. Так?

Дубинин прижал здоровой рукой сына к себе:

— Так, так! Только ты не звони. Я тебе сам звякну, когда до Дивинской доберусь.

Глядя на это, Омаров одобрительно кивнул:

— Воын растет! Настоящий джыгыт!

Меня тоже впечатлило. Надо же — от горшка два вершка, а насколько адекватный мальчишка! Хотя чего-то подобного я ожидал еще с того момента, когда перепуганный Пашка меня из подвала окликнул. Тут ведь не у каждого взрослого мозгов и смелости хватит предупредить постороннего в общем-то человека об опасности, а этот щегол смог. Так что верно Гаджи сказал — настоящий джигит! Взглядом показав на Павлика, я продемонстрировал Косте большой палец, обозначающий уважительное одобрение правильному воспитанию, и стал уточнять у Омарава детали предстоящего вояжа. А еще минут через пятнадцать Настена и Пашка, в сопровождении омаровских родственников, выехали с фермы.

Посмотрев вслед «Тойоте», увозящей мою свежеиспеченную невесту, я лишь головой в удивлении покрутил. Надо же, даже не думал, что русоволосую славянку путем нехитрых манипуляций за столь короткое время можно превратить в горянку. Не думал, но сейчас вот убедился — умело подкрашенная женой Гаджи Брусникина, в глухом платье и платке смотрелась типичной дагестанской девушкой. И даже цвет волос не стал помехой. А документы на имя Лейлы Омаровой (дочери хозяина фермы) давали практически полную уверенность в успешном окончании поездки. Тем более что с ней постовые даже заговаривать не должны. Не по обычаям это. Брат хозяина — Рустам Омаров, ведущий машину, сам будет предоставлять документы женщинам полициям-горцам и сам решать все возникающие вопросы. А если тормознут редкие в этих широтах русские служители Фемиды, то Лейла-Настя просто станет отвечать на их вопросы по-русски...

Ну а после отъезда «Тойоты» мы, как это ни странно звучит, пошли грузить гуано. В самом прямом смысле этого слова — получили старые, духмянистые ватники, вилы, лопаты и стали сгребать отходы коровьей жизнедеятельности, перевозя их на тачке в большой бак. Навыки сельского говночерпия были только у опытного Цыгана, но это ему не особо помогло, и уже через час ни одна собака не отличила бы бойцов «Вымпела» от обычных подсобных работников фермы. Под занавес, для придания окончательного образа, нас слегка окропили водкой, и как есть, не помывшись, мы полезли в заставленный бидонами кузов «Газели». Дубинин, который из-за раны на руке не участвовал в общих работах, разместился за рулем, а Гаджи, в папахе и шикарном кожаном плаще занял место пассажира. После чего

грузовик затрясся по грунтовке, ведущей на трассу.

В ходе поездки я очередной раз порадовался тому, как вовремя мы обратились за помощью, и насколько эфемерны были наши шансы в случае самостоятельного прорыва. Пять проверок! То есть пять раз нас останавливали как на мобильных, так и на стационарных блокпостах. В четырех случаях это были обычные полицейские и один раз каратели. Причем каратели, в отличие от полицейских, не ограничились осмотром документов да переговорами с напускавшим на себя важность Омаровым, а заставили выйти из машины, после чего произвели обыск, как автомобиля, так и пассажиров. При этом белобрысый здоровяк с сержантскими лычками, безглаголиво морщась от исходящего от нас амбре, заставил показать ладони. В процессе чего, разглядывая мои грязные пятерни, подозрительно протянул:

— На ферме, говоришь, пашете? Что-то я мозолей у тебя не наблюдаю.

Возблагодарив предусмотрительность Омарова, заставившего нас работать без перчаток я икнул, деликатно прикрывшись рукой, и возмущенно просипел:

— Дык, командир, ты глаза разуй-то. А энто чё такое? — потыкав пальцем в свежие пузырьки, продолжил: — Мы на хозяина вкалываем так, что пожрать некогда, а ты гуторишь — мозолей нема. Хошь, тебе руку пожамкаю, поймешь, шо у меня грабалка, как рашпиль?

Рядовой, страхующий сержанта, заржал и рифмованно процитировал:

— Подобрал Иван лягушку, сунул он ее в карман. Там лягушка чуть не сдохла — от Ивана шел духан!

Здоровяк же от моего предложения перекосячил, и, коротко ругнувшись насчет грязного и вонючего быдла, он, жестом показал, чтобы мы проваливали, а сам двинулся к стоящей за «Газелью» машине, довольно громко объясняя своему напарнику:

— Верно цивилизованные люди говорят, что у русских рабская психология. На английском даже слово «раб» звучит как «slave», что значит — славянин.⁴⁰ Вот сейчас очередной раз убедился в точности этих мыслей. Сам подумай, кем может быть такое зачуханное чмо? Правильно — только быть в рабстве у хозяина, да еще и гордиться этим!

Ткнув пальцем через плечо, сержант оглянулся на нас и сплюнул. А я еле успел отвести горящие гневом глаза. Ну-ну... тут люди с хлеба на воду перебиваются и за любую работу хватаются, а эта сука нос от запаха воротит и грязным трудом попрекает. Русский для него, видишь ли — раб... Хотя все верно — пусть у этого хмыря типично рязанская морда с соответствующим выговором, но он себя точно к русским уже не относит. Для него идеал — англосаксы, и, следуя за своим идеалом, этот человек мать родную продаст, лишь бы хоть чуть-чуть походить на «цивилизованных людей». Знакомая картинка. В Великую Отечественную, говорят, что-то подобное уже было. Тогда переходящие на сторону врага ублюдки тоже оправдывали предательство самыми разными обстоятельствами. Но реальная причина у них была всегда одна — вовремя приняв сторону сильного, вкусно жрать, сладко спать и возможность изгаляться над соотечественниками, как душа пожелает. Что они, кстати, делали с особым удовольствием. И тогда и сейчас. Ну да ничего. Наши прадеды в свое время европейским цивилизаторам вломили от души, дай бог и за нами не заржавеет!

А сержант-то хоть и каратель, только один хрен непрофессионал. Руки осмотрел, но плечи, на предмет синяков от приклада, не проверил. Хотя тут, скорее всего, просто не знают о подобном способе досмотра. Ведь в моем мире до этого додумались от безысходности, во время первой чеченской. Додумались, потому что военнотружущих давили с двух сторон. И противники, и прокуратура (не дай бог гражданского человека как-либо обидишь, станешь отвечать по всей строгости УК мирного времени). А как этого гражданского отличить, если боевики, скинув автомат и разгрузку, моментально превращались в мирных жителей? Паспорта у них граждан России и на лбу у задержанного не написано, что он состоит в НВФ. Поэтому наши бойцы вынуждены были компенсировать недостатки законодательства собственной изобретательностью. А в этом мире надобности в столь тонких изысках не

⁴⁰ Любимое утверждение «колбасных эмигрантов», основанное исключительно на созвучии слов.

понадобилось: чересчур быстро все развалилось, да и противники за «мирняк» себя не выдавали. Вот и лопухнулся сержантюга...

Но с другой стороны, береженого бог бережет, и я был крайне доволен, что больше спецназ БОГС нас нигде не тормозил, поэтому уже к вечеру мы добрались до Дивинской, где попали в руки Шмелева. Тот уважительно поздоровался с Омаровым, коротко сообщил о благополучном прибытии Насти и Павлика, передал Дубинина фельдшеру и, скептически глядя на нас, принялся:

— Командир приказал у вас сразу рапорта собрать, только мне кажется, что вам для начала помыться не помешает. А за бумагами через часик зайду.

Я удивился:

— Не понял, моментальный кукан отменяется?

Васька ухмыльнулся:

— Ага! Начальство пока занято, но, судя по настроению, любить вас станут страстно и проникновенно. Так что — готовьте вазелин!

Тоже мне обрадовал! Сообщив Василию об обычной судьбе гонцов, принесших плохую весть, я поинтересовался местонахождением Брусникиной, но Шмелев, став серьезным, посоветовал не усугублять и, передав нас мужику, у которого мы должны были встать на постой, убыл.

Глава 12

Павел Викторович Еремин, командир регионального отряда «Вымпел», при встрече был ласков, словно весенняя кобра. Но довольно скоро выдохся, и угрозы показательного расстрела или вечной отсидки в зиндане постепенно сошли на нет. В итоге, усевшись за стол, он брезгливым движением ладони смахнул в сторону наши рапорты, после чего, сочась ядом, подытожил:

— Надо же, сколько вы тут накорябали. Писатели, маму вашу так! Достоевские недоделанные! Что примолкли? Сказать нечего?

Я покосился на ребят. Никто не рвался давать объяснения на этот, в общем-то, риторический вопрос, пусть и заданный достаточно спокойным тоном. Даже обычно бойкий Ступка внимательно разглядывал доски пола. Решив, что если каша заварена мной, мне и расхлебывать, сделал шаг вперед:

— Никак нет! Все, что мы хотели сказать, лежит у вас на столе!

Чиж в панике дернул меня за куртку, но я отступать не собирался. В конце концов, сколько можно людям мозг сверлить? Тем более что считал себя совершенно правым, и если не дай бог повторится подобная ситуация, буду действовать так же! Еремин после этих слов вышел из-за стола и, подойдя ко мне вплотную, принялся оглядывать, словно внезапно заговорившую тумбочку. Потом, набычившись, поинтересовался:

— Самый смелый, что ли? Или окончательно приборзеть решил? Ты на него посмотри: «лежит на столе»! Да там, судя по вашей писанине, всем героев давать надо! Чего только не наплели, чтобы филейные части себе прикрыть. И отсутствие потерь среди мирного населения, и уничтожение карателей, и освобождение участника подполья, и...

Тут меня вдруг окончательно сорвало. Так же набычившись и глядя в глаза командиру, зло отчеканил:

— Мы свои задницы бумагами прикрывать не приучены! В рапорте же изложено то, что было! А касательно невыполнения вашего распоряжения, тут только моя вина. Это я готов был пойти выручать Брусникину, несмотря ни на что. И поэтому у мужиков сложилось безвыходное положение, так как своих бросать в «Вымпеле» не приучены. Да вы бы сами их не поняли, оставь ребята меня там одного!

Павел Викторович шумно вздохнул, покрутил головой и, вернувшись за стол, хмыкнул:

— Надо же, какие мы умные да благородные! Орлы, которые «своих бросать не приучены»! Один спятил, аки похотливый дятел, а остальные следом за ним ринулись. И

хоть бы кто задумался, почему я приказал им ничего не предпринимать...

Я мрачно засопел:

— Понятно почему — списали Настю уже. Подумаешь, рядовая «колхозница»...

Еремин ударил кулаком по столу:

— Да вот хрен тебе в грызло! Я приказал сидеть тихо просто потому, что была возможность вытащить девушку без шума и пыли. Не подвергая ее жизнь опасности. А насчет рядовой... Анастасия — гений от компьютерного бога и участвует в решении таких задач, о которых вам не просто знать, но и слышать не положено! Подобных людей у нас очень мало и ценятся они на вес золота. А вы, своим кавалерийским наскоком, могли все дело погубить. И чуть не погубили!

— Так что же вы сразу не сказали?!

Павел Викторович откинулся на стуле:

— Я? Я вам приказал не вмешиваться и ждать указаний. Этого что — недостаточно? Может, вам каждый раз надо еще и объяснять, почему приказываю то, а не другое?! Так у нас не бордель, а боевое подразделение!

Блин, и возразить-то нечего. А главное, со своей стороны, он прав во всем. Мы не можем знать всю обстановку хотя бы в силу своей малой компетенции, а командир, он на то и командир, дабы, обладая более полной информацией, отдавать распоряжения. И тут уже совершенно неважно, что именно подчиненные будут считать более правильным. Их задача — четкое выполнение приказов командования. На этом армия держится. Но мне это вдолбили еще с первого курса, так что ничего нового для себя не открыл. Случай же с Настей считал личным делом, поэтому поступил так, как поступил. Да, я не знал, что за эти три месяца она стала довольно важной шишкой, которую просто так в беде не оставят. Ну и что с этого? Тем более помощь могла бы и опоздать. Никто ведь не брал в расчет отмороженных полицейских, которые собирались над ней надругаться. А Брусникина мне четко обозначила свою позицию в этом вопросе. Хм... кстати, до меня только сейчас дошло, откуда у нее появилась та маленькая таблеточка. Не исключено даже, что все люди из Сопrotивления, обладающие более-менее высоким допуском, имеют подобную «страховку». Во всяком случае, это был бы очень логичный шаг со стороны руководства.

А командир, с интересом поглядывая на то, как меняется выражение у меня на лице, поинтересовался:

— Или ты опять что-то сказать хочешь?

Встав по стойке смирно, я отчеканил:

— Никак нет!

Цыган с Чижом облегченно выдохнули. Еремин усмехнулся:

— Еще бы ты чего-то там вякал, после такого залета!

Хм, вякнуть, как выразилось начальство, у меня было много чего, только я и так уже наговорил выше крыши, поэтому сейчас весь опыт предыдущей службы подсказывал: лучше захлопнуть варежку. Павел Викторович какое-то время помолчал, видно ожидая ответа на свою фразу, но, не дождавшись, неопределенно хмыкнул и приказал:

— Вы двое — свободны! А ты, — кивок в мою сторону, — садись, говорить будем.

Цыган, пихнув меня в бок, ободрительно подмигнул, после чего ребята вышли из комнаты. Я же, пребывая в некотором недоумении, уселся на табуретку, вопросительно уставившись на начальство. То, в свою очередь, побарабанив пальцами по столу, произнесло:

— В общем, так, Сергей Васильевич, разнос за свою самостоятельность вы уже получили, поэтому предыдущий разговор откладываем в сторону. И переходим к насущному — мне поступила рекомендация назначить тебя временно исполняющим обязанности командиром вашей группы. Что скажешь?

Ну ни фигя себе поворот! Только что имели с особыми извращениями, а тут вдруг такое... Еремин, будто прочитав мои мысли, пояснил:

— Вижу, что удивлен. И сразу скажу — будь сейчас мирное время, за нарушение приказа я бы тебя тринадцатой лишил, дал строгий выговор и звание на пару лет задержал.

Это в лучшем случае. Но нынче нас время поджигает, поэтому особо углубляться в воспитательный процесс не с руки. Сейчас меня интересует твое мнение — потянешь?

М-да... как-то неожиданно все. И ситуация сильно напоминала строчку из песни где: «мне строгащ комбриг Денисов, влепил за эти чудеса, но в наградной ближайший список, наш славный экипаж вписал».⁴¹ Такое действительно только на войне возможно, когда дерзость и разумное своеволие подчиненных идет не в минус, а в плюс.

Только вот одно смущает:

— Не понял... У нас Цыган, то есть Федор Ступка — прапорщик. Я всего лишь старший сержант. Как-то некрасиво выходит...

Командир развеселился:

— Да ну? А кто не далее как сегодня утром заявил товарищу прапорщику: «самозванцев нам не надо, командиром буду я!»?

— Э-э... — Глянув на лежащие листки наших рапортов, я несколько смешался. — Тогда обстоятельства так сложились. Дело-то, как ни крути — личное. И так ребят подставил. Поэтому и взял все на себя...

Павел Викторович кивнул:

— Понятно. Но сам посуди — ты в «колхозниках» всего ничего, а за это время самостоятельно разработал и провел две успешные операции. Я имею в виду эвакуацию коломенских «колхозников» и нынешнюю эпопею. Третья операция, по захвату Алекса Керри, тоже закончилась более-менее нормально лишь благодаря твоей сообразительности. Что касается Цыгана — он отличный боец и прекрасный исполнитель. Только вот для командования группой этого мало... А чтобы не было лишних сомнений, сразу скажу — рекомендацию тебе дал именно Ступка. И я с ним согласен.

Услышав эти слова, я только затылок почесал, так как понял одну из причин сего неожиданного предложения. М-да, во все времена и во всех армиях мира есть странная традиция: наваливать все на удачливых людей. Если подчиненный один раз успешно выполнил какую-либо задачу, то начальство считает, что это будет продолжаться вечно. И тут уж действительно — звание практически никакой роли не играет... А Федька-то каков хитрован! И ведь мне ни слова не сказал. Хотя я и сам хорош. Ведь тогда, после гибели Ивлева и Феврала, он стал номинальным командиром, но все распоряжения, кроме прямых приказов командования, отдавал таким тоном, как будто советовался со мной. А меня от погружения в армейскую среду слегка переклинило, и, забыв о конспирации, я снова ощутил себя старлеем, для которого прапорщик никак не начальство. Ступка, похоже, это чувствовал, поэтому, когда из меня вырвалась присказка насчет: «самозванцев нам не надо», с радостью подчинился. А потом еще и в рапорте отметил явные лидерские замашки Волкова. Но интересно другое.

— Товарищ подполковник, предложение, конечно, лестное, только я не пойму: неужели у вас нет знающих офицеров на эту должность?

Еремин закурил и, подвигая мне пачку, ответил:

— Уже нет. Ты был не в курсе, поэтому сообщаю — часть личного состава нашего отряда переброшена на другое направление. А так как необходимо срочно восстановить прежнюю численность, то сейчас мы испытываем достаточно ощутимый кадровый голод. Настолько ощутимый, что даже вынуждены раздвигать некоторые боевые группы и ставить наиболее опытных бойцов старшими во вновь создаваемых подразделениях. То есть — рядовых хватает, а вот с командирами туго. Что же касается твоего невеликого звания, то, как ни крути, у нас не регулярная армия, поэтому количество звездочек на погоне гораздо менее значимо, чем умение руководить и принимать верные решения в быстро меняющейся обстановке. Так что принимай командование, группник, и готовься получать пополнение. Только учти, времени на обучение новобранцев у тебя почти нет, поэтому форсируй боевое

⁴¹ М. Калинин. «Дуэль».

слаживание насколько это возможно.

Известие меня несколько ошарашило, но вбитые в армии инстинкты заставили молча проглотить новость и лишь уточнить задачу:

— Новенькие полный ноль, или что-то собой представляют?

— Ну-у... — собеседник неопределенно повертел ладонью, — пополнение у нас достаточно солидное. Из них срочную многие прошли. Некоторые даже повоевать успели. Но это было минимум шесть лет назад, так что... А большей частью — молодежь. Не совсем необученная: в основном казаки, которые с оружием обращаться умеют, да и физическая подготовка какая-никакая есть. Только вот драться вам предстоит с карателями, поэтому сам соображай насчет степени их готовности...

— Ясно. Сколько у меня времени?

— Чем быстрее, тем лучше. Понятно, что за тот же месяц, «псов войны» из пацанов не сделать, но азы дать успеешь.

— По личному составу у кого уточнить можно?

— У Касьянова.

Ага... Евгения Леонтьевича Касьянова я пару раз уже видел и знал как начальника штаба «Вымпела». Нормальный мужик, мозговитый. По слухам, три войны уже отпахал. Ладно, следующий вопрос...

* * *

Не знаю как насчет физподготовки, но относительно того, что пополнение — не совсем лопоухие восемнадцатилетние щеглы, с трудом оторванные от мамкиной юбки, Еремин не соврал. Во всяком случае, судя по документам, направленная ко мне парочка уже имела опыт боевой работы у колхозников. Один из них принимал непосредственное участие в силовых акциях, а второй специализировался на изготовлении минных сюрпризов. Третьим же я очень хотел урвать Дубинина, но вмешались медик с особистом. Доктор-то ладно — заштопав Костину руку, перестал брыкаться и не возражал против продолжения лечения на нашей базе. Зато контрразведка уперлась рогом. Безумные правнуки Дзержинского, отметая все аргументы, настаивали на полной проверке нового бойца. В тот момент даже Еремин меня не поддержал, зато клятвенно пообещал, что после всех необходимых процедур Дубинин попадет именно к нам. И это сильно радует, так как во время распределения пополнения каждый из группников, давая авторитетом и взывая к былым заслугам, начал отжимать себе лучших людей. Причем людей-то как таковых даже не было, а была флэшка с личными делами, где вместо ФИО и адреса стояли пробелы. Но это не помешало устроить легкую свару, прекращенную Касьяновым, который железной рукой остановил разборки, раскидав новеньких, исходя из своих соображений. Я этим командирским решением был вполне удовлетворен, потому что в противном случае мне, как самому «молодому», достались бы те, от кого отказались остальные группники. Хотя до сих пор терзают смутные сомнения, что здесь без блата не обошлось, и наиболее уважаемые командиры групп заранее выбрали тех, кого хотели. Ну да это частности. Как говорится — были бы кости, а мясо мы нарастим! Правда, на тот момент я даже не подозревал, во что выльется встреча с новыми людьми...

Только, наверное, надо по порядку. Тогда, после утряски всех организационных вопросов, меня поймал Васька и отвел в дом, где расположилась Анастасия. И хоть время было к полуночи, повторной ночи любви у нас с ней не получилось. Ночи откровений и объяснений тоже не вышло. Почему? Да все просто: во-первых, хозяева хаты, спящие за стенкой, вовсе не способствовали романтике, а во-вторых, у Насти был отходняк после дневных переживаний, и если бы я начал всхлипывающую девчонку грузить своим фантастическим происхождением, то неизвестно чем наш разговор вообще бы закончился. Короче, настроение было не то, поэтому я ее сначала просто утешал, крепко обняв и шепча на ухо всякие благоглупости, а потом мы уснули.

Наутро, стало совсем не до разговоров, так как сразу после завтрака появился вездесущий Шмелев и объявил, что машина ждет. Так что даже расставание с Настеной вышло скомканным. А к обеду мы были на своей базе и сразу стали готовиться к приему пополнения. Я-то наивно предполагал, что бойцов привезут вечером, край — завтра к полудню. Во всяком случае именно так обещалось. Щаз! Семь дней мы курили бамбук в ожидании. За это время я дважды выходил на связь с командованием. Во второй раз был откровенно послан (правда, в достаточно корректных выражениях), и утихомирил свою телефонную активность. Но пятнадцатого апреля их наконец-то привезли.

Выглядело это так — теплым, уже по-настоящему весенним днем к хутору подрулил знакомый, битый жизнью «рафик», из которого под напутственные шутки Бесагура выгрузились двое парней. Первый — среднего роста, широкоплечий, с хмурым лицом и ладонями, способными чуть ли не целиком обхватить баскетбольный мяч, представился Игорем Прядилиным. Второй — быстроглазый, высокий худощавый брюнет, обозвался Артуром Ждановым. И вот этот самый Жданов сразу как-то напряг. Ведь если Игорь с вполне понятным любопытством оглядывал будущих сослуживцев, то второй вытаращился на меня, будто встретив привидение. Вернее, не так. Вот как бы описать... Наверное, у меня было бы такое же лицо, узри я своего первого комбата (человека весьма уважаемого и сурового) с ножницами, на конкурсе визажистов. Вот и фейс вновь прибывшего парня выражал полную ошарашенность. На незнакомого человека так не пялятся, и можно было бы зуб отдать за то, что Артур где-то сталкивался с моим двойником из этого мира. Только пока я лихорадочно обдумывал отмазку относительно своей стандартной внешности и похожести на множество других людей, Жданов повел себя вовсе не как предполагалось. То есть новенький не спешил раскрывать объятия и с криком: «Серег, а ты-то как здесь оказался?!» хлопать командира по плечу. Вместо этого, он, стерев удивление с лица, спокойно и ровно пожал всем руки, проходя процедуру знакомства. А на насмешливый вопрос Чижа, от которого тоже не укрылось странное выражение приехавшего:

— Чего это ты, братан, так глазами захлопал? Или мы такие страшные?

Артур мотнул головой и так же со смешком ответил:

— Да нет, просто вон, — указав подбородком в сторону ворот, продолжил: — вначале показалось, что в будке на цепи волк сидит. Окрас уж больно похож. Вот я и охренел.

Объяснение было вполне логичным и исчерпывающим, поэтому ребята понимающе хмыкнули, и мы гурьбой пошли в дом. Только вот меня по пути глодали смутные сомнения — да, у Шарика действительно шкура странного колера, но его будка стоит немного в стороне, а Жданов смотрел прямо на меня. Или не на меня? Или показалось? Нет, наверное, все-таки показалось — ведь даже если Артур и был знаком с моим двойником, то зачем ему данный факт скрывать? Так что действительно это он с Шарика удивился, а я на свой счет принял.

Но буквально к вечеру выяснилось, что мои сомнения были вовсе не беспочвенны... А вышло как — в честь приезда новобранцев было принято решение организовать внеочередную баню. Хозяева хутора тоже приняли в этом участие, поэтому народа хватало и пришлось мыться в несколько заходов. И вот когда я, чистый до скрипа, заканчивал гонять чай на кухне нашего домика, к нам присоединились свежепомытые из последней партии. Среди них был и Жданов. К слову сказать, сидел я без свитера, в одной футболке, и подошедший к столу Артур просто впился взглядом в мою левую руку, где красовался шрам, полученный еще в раннем детстве. Тогда, в возрасте пяти лет, я настолько неудачно кувыркнулся с дерева, что заработал на предплечье нехилую отметину в виде латинской буквы «V». Вот на нее и сделал стойку Жданов. Тут уж двоякого толкования быть не могло. Этот парень меня знал. То есть сначала, первый раз увидев во дворе, он очень удивился. Но потом, видно, появились какие-то сомнения. Наверное, при ближайшем рассмотрении, я все-таки слегка отличался от своего здешнего двойника. А сейчас, увидев шрам, новенький окончательно утвердился в своих подозрениях. Только вот почему он молчит?! Нормальная человеческая реакция в этом случае (даже если нет уверенности) сказать, что я сильно похож

на его знакомого. А этот парень молчит. Как будто чего-то боится. Вопрос — чего? Что здесь такого? Мало ли кто на кого похож? Да еще и вновь появившееся ошарашенное удивление в его глазах... Нет, этот вопрос надо как-то разъяснить. И чем раньше, тем лучше, а то мне такие непонятки совсем не нравятся.

Поэтому я, отставив чашку, приглашающе мотнул головой:

— Артур, пойдём-ка пройдемся.

Остальные мужики на это приглашение внимания не обратили, продолжая кушать, лишь Цыган, остро взглянув в нашу сторону, вопросительно поднял бровь. Но я и сам не знал, чего ему ответить, поэтому, сделав вид, что не заметил Федькиной пантомимы, накинул куртку и пошел во двор. Там, закулив и собираясь с мыслями, двинул в сторону сарая. Жданов, молча следовал рядом. А когда мы дошли до аккуратной кучи дров, сложенной под навесом, я остановился, оглянулся, убеждаясь, что вокруг никого нет, и пустил пробный шар:

— Ну, голубь сизокрылый, — рассказывай.

Что он должен был рассказывать, я понятия не имел, но если парень на людях скрывает свое знакомство с «параллельным» мною, то может хоть сейчас начнет говорить? Только новенький решил включить дурака:

— Не понял...

Пришлось надавить сильнее:

— Откуда ты меня знаешь и почему молчишь. А будешь продолжать ваньку валять, сдам тебя, к чертовой матери, особистам, пусть они с твоими секретами разбираются.

И тут Артур, криво ухмыльнувшись, выдал:

— Мне кажется, совершенно незачем вмешивать в наши дела особый отдел. Не так ли, ГОСПОДИН МАЙОР?

После чего, уперев руку в бок, победно уставился на меня. А я застыл. Ну ни фиги себе струя! Да уж... чего-чего, но подобного поворота совершенно не ожидалось. Нет, всякое можно было предполагать, только не «ГОСПОДИНА МАЙОРА»! Хм, но если я, по его мнению — майор, то кто же тогда сам Жданов? Ведь «господами» бойцы Сопротивления друг друга точно не называют. А вот в армии и спецслужбах демократической России принято именно такое обращение...

Эти мысли вихрем пронесли в голове, а в следующую секунду ствол моего пистолета смотрел в живот собеседника. После недвусмысленной демонстрации оружия с того мигом слетела вся бравада и, отшатнувшись, он прошипел:

— Не глупи, майор, а то оба погорим! Я — свой!

Я же, не опуская пистолета, потребовал:

— Обзовись, «свой»!

Жданов, после короткой заминки, тихо произнес:

— Второй департамент. Старший агент Новолизов.

Японский городской!!! Озвезденеть не встать! Вот так вот: в моей группе объявился человек из БОГС. А если учесть, что в Бюро звания слизаны с пиндосовской ФБР, то этот хмырь соответствует где-то армейскому капитану. Неслабо... Хм, а ведь до сих пор считалось, что чины из контрразведки сами в колхозники не идут. Опасное это дело. Им проще агентов вербовать из обычного населения и уже их внедрять в подполье. А тут — целый старший агент в моей группе. Что-то у них там в Бюро поменялось... Но вот почему он меня майором обозвал? Добавив металла в голос, я спросил:

— Откуда меня знаешь?

Жданов (или Новолизов, или хрен его знает кто такой), поняв, что прямо сейчас его стрелять не будут, слегка расслабился и стал многословен. Голос, правда, понизил до еле различимого шепота:

— В прошлом году, в Екатеринбурге, на совещании кризисного штаба видел. А потом, когда митингующее быдло раздавили, мы на брифинге столкнулись. Помнишь, вашему шефу, под самый конец пресс-конференции, какой-то придурок немецкий

корреспондент задал вопрос о чрезмерном применении силы? Полковник Либерман уже уходил и ничего не ответил, а ты шел рядом с ним и сказал: «Без комментариев». Ну а я эту немчуру сразу оттер в сторону. Помнишь?

Я отрицательно качнул головой, а агент, наоборот, закивал:

— Ну да, конечно, с чего бы ты меня запоминал. А я вот тебя сразу узнал. Сначала глазам не поверил — нечего майору «белых орлов» в резистенс⁴² делать! Вы ведь исключительно под силовые акции заточены. Но когда шрам заметил, последние сомнения исчезли! Только до сих пор удивляюсь, как это вышло... Или ты из четвертого во второй департамент перевелся?

Слушая говорливого собеседника, я лихорадочно пытался сообразить: он действительно такой идиот, как мне кажется, или просто я чего-то недопонимаю? Нет, конечно, можно было предположить: в этой России я каким-то образом скурвился до такой степени, что стал достаточно крупным чином в «карателях». Тем более, еще профессор о подобном предупреждал — дескать, нельзя рассчитывать на то, что ты сам или твой добрый приятель из нашего мира останется тем же человеком в «параллели». В смысле: тем же по характеру, привычкам и мировоззрению. Условия развития разные. Так что допустить, что я стал «пиндососом», можно (хотя все нутро подобному допуску яро противится).

Но вот Артур!.. Этот парень утверждает, что видел меня пару раз, и то мельком. Сам же настолько сильно «играл лицом» при первом знакомстве, будто увидел не коллегу из Бюро, а любимого, но давно потерянного брата. И потом, без малейших сомнений, начинает рассказывать, кто он есть такой. Поэтому и возник вопрос — Жданов что, полный дебил? Нет, ну а как по-другому назвать человека, нарушающего все принципы агентурной разведки? Хотя какая разница: гадать можно хоть до ишачьей пасхи, только проблему, как мне кажется, надо решать немного по-другому. Слегка приподняв пистолет, я негромко сказал:

— Повернись.

Разошедшийся агент заткнулся на полуслове и удивленно спросил:

— Что-что?

— Повернись, стань на колени, сцени руки в замок и положи их на голову.

Артур, глянув в черный провал ствола, в бессильной ярости оскалил зубы, прошипев:

— Ты чего добиваешься, кретин?! Ведь возле одной стенки стоять будем!

Не вступая в пререкания, я спокойно предупредил:

— Ничего, а будешь много трындеть, прострелю ногу, — после чего, рявкнул: — Кругом! На колени! Руки за голову!!

А как мой приказ был выполнен, громко свистнул. Секунд через десять в светлом проеме открывшихся дверей показался силуэт, который голосом Цыгана лениво поинтересовался:

— Кому свистим?

Но, разглядев открывшуюся композицию, Федька сдавленно матюгнулся и шустро рванул вперед. В этот самый момент Артур, опуская руки, начал подниматься и что-то говорить, поэтому я, находясь на взводе, превентивно вклепил агенту по башке рукояткой пистолета.

Ну а еще через десять минут, стоя над привязанным к стулу, безвольно-обмякшим телом Жданова, по второму кругу объяснял мужикам, что же случилось. Чиж с новеньким в разговор не вступали, зато Федор суеился за двоих:

— Да ну, хрень какая-то получается! Это что же выходит — БОГСовец сам себя слил человеку, которого, типа, видел один раз и то издалека? Вот так — не задумываясь, взял и рассказал о том, кто он такой и откуда?!

Раздраженно выдохнув, я пожал плечами:

⁴² Resistance (англ.) — сопротивление.

— За что купил, за то и продаю. Я сам с этого муделя фигею. Вроде не пьяный, не обколотый, не накуренный, а повел себя, будто обдолбился в корень. Прикинь, вот так вот прямо в лоб мне заявил, что он из Бюро. Говорил, что рад встретить сослуживца из «карателей». Нашел, мля, коллегу, падла!

Цыган, присев перед Артуром, попытался того растормошить, но не преуспел и крякнул:

— Хорошо ты его приложил. Качественно... А что дальше делать-то будем?

— Что, что... Сейчас свяжусь с нашими — нехай особистов сюда высылают. Пускай этого хмыря раскручивают на предмет, каким макарон он в Сопротивление попал. Ну и по прочим пунктам тоже...

Федор кивнул, соглашаясь, и тут же внес рацпредложение:

— Вызывай. А может, пока ждем, сами его реанимируем и начнем колоть? Чего время терять?

Я усмехнулся:

— Угу, колоть! Тоже мне — специалист-тихушник! Ты учти, это ведь не захваченный в рейде «язык», которого экстренно потрошат, наплевав на целостность шкурки. Это агент. А если он в ходе допроса крякнет, «молчи-молчи»⁴³ всех на кулан наденут. Да и что спрашивать, мы сами толком не знаем, так что навредить можем больше, чем помочь.

Цыган кивнул, соглашаясь с доводами, а я пошел «радовать» начальство.

Глава 13

Начальство обрадовалось настолько сильно, что всего через полчаса на хутор пожаловали наш чекист Валера Мухин и еще один, незнакомый мне мужик. Я столь реактивными скоростями был потрясен, так как Валерка обычно находился на базе, до которой езды было часа три. А сейчас складывалось такое впечатление, будто они из деревни Дубновки прикатили, что чуть ниже нас находится. Но долго удивляться не получилось, потому что приехавшие тут же взялись за дело. Незнакомец (которого Валера называл странной кличкой — Кукша) нырнул в хату, где находился очнувшийся к этому времени агент, а меня Мухин потащил в хозяйский дом. И уже там учинил полноценный допрос. Скрывать было нечего, поэтому я поведал, с чего всё началось и как происходило. Рассказал обо всем, включая свои мысли и сомнения по поводу странного поведения вражеского шпиона. Собеседник, внимательно выслушавший рассказ, задал несколько уточняющих вопросов, а потом, почесав затылок, извлек из пластикового файла лист бумаги. Подтолкнув его мне, Валера произнес:

— Погляди. Ничего странного не замечаешь?

Так, что там у нас? Угу, на листе А4 отпечатана фотография (довольно плохого качества). А на фото хмурился... ну, так скажем — очень похожий на меня человек. Человек был облачен в военную форму и, судя по всему, сидел за столом (хотя самого стола видно не было, зато хорошо просматривались поролоновые набалдашники стоящих на нем микрофонов). Также слева присутствовало обрезанное плечо еще одного вояки. Рассматривая лист, я удивленно ругнулся:

— Хренасе! Надо же, почти моя копия! Только морда толще, нос на бок не свернут, прическа другая и глаза какие-то оловянные. Что же получается — это и есть тот самый майор, за которого меня Артур принял? Да уж, немудрено... Хм... но у тебя-то откуда эта фотография взялась? И если она у тебя есть, то почему раньше у меня сам не заинтересова...

И тут вдруг до меня дошло. Блин, ну я и тормоз! Проверка! Конечно, этим всё объясняется, включая странное поведение агента и скорость прибытия особистов. Значит, родная ЧеКа вышла на «параллельного» Корнева, который оказался карателем, и теперь меня

⁴³ «Молчи-молчи», «особист», «тихушник» — жаргонное наименование военного контрразведчика.

будут брать за жабры. Или... или не будут? Что-то взгляд у Валерки не слишком воинственный для активного давления на свежесвыявленного врага. Я бы даже сказал — спокойный взгляд. Интересно, почему? Ведь если мой двойник в этом мире сотрудничает с Бюро и наши «молчи-молчи» об этом узнали, то их действия должны быть несколько иными. Ну мне так кажется. С другой стороны, что я вообще знаю о методах работы военных контрразведчиков? Да почти ничего. Жизнь как-то не сталкивала. Ладно, подойдем к вопросу с другой стороны — а как бы я повел себя, будучи невиновным, но которого боевые соратники подозревают в сотрудничестве с врагом? Возмущенным, негодующим? Угу, где-то так. Значит, будем играть до конца, пока не прижмут!

— Мухин, я что-то недопонял, так вы меня приняли за вот этого толстомордого БОГСовца?! Только потому, что эта сволочь на меня немного похожа?! И решили проверку затеять? Блин, ну вы даете! А если бы я вашего Артура под горячую руку шлепнул?! Вот сразу, как только он заявил о своей причастности к Бюро?! Со злости шлепнул, да от неожиданности! А если бы я действительно оказался тем самым майором? Тогда Артуру точно маслина в лоб светила, потому как он вел себя, будто полный идиот, и майор сам поспешил бы избавиться от подобного «сослуживца».

— Не светила...

Голос раздался из-за спины, со стороны дверей, и я, запнувшись, оглянулся. Там, подпирая косяк, стоял наш второй новенький — Игорь Прядилин. Эвона как! Получается, что и этот из контрразведки... Пока я хмуро взирал на здоровяка, он, пройдя в комнату, уселся за стол и повторил:

— Никак не светила.

— Это почему? Или вы меня настолько выдержанным считаете, что свято уверовали, будто Корнев в такого жирного леща, как старший агент БОГС, точно стрелять не станет? А если бы я карателем оказался и решил по-быстрому избавиться от столь неумного свидетеля?

Прядилин хмыкнул:

— Да кем бы ты ни оказался, без ударника пистолет не стреляет.

Неторопливо достав оружие, я оттянул курок и увидел, что это теперь просто безопасный кусок железа. Блин, и когда только успели? Отвечая на мой невысказанный вопрос, контрик объяснил:

— Ты свой ствол даже в баню с собой утащил. Хорошо еще в парилку не взял, а оставил его в предбаннике. Так что всё дело заняло буквально десять секунд...

Вот ухари! Конечно, вытащи он патроны, я бы по весу догадался, что дело нечисто. Но разницу в пару-тройку грамм заметить невозможно.

— Ну а дальше-то чего? Убедились, что я не из Бюро?

Игорь кивнул, и я решил нагнать дальше:

— Тогда верни боек, фармазон!

К моему удивлению, собеседник без всяких эмоций катнул по столу требуемую запчасть и молча наблюдал, как пистолет приводится в боеготовое состояние. Я же, сунув оружие в карман, с обидой поинтересовался:

— А вообще, мужики, мне непонятно, неужели то, что я слегка похож на какого-то карателя, заставило вас целую операцию провести? Мало ли похожих людей на свете? Или заняться больше нечем? Лучше бы Дубинина побыстрее прокачали и нам отдали! И тех двух бойцов, которых обещали прислать. Их ведь готовить надо, а время поджигает!

Говоря так, я почти не опасался, что сейчас мне заявят что-то типа: «этот каратель на тебя не только всеми родинками похож, но и ФИО у вас одинаковые!». Ведь судя по мутному фото (явно распечатанному с экрана), у контриков больше ничего нет, а что касается фамилии с именем, то в Бюро настоящие анкетные данные это тайна за семью печатями. Насколько мне известно, БОГСовцы в повседневной жизни активно пользуются псевдонимами, и с этой стороны меня поймать практически нереально. Так что теперь я (как несправедливо оскорбленный) могу требовать кое-каких послаблений. В частности — ускорения сроков карантина для того же Дубинина. Но молчавший до сих пор Мухин

развевал мои помыслы в дым. Закурив, Валера пару секунд барабанил пальцами по столу, а потом начал:

— Когда ты появился в отряде, мы тебя проверили. Правда, времена сейчас не те, поэтому и возможности у нас крайне ограничены. Сразу скажу, кое-какие подозрения относительно тебя были. Но у нас работа такая — подозревать до тех пор, пока не появится полной уверенности в лояльности человека. Только вот часть твоих слов проверить было невозможно, зато те, что возможно — подтвердились. Да и в дальнейшем ты себя неплохо показал. Поэтому я и не возражал, когда полковник Еремин предложил твою кандидатуру на должность ио комгруппы. Но на совещании у Касьянова...

И мне поведали, с чего все началось. Оказывается, на том самом совещании, где распределялось пополнение, один из командиров групп (ездивший наведни к родственникам в Екатеринбург), обратил внимание на странное сходство нового группника и некоего майора-карателя. Тот майор являлся представителем пресс-службы четвертого департамента и поэтому довольно часто мелькал по уральскому региональному телевидению. Парень в своих подозрениях не был уверен окончательно, так как было глупо предполагать, будто из пресс-службы можно попасть в полевые агенты, но о замеченной странности доложил Мухину. Валера тоже не думал, что внешняя схожесть о чем-то говорит, но по своей въедливой чекистской натуре, на всякий случай отправил запрос в Центр. Каково же было его удивление, когда там отреагировали очень бурно, практически тут же затребовав словесный портрет Корнева. А уже на следующий день в расположении отряда появились двое из ларца — Прядилин и Жданов, которые начали активно трясти Мухина относительно меня.

В этом месте Прядилин взял слово:

— Просто этот запрос коснулся «контрольки». А ответный запрос выявил очень странное обстоятельство — даже особые приметы совпадали с приметами одного известного нам человека. Сказать, что все были весьма удивлены, это ничего не сказать. Ведь согласись — мистика какая-то получается! Ладно просто внешнее сходство! Но когда все, вплоть до старых шрамов и имени идентично, о чем можно думать? Вот и там голову ломали, пока не подняли первый рапорт капитана Мухина относительно нового члена Сопrotивления.

А дальше Прядилин просто и буднично рассказал, что именно произошло. Дело было так: зимой, только я появился в отряде, меня проверяли, но в основном на региональном уровне. В Центре просто не было особой возможности вникать в отслеживание каждого кандидата. Тем более что список новых бойцов пополнялся лавинообразно (уж очень новая власть людей допекла). Но неделю назад, когда была задета та самая «контролька», дело Корнева было изучено досконально. И тут обозначился необъяснимый с точки зрения нормального человека факт: в подполье, как выяснилось, уже полгода существует двойник довольно высокопоставленного «карателя». Поняв это, народ, мягко говоря — офигел. А в процессе дальнейшего изучения было нарыто упоминание о Радужном-2 и всплыла фамилия Сосновского. Это ничего особенного не значило, и люди продолжали бы оставаться в обалдении, но среди проверяющих оказался человек знающий, чем именно занимались в Радужном. Именно он и предположил, что может быть вполне научное объяснение для всей этой фантастики. После чего в юго-западный регион срочно направились сотрудники из центрального отдела контрразведки Сопrotивления...

Слушая этот рассказ, я только затылок почесал. М-да, неожиданно как-то меня вычислили. Одно только непонятно:

— Если вы поняли, что я не из Бюро, то зачем весь этот фарс нужен был? Ладно еще так закончилось, а если бы Артуру башку напрочь проломил?

Прядилин спокойно ответил:

— Лишняя проверка делу не помеха. Зато сами посмотрели, что ты собой представляешь...

— Ну и как впечатления?

Игорь усмехнулся:

— Характеристике соответствуешь, — и тут же став серьезным, продолжил: — А теперь давай поговорим о насущном. Расскажи-ка нам, друг ситный, кто ты есть такой, откуда и как?

— То есть тому, что я о себе рассказывал раньше, веры уже нет?

Особист, глядя на мою задумчивую морду, усмехнулся:

— Знаешь, сейчас, глядя на тебя, я твердо уверен, что не только отпечатки пальцев, но и тесты ДНК у вас со ЗДЕШНИМ Корневым совпадут. Так что...

Я пожал плечами:

— Чего тут говорить? Мне самому удивительно, что удалось так долго инкогнито продержаться...

Прядилилин почесал затылок:

— Да-а... это мы маху дали. Хотя твоя легенда довольно неплоха. Правда, тщательной проверки не выдерживает. Она хороша только если в частности не вникать. Но ведь на то и расчёт был?

— Угу. С другой стороны, это чистая случайность, что среди проверяющих оказался человек, знающий о Радужном-два.

Мне возразили:

— Случайность, что тебя опознал тот группник. А дальше — даже не будь Матвея Ивановича, знакомого с Сосновским, мы бы все равно прибыли за тобой. Ну и поговорили вдумчиво... Ты бы сам всё рассказал. Только в этом случае нас пришлось бы УБЕЖДАТЬ в том, что ты рассказываешь не бред. Так что считай — повезло!

— Кому?

— Всем повезло! Так я жду. Давай начнем с анкетных данных и места работы. А потом ты поведаешь, сколько вас сюда прибыло, с какой целью и куда внедрились остальные.

На секунду я опешил, не поняв насчет «остальных», но позже до меня дошло, что контрразведчикам просто не может прийти в голову, будто проход в «параллельный мир» это частная инициатива небольшой группы лиц. Разумеется, они считают — за мной стоят спецслужбы моей страны. Ошибаются, но все равно я фиגעю с этих людей! Встретить представителя другого мира и, оставаясь совершенно спокойными, продолжать работать, как будто перед ними сидит обычный фигурант, из которого надо извлечь необходимые сведения! Это же какая выдержка должна быть!

С другой стороны — и мне расслабляться не стоит. Тут ведь дело такое: малейшая утечка информации на сторону грозит не просто большими, а огромными проблемами. И то, что эти два кадра прибыли с Валерием, особо еще ни о чем не говорит. РЕАЛЬНО, здесь, я доверяю лишь своим ребятам, Ваське Шмелеву и Павлу Викторовичу Еремину. А так как и другие соображения тоже имеют место быть, считаю наиболее безопасным, если командир регионального отряда «Вымпел» будет присутствовать при нашем разговоре. Исходя из этих мыслей, я и ответил Прядилину:

— Расскажу, не вопрос. Но только в присутствии полковника Еремина. Вы, мужики, не обижайтесь, но я вас впервые вижу и не имею никаких гарантий, что вы не из Бюро и не заставили каким-то образом Мухина вам помогать.

Здоровяк поднял брови:

— Вон как! А что нам мешает тебя забрать прямо сейчас и допросить в другом месте?

Я коротко ответил:

— Мои бойцы, — после секундной паузы, пояснил более развернуто: — Они точно не допустят, если меня куда-то потащат бессознательной тушкой. Что бы вы им ни говорили. А сознательно я не пойду.

Чекист задумался, после чего осуждающе посмотрел на Мухина, буркнув:

— Развели тут партизанщину! — и уже обращаясь ко мне, добавил: — Ну да черт с тобой, золотая рыбка, предложение принимается. Ждите!

После чего собеседник резко поднялся и вышел из комнаты. Валера же, вздохнув, тоскливо произнес:

— Зачем тебе эти сложности? Или ты всерьез думаешь, что меня БОГС может хоть как-то зацепить?

М-да, вопрос с подвохом, так как я слышал историю Мухина, у которого полтора года назад, во время ухода от «карателей», погибла вся семья. В подробности того дела не посвящен, но точно знаю, что более ярого противника нынешнего режима найти трудно. Только вот, боюсь, узнав истинное положение вещей (то есть то, что за мной нет серьезной конторы), на самом верху Сопротивления может появиться мысль избавиться от непонятного, «параллельного» Корнева. Предварительно, разумеется, выпотрошив его до доньшка. С другой стороны, зная смирновцев, шанс на подобное развитие событий очень небольшой. Зато присутствие Еремина, который никогда не сдает своих людей, однозначно сводит даже этот призрачный шанс к нулю. Поэтому, закулив и подтолкнув пачку сигарет к особисту, я примирительно произнес:

— Нет, не думаю. У меня несколько другие резоны в том, чтобы Павел Викторович был в курсе происходящего, но это слишком долго объяснять... И ты, Валер, извини, что тебя приплел...

Тот лишь отмахнулся, погрузившись в свои мысли. А потом, крутя в пальцах так и незажженную сигарету, внезапно спросил:

— Слушай, Сергей, если уж ты все равно говорить собрался, можешь лично мне сейчас на два вопроса ответить? — А после моего кивка, продолжил: — Мы тут предварительно прикидывали...

Собеседник замялся, но потом выпалил:

— Скажи, ведь Россия в твоём мире тоже существует?

— Да.

— И как там? Так же, как и здесь, или?..

Глядя на тревожно застывшего парня, я улыбнулся:

— Или, Валера, или... Двадцать лет назад чуть было до вашего уровня не скатились, зато сейчас бывший СССР процентов на восемьдесят уже собрали. Несколько на другой основе, но три, точнее почти четыре наиболее крупные республики в этот союз сейчас входят.

— Ф-фу-х-х...

Мухин, выдохнув, расплылся в улыбке и, закулив, откинулся на стуле, мечтательно глядя в потолок. Вид у него был, словно у ребенка, получившего на день рождения давно вожделенный «планшетник». М-да, Лешка, когда только начал осваиваться у нас, наверное, такую же счастливую морду имел. Зато потом, после уяснения всех реалий, дьякон заполучил столь сильный откат, что его с трудом удалось удержать от немедленных радикальных действий. Как бы и сейчас подобного не случилось. Я уже хотел было предупредить чекиста, чтобы тот не очень раскатывал губу, но не успел. Дверь открылась, и вошел Прядилин. Кинув несколько удивленный взгляд на Валерия, он задумчиво констатировал:

— Так, похоже, вы уже поговорить успели... — добавив после паузы: — Командир отряда прибудет завтра, ближе к обеду.

После чего, усевшись за стол, потер руки и предложил:

— Может, я тоже в вашем разговоре участие приму? Ты не против? Тайн никаких выпытывать не стану, а так — в общих чертах поговорим, что собой ваш мир представляет. Нет, ну в самом деле, чего время-то зря терять?

Я покладисто согласился:

— Почему бы и нет? Обязательно поговорим. Но только после приезда Еремина.

Игорь крикнул:

— Вот ведь упертый какой! Ладно, тогда, может, Валера меня просветит, с чего у него вдруг физиономия стала сиять, словно новенький пятак?

Мухин, не переставая улыбаться, ответил:

— Поверь, дружище, есть причина! Представляешь, ТАМ, Союз сохранился...

Не выдержав столь сильного преувеличения, я поправил:

— Не сохранился, а восстановился. И не весь, а большей частью. И не как «братские республики», а исключительно на общефинансовых интересах. Границы, правда, пока остались, но прозрачные, как в Евросоюзе.

Прядилин несколько секунд переваривал полученную новость, а потом выпалил:

— Ух ты! Вот уж действительно порадовал так порадовал! Вот только смущает «частичное восстановление»...

После чего он на какое-то время замолк, задумчиво почесывая щеку, а потом, слегка наклонившись ко мне, предложил:

— А дай-ка я угадаю, кто именно там у вас объединиться решил, — и услышав мой недоверчивый хмык, принялся рассуждать вслух: — Ну если уж сил хватило Союз по новой собирать, то РСФСР, вернее Россия, это само собой... Белоруссия тоже... м-м-м... Азербайджан, со своей нефтью и религией, на такое, скорее всего, не пойдет. Грузия? Ну уж нет — «батону» еще с восемнадцатого года бредили самостийностью. Забыли, видно, про турок... Армения? Э-э-э, скорее нет, чем да. Отсутствие общих границ с Россией делает их вступление проблематичным. Прибалтика? С тамошней русофобией и местечковыми комплексами, определенно — нет. Что еще? Так... Молдавия, та всегда к румынам тяготела... Средняя Азия? Вряд ли — у них там и в лучшие времена советской власти толком не было, правили шахи да баи, только что с партбилетами. Они всю жизнь спали и видели себя пожизненными царьками с неограниченными правами... Казахстан? Возможно, возможно... Народа там довольно мало, территории огромные, а имея под боком такую альтернативу, как Китай, выбор у них невелик. Если только примкнуть к исламистам? Тоже маловероятно. Казахи, конечно, проповедуют ислам, но не фанатичный, а умеренный, и в глубине души больше тяготеют к тенгрианству. Украина? Хм... Только если восточная. «Западенцы» на это никогда не пойдут, невзирая ни на какие дивиденды.

Открыв рот, я слушал особиста, поражаясь тому, как, имея настолько крохотную толику информации, можно додуматься до столь точных раскладов. А тот, видя мое удивление, подмигнул и подытожил:

— Так что вот моя версия — в ваш новый Союз входят: Россия, Белоруссия и Казахстан. Верно?

Тут влез Мухин:

— Сергей говорил про четыре республики...

Игорь удивленно почесал затылок:

— Э-э-э... четвертая — Киргизия? Может быть, только зачем вы этот геморрой себе... — но, углядев мое насмешливое выражение лица, быстро переиграл, удивленно округлив глаза: — Отставить! Елки-палки, неужели Украину все-таки распропагандировали?! Не может быть!

Я только руками развел и сознался:

— Не до конца. Вначале в Раде депутаты друг-другу морды били и кричали «геть!». А как газ полностью мимо них пустили, предприятия почти все встали, деньги кончились, и мордобой разросся до эпических размеров, они вынесли на обсуждение закон о федеративном устройстве страны. Ну дабы разойтись миром. Так что в этом году всё и решится окончательно...

Прядилин протянул:

— Пон-я-ятно... Но честно скажу — я удивлен.

Продолжая недоверчиво покачивать головой, он закурил и словно бы невзначай подкинул еще один вопросик:

— Слушай, а вот мне еще очень интересно, что у вас на Северном Кавказе творится? Там ведь такой суп-бульон должен быть... Дагестан, Ингушетия, Чечня... Или вы их сразу отсекли? — Тут собеседник на пару секунд задумался, пробормотав под нос: — Хотя нет, в этом случае идет возникновение южного пояса нестабильности, потеря Каспия, выход фундаменталистов на восток и — хана стране... — И уже в голос: — Так что насчет Кавказа?

А до меня наконец дошло, насколько хитро и продуманно могут работать действительно опытные контрразведчики. Я ведь не собирался никому ничего говорить. Во всяком случае, сегодня. Но этот парень так построил беседу, так хитро все вывернул, что гость из параллельного мира сначала с интересом выслушивал его рассуждения, а затем сам, с радостью, подсказывал правильные ответы в тех местах, где Прядилин затруднялся или ошибался. Да и Валера с ним в паре отлично сработал. Как Мухин четко сыграл на моем смущении, тут же задав свой первый и вроде совсем невинный вопрос! А я, чувствуя свою вину перед потерявшим семью человеком, ответил на него. Ну а дальше меня весьма лихо раскрутили. Вот ведь психологи, екарный бабай! И ведь что характерно — «тихушники» уже сейчас более-менее могут представить себе положение России, которое сложилось в моей параллели. Блин, одно слово — профи! Ладно, теперь моя очередь. Улыбнувшись спокойно глядящему на меня Игорю, я ответил:

— У нас на Кавказе за шесть лет две войны было, прежде чем там хоть немного устаканилось, — и, резко переводя разговор в другое русло, спросил: — Только вот, ответь, почему ты мне ударник отдал?

К чести Прядилина надо сказать: поняв, что клиент соскочил, он не стал дергаться или настаивать на продолжении своей игры. В общем, как говорят японцы — «лицо не потерял», лишь хитро прищурился, переглянулся с Валеркой и после паузы ответил:

— А зачем надо было обострять отношения с потенциальным союзником?

Я усомнился:

— Но ведь вы тогда еще не могли знать — с союзником или нет. Да и сейчас тоже...

— Ну почему же? Вот если бы ты, под каким-либо предлогом попытался уничтожить Артура, тогда бы у нас совсем другой разговор получился. Но сложилось как сложилось. Ты ведь не подозревал, что Жданов наш человек, считая его агентом Бюро. И ты не мог не знать, что этот агент, попав в руки контрразведки Сопротивления, обязательно расскажет, как именно он был расшифрован. А уж особый отдел, несомненно, заинтересуется полной копией «карателя» в рядах подполья. Вывод — собираясь сдать Артура нам, ты сознательно пошел на свое раскрытие. Причины? Они могут быть разные, но совокупность собранных нами предварительных данных позволяет предположить, что ты в гораздо большей степени можешь являться союзником, чем противником.

М-да... высказался парень кучеряво, но в общем-то понятно. Интересно только, какие такие «предварительные данные» они на меня нарыть успели? Хотя чего тут гадать: наверняка переговорили с Ереминым, с Васькой, с тем же Мухиным. Возможно, даже Настене вопросы задавали.

Бли-и-ин! Подумав об ожидающей меня реакции Брусникиной, я поежился. Нет, не зря во время службы слышал от опытных людей присказку, что настоящий боевой офицер в этой жизни не боится никого и ничего, за одним исключением. И это исключение — собственная жена. А я, глупый, тогда хихикал и не понимал всей глубинной мудрости данного высказывания. Настя мне пока не жена, но все же, м-м-м... страшновато. Она у меня барышня резкая и вполне в состоянии устроить крупный наезд за то, что я водил ее за нос и не рассказал о себе правды. И фиг ей докажешь, что собирался все выложить, только обстоятельства помешали...

Хотя, с другой стороны, особисты вовсе не дураки и наверняка опрос проводили под какой-нибудь совершенно невинной легендой. Так что об иномирском происхождении жениха Настька узнает из первых уст. Ну если все нормально срастется...

Так, слегка успокоившись относительно гипотетических семейных разборок, я, пользуясь позитивным настроением собеседников, решил прояснить еще один вопрос, который не давал мне покоя с тех пор, как Артур назвал меня «карателем»:

— Это хорошо, что вы меня за союзника держите. Только вот как же быть относительно здешнего Корнева? Неужели этот мудака, продавшийся Бюро и являющийся моей копией, никак не повлиял на ваше отношение? Ну хотя бы чисто психологически?

Ха. Похоже, Прядилин не был готов к такому повороту. Мухин, тот просто удивился,

зато у приезжего тихушника в глазах что-то мигнуло. И это «что-то» позволило мне развить тему:

— Или мой двойник не совсем из Бюро? — Видя непонимание на лицах у собеседников, пояснил более развернуто: — Я сильно сомневаюсь, что вы каким-то образом можете выяснить настоящее имя БОГСовца, так как это весьма и весьма конфиденциальная информация. Настолько конфиденциальная, что ее утечка ставит под угрозу жизнь и безопасность не только сотрудника, но и его родственников. Соответственно, берегут ее пуще глаза. Хотя, готов допустить, что фамилии некоторых вам все-таки известны. Но вот касаясь досье... Нет, кое-какая информация у вас есть, только далеко не на всех служащих Бюро. И теперь сами прикиньте, какова вероятность того, что я окажусь двойником именно того человека, на которого у вас есть не только верные данные ФИО, но и досье, а на досье — «контролька»?..

Я замолк, собираясь выдержать многозначительную паузу, только спрятавший улыбку. Прядилин резко поторопил:

— И к чему ты клонишь?

— К тому, что когда Валерий упомянул о метке на досье, меня это сильно царапнуло. Просто я догадываюсь, в каких случаях ставится сигнальная отметка. А вот когда ты упомянул насчет отпечатков пальцев и тестов ДНК, почти все встало на свои места. Ведь я, в СВОЕЙ конторе, тоже — и «пальчики» оставлял, и образцы тканей. Через это проходят все военнослужащие, имеющие отношение к разведке. И если предположить, что здешний Корнев не каратель, а ВАШ человек, то сразу все непонятки находят объяснение. И знание его анкетных данных, и «контролька» на личном деле, и отпечатки пальцев. Я прав?

Игорь хмыкнул:

— Ну, положим, про пальцы и тесты я, может быть, образно выразился. Хотя ход твоих мыслей достаточно интересен. А с другой стороны, не все ли тебе равно?

— Нет! Знаешь, мы с ним не сталкивались, но сама мысль, что твоя копия, практически ты, может предать все самое для тебя дорогое, вызывает такое кипение внутри...

Махнув рукой, я замолк, а внимательно разглядывающий меня Прядилин аккуратно затушил сигарету и ответил:

— Понимаю, но давай этот вопрос пока отложим. До лучших, так сказать, времен.

Так, так, так... интересненько. Если бы я был неправ в своих выкладках, то этот парень просто бы развел руками — дескать, что поделать, если твой двойник стал предателем. Зато ты сам — ого-го! Пришелец и союзник! Но он так не сделал. Почему? Да потому что понимает — нам, возможно, вместе работать, а мой интерес к Корневу-2 никуда не пропадет. Соответственно, рано или поздно я узнаю правду и, если он мне сейчас соврет — выкачу претензию. Только ведь и вот так, с бухты-барахты, сдавать агента смирновцев, внедренного к противнику, Игорь явно не уполномочен. Поэтому и выразился столь обтекаемо. Но, как говорится: умному — достаточно.

И это не может не радовать, а то, честно говоря, мне было очень неуютно от осознания факта, что при некоторых обстоятельствах я могу стать скурвленной сукой. Зато сейчас все встало на свои места и настроение резко повысилось. Настолько, что, не удержавшись, я подмигнул особисту, а он, поняв, что я понял, поджал губы, побарабанил пальцами по столу и опять повернул разговор в неожиданную сторону:

— Слушай, Сергей, вот мы с тобой общаемся, общаемся, а я все никак не пойму — почему ты так настаиваешь на присутствии Еремина? Зачем тебе это надо?

Я пожал плечами:

— Павел Викторович приедет, на все вопросы отвечу. В том числе и на этот. А сейчас — извини... И вообще — у меня есть предложение: завтра, чую, будет очень насыщенный день, а время — за полночь. Так что, может, пора закругляться?

Прядилин, выдохнув сквозь сжатые зубы, оценил непреклонное выражение на моей физиономии и вынужден был согласиться. Единственно, перед отправкой на боковую обговорили, что именно скажем остальным ребятам, да я для себя прояснил непонятку,

касающуюся странного поведения Артура. Спрашивается, зачем он вскочил, когда мы его уже вязать собрались? Но чекисты объяснили ситуацию просто: парень, поняв, что я его собираюсь сдать особистам, решил не усугублять ситуацию и сразу обозначить свою принадлежность к контрразведке Сопротивления. Видно, опасался, что ему, еще до того, как он хоть что-то успеет объяснить, грубые «вымпеловцы» в процессе «пеленания» почки опустят. Только этот торопыга не учел моего взвинченного состояния...

В общем, как подытожил Игорь:

— Не переживай, Артур сам виноват. Не дергался бы, не обзавелся рогом на голове.

Я кивнул, соглашаясь, и мы потопали располагаться на ночь.

Глава 14

— Федька, слева!!

После этого выкрика Цыган шустро повернул ствол пулемета и выпустил экономную очередь в мелькнувшие возле углового дома фигурки. Видно было, как от стены полетела пыль, и один из «карателей» упал. Но еще трое успели заскочить за укрытие.

Осторожно выглядывая в окно, я мрачно констатировал:

— Мля, а до хрена их уже там накопилось. Человек десять, не меньше! Смотри, Федь, дуриком через пустырь они не попрут, а вон там, слева, попробуют просочиться. Поэтому на тот сектор основное внимание... Кстати, как у тебя с патронами?

Бывший прапорщик, сверкнув белозубой улыбкой, особенно контрастной на чумазой физиономии, ответил:

— Нормально, командир, хватает!

Это хорошо, хоть одной головной болью меньше... Но давят на нас — мама не горюй! Вон всюду бой идет. А возле здания мэрии еще и густые черные клубы дыма вверх поднимаются. По слухам, там проскочивший вражий БТР сожгли. Кстати, на нашем участке тоже клювом не щелкали и в доказательство тому — раскорячившийся в начале улицы «хамви» с дыркой в борту. Плохо только, что парень-гранатометчик, заваливший пиндосовский вездеход, так и остался лежать в палисаднике. Не успел уйти после выстрела, и каратели его подловили, накрыв дружным залпом из подствольников.

Хм, каратели... Такое впечатление, что наша разведка несколько промахнулась и против нас сейчас воюет не менее пары рот южнорегионального спецназа БОГС. Да и полиции хватает. Одно утешает — вся эта шобла действует без средств усиления. То есть без танков и артиллерии. Вертушек, что характерно, тоже не наблюдается. Это, разумеется, очень радует, так как полковыми калибрами нас бы быстро в пыль раскатали.

Но врагов тупо больше, и они напирают со всех сторон, взяв Заречное в полукольцо, пытаясь оттеснить его защитников к центру станицы. Поэтому моей группой усилили бойцов, которые расположились в недостроенной трехэтажке. Место оказалось что надо: отсюда открывался прекрасный обзор и мы могли контролировать не только подходы к дому, но и прикрывать стратегически важный перекресток, по которому нет-нет да и проскакивают машины, развозящие подкрепление и боеприпасы «смирновцам». Одно плохо: эта позиция хороша ровно до тех пор, пока не начнется артобстрел. Или пока противник не подгонит танк на прямую наводку. Тогда нас быстро выкурят. Но пока ни того, ни другого не видно, мы здесь крепко стоять будем.

А ведь еще во вторник ничто не предвещало столь грандиозной дупы.

* * *

Да, ничего не предвещало, хотя иных событий хватало. Тогда, сидя на базе, мы дождались приезда Еремина и я раскололся по полной. Да уж, надо было видеть глаза командира, когда он получил из первых рук наглядное подтверждение теории множественности миров. Обычно спокойный Павел Викторович минуты две разговаривал

исключительно матом, сбрасывая зашкалившее удивление, но потом подключились чекисты, направив беседу в более конструктивное русло. Правда, вскоре и они впали в сильную задумчивость. Это когда я сообщил, что за мной не стоят ни государство, ни какая-либо организация. То есть вообще никого, кроме старого ученого и обремененного семьей выходца из их же мира. Выражение лица Прядилина при этом известии стало просто неопишное. Он был похож на невесту, которой монументальная служащая загса сообщила о внезапном бегстве жениха. Да и остальных новость настолько ошандарашила, что допрос на какое-то время увял. Но потом, встряхнувшись, «тихушники» снова принялись за дело. Профессионалы, что с них взять. И Игорь сразу отыгрался за свой короткий ступор. Щелкнув пальцами, он воскликнул:

— Вот оно в чем дело! А я-то все голову ломал, ну для чего тебе Еремин понадобился? Зачем ты так настаивал на его присутствии? Теперь все понятно... Опасался небось, что мы тебя растрясем, а потом в расход пустим? И Павел Викторович страховкой выступал?

Я лишь руками развел, а Артур, осторожно потрогав шишку на голове, задумчиво протянул:

— Похоже, не все так гладко в вашем датском королевстве, если у тебя такие мысли появлялись...

Пришлось огрызнуться:

— В нашем так же, как и в вашем! Из одного корня растем!

Тут влез Мухин:

— Корень, может, и один, да поросль разная. Раньше, конечно, всякое бывало, но теперь мы ценить людей научились. Во всяком случае, своих секретоносителей превентивно не шлепаем.

Прядилин легким хлопком по столу прекратил разборку:

— Отставить спор, мичуринцы юные. Позже разберемся, где вершки, а где корешки. Мне другое несколько неясно... Сергей, а почему ты вообще решил примкнуть к Сопротивлению? Нет, сейчас-то оно понятно: невеста в «колхозниках», личный счет к демократам, боевые друзья. Но что тебя вообще толкнуло на этот шаг? Первопричина? Дело-то у нас, как ни крути, смертельно опасное, а на юношу бледного со взором горящим ты вовсе не похож...

Я смущенно хмыкнул... Врать, бия себя пяткой в грудь и изображая белоконого рыцаря, исключительно по велению сердца вступившегося за угнетенных соотечественников, не хотелось, поэтому сказал как есть. Узнав о моих разногласиях с мстительными арабами, корыстными чеченцами и совете Профессора, Игорь облегченно выдохнул, выразившись в том смысле, что теперь все встало на свои места. А то поначалу с ним, дескать, чуть когнитивный диссонанс не приключился.

Кстати, информация о моих личных проблемах привела к интересному результату. Оно и так было понятно, что теперь я буду плотно взаимодействовать не с Ереминым, а с чекистами. Но вот то, что после известия о заморочках Корнева, командир с контрразведчиками коротко переговорили и решили посвятить в тайну Цыгана с Чижом, стало для меня очень приятной неожиданностью. Причем Павел Викторович сам предложил сей вариант, а «тихушники» быстренько согласились. Ну правильно — разного рода аналитиков у них хватало, а вот с грубой силой для прикрытия будущих разведчиков параллельной реальности дело обстояло не очень. То есть присутствовал кадровый голод, прямо как в «Вымпеле». А под эту лавочку удалось даже выбить к себе в команду Костю Дубинина. Что поделать — нравился мне этот парень, да и в деле проверен.

Ну а после командирских решений в комнату были приглашены мои ребята. Самое смешное, что они даже не очень-то удивились, узнав, кем на самом деле является их группник. Во всяком случае, и ступор у мужиков длился недолго, и потрясенных матов не последовало (возможно, присутствие начальства помешало). У Ваньки просто брови уехали куда-то под чубчик да там и остались. Федор же оказался более говорливым. Он некоторое время переваривал сказанное, а потом, просветлев физиономией, ткнул в меня пальцем и

торжествующе произнес:

— Старлей, говоришь? ГРУшник? Да я давно понял, что с тобой что-то не так! Тертого жизнью прапорщика не проведешь! Мы старшего по званию нутром чуем!

Прядилилин, услышав столь смелое заявление, лишь хмыкнул, приказал вновь прибывшим сидеть молча и начал, как он выразился, «краткий опрос». Двухдневный, мля! С перерывами «напожрать» и немного поспать. Правда, Еремин с Мухиным убыли уже к вечеру первого дня, прихватив с собой Кукшу. Но и оставшихся вполне хватило для того, чтобы у меня мозги закипели. А когда я уже думал, что отстрелялся, появился Костя Дубинин, и так как его тоже надо было вводить в курс дела, говорильня началась с начала.

Только рано или поздно все заканчивается, и вот, во вторник, мы, всем гамузом загрузившись в «уазик», начали движение в сторону Михеевки. Да уж... Я было думал, что Игорь сначала представит меня пред очи высокого начальства (глядишь, и самого легендарного генерала Смирнова удостоюсь лицезреть), но он ограничился лишь приватным телефонным разговором с неизвестным абонентом. И именно после этого разговора было озвучено решение выдвигаться к порталу. Ну понятно, похоже, в руководстве подполья для начала желали убедиться, что «турник» на самом деле существует и Корнев действительно является пришельцем из параллельного мира, а не странной биологической аномалией.

Но так как выехали мы уже после обеда, то к исходу дня были только на полпути к цели. Поэтому остановились на ночь в месте под названием Заречное. М-да, населенный пункт еще тот. Некогда богатая и большая станица (с преобладающей застройкой двух- и трехэтажных кирпичных домов) при новой власти быстро пришла в упадок, так как люди, в поисках работы, разбежались кто куда. Но потом начался обратный процесс. Это как раз когда военизированные «колхозники» стали оседать на земле. Они постепенно наладили жизнь и теперь здесь, помимо небольшого мясокомбината, функционируют овощеконсервный и молочный заводы. А еще эта станица является одним из опорных пунктов движения Сопротивления. И я лично знаком с шестью мужиками именно из Заречного, которые входят в состав боевых подразделений «Вымпела». А ведь это только спецназ подполья! Сколько же тут проживает простых бойцов — бог весть.

Прядилилин, правда, никак не прояснил мой вопрос, сказав лишь, что в этой станице все контролируют наши люди, включая мэра и полицию. Вот у одного из этих самых «наших людей» мы и заночевали. Спали замечательно. Хотя чего бы не спать сытым да довольным. Но вот пробуждение вышло неожиданным. Сначала, сквозь сон, услышал трель телефонного звонка, а затем «бу-бу-бу» разговора. Звонили явно не мне, поэтому я лишь повернулся на другой бок, снова провалившись в сон. Только вот долго храпеть не дали, так как через какое-то время был разбужен командой:

— Подъем, мужики!

Открыв глаза и машинально глянув на часы, отметил, что еще шести утра нет, а источником беспокойства стал наш хозяин, Митрич, который, стоя в проеме, словно статуя Свободы (только у него вместо факела была керосинка), добавил:

— Циркулярно получен сигнал «Заря».

Прядилилин от этих слов взлетел, будто его шилом ткнули, и, прыгая на одной ноге, стал натягивать штаны. Мы тоже подскочили. Ну еще бы — ведь «Заря», означает не просто приведение сил в полную боевую готовность, но и начало выполнения конкретной задачи. Я не знаю, что за планы начинают работать у местных подпольщиков, но вот наша группа, получив подобное сообщение, должна была немедленно выдвигаться в направлении Подкумок, где, соединившись с группой Стрелка и Клима, оседлать дорогу Подкумки-Дуборицкая. После чего держать ее до получения нового приказа, не допуская прохода сил полиции или Бюро к станице.

Загвоздка в том, что мы, из состава сил СпН Сопротивления, нынче прикомандированы к контрразведке, и что делать, сейчас пока неясно. И главное, уточнить оказалось не у кого! Хозяин, хлопнув дверью, куда-то убежал, а Игорь схватился за свой хитрый телефон, выставленной ладонью пресек наши вопросы, после чего, набрав номер, стал ждать ответа.

Ждал долго. Не дождавшись, ругнулся и снова набрал. В этот раз, судя по всему, успешно, так как контрик, облегченно выдохнув, начал говорить:

— Здесь Фагот. Восемь, три, семь, пять, семь, четыре, один..? Прошу переключить на «Гамму-два».

Пауза между фразами длилась заметно дольше, но, в конце концов, неведомая «Гамма» откликнулась. Прядилин вновь повторил свои математические заклинания и объявил:

— Фагот с объектом «Тень» и группой поддержки находится в пункте двести одиннадцать. Прошу подтверждения «Зари» и уровня оповещения... Алло! Алло! Тьфу ты!

Игорь, убрав трубку от уха, удивленно посмотрел на ее экран, пробормотал: «Что за ерунда» и опять принялся терзать коммуникатор. Но безуспешно. В конце концов сдавшись, он раздраженно сунул телефон в карман, буркнув при этом:

— Глухо, как в танке. Черт!

Я, оглянувшись на стоявших за спиной мужиков, озвучил общий вопрос:

— Чего ругаешься-то?

Игорь, не переставая задумчиво морщить лоб, изрек:

— Да всё как-то непонятно... Сигнал мне подтвердили, но уровень назвать не успели — связь пропала. И ведь вроде в ближайшее время настолько резких телодвижений не ожидалось. Ладно, я буду пробовать дозвониться, а пока время терять не будем. Давайте завтракать и собираться. Думаю, денек предстоит еще тот...

Все с этой мудрой мыслью согласились и переместились на кухню. Само собой за завтраком разговор вертелся вокруг «Зари», так как никто не мог понять: она объявлена по области, регионально или вообще — по всей стране? Ну предположение насчет всей страны, после недолгих обсуждений, было отвергнуто, так как Дубинин глубокомысленно произнес:

— Насколько мне известно, у нас обычно все подобные дела совершаются в конце лета или осенью. То есть желательно после уборки урожая. Во-первых — традиция, а во-вторых, чтобы зимой зубы на полку с голодухи не складывать. А сейчас — весна.

Прядилин его поддержал, объяснив, что в центре, еще десять дней назад, ничего подобного не готовили. Я удивился:

— А из-за чего еще «Зарю» могут объявить?

Игорь пожал плечами:

— Информации нет, поэтому можно лишь предполагать. Ну к примеру, с каганата или с эмирата пошла в набег особо крупная банда. В пару тысяч голов. И вояки их не смогли удержать. Поэтому было решено вооружить людей.

— А как же БОГС? Они ведь тогда махом вычислят всех здешних колхозников!

— Значит, другого выхода не было.

Тут не выдержал Чиж:

— Да что мы гадаем? Попробуй Митричу позвонить. Он-то, наверное, уже в курсе.

Прядилин очередной раз достал телефон и, продемонстрировав нам экран, на котором мигал сигнал поиска сети, пояснил:

— Зоны до сих пор нет. Так что сидим ровно и ждем Дмитрия Дмитриевича. Не навсегда же он убежал?

Командир как в воду глядел, так как буквально через пять минут хлопнула дверь, явив на пороге хозяина квартиры. Вид у него был суров и брутален. Поверх обычной одежды на Митриче была надета разгрузка, топорщившаяся набитыми кармашками, за плечом торчал тубус одноразового гранатомета, а из-под локтя выглядывал ствол автомата. Цыган ошарашенно присвистнул, но Игорь, мигом оценив экипировку вошедшего, кашлянул и каким-то севшим голосом приказал:

— Докладывай, что происходит?

Хозяин, глядя на нас шалыми глазами, выпалил:

— Восстание! Общероссийское! Дождались-таки, братцы! Сказали, что в Москве правительство — к ногтю! Да и в других городах демократов как клопов давят!

Мы несколько секунд переваривали известие, а потом я, растерянно оглянувшись,

уточнил:

— Э-э... это что, и вправду, что ли, революция?

Мои парни тоже выглядели несколько ошарашенными. Блин, ну вот почему у нас всегда так: к чему-то готовишься, готовишься, но это «что-то» все равно случается неожиданно, заставляя тебя врасплох. И плевать, что война, зима, приезд тещи или как сейчас — вооруженное антиправительственное восстание. Поэтому ребят и накрыло. А все из-за того, что непонятны дальнейшие действия. Нет, мы можем продолжать выполнение задания, как будто ничего не произошло, но дураков в группе нет и все прекрасно понимают, что резкое изменение обстановки ставит крест на прежних планах. Ведь сейчас все силы демократов будут брошены на подавление выступающих. Это значит (если вспомнить времена Екатеринбургского восстания): практически круглосуточный комендантский час, жесткие проверки на дорогах, аресты и расстрелы всех мало-мальски подозрительных. В общем — полный букет. И нарваться по пути на беспредельничающий блок-пост озверевших карателей можно очень легко. А у нас даже завалящего пистолетика с собой нет. Так что прежде, чем чего-то делать, надо бы разобраться в обстановке...

Игорь, похоже, мыслил в том же направлении и, почувствовав, что на нем сосредоточились взгляды всех бойцов группы, озвучил общий вопрос:

— Что со связью? И где сейчас находится здешнее командование?

Взбудораженный Митрич, которому были глубоко до лампочки наши внутренние метания, махнул рукой:

— Сказали: для нарушения координации сил карателей и полиции, эфир давят глушилками. Причем, похоже, с обеих сторон. Либерасты вроде тоже средства РЭБ⁴⁴ задействовали. Но обычные телефоны пока работают. А всё начальство должно быть в штабе. Он в управе разворачивается. Так что собирайтесь, хлопцы, и поехали!

Обсуждая между собой новость насчет революции, мы, засыпая Митрича вопросами, резво загрузились в наш «уазик» и, толком даже не прогрев машину, рванули в указанном направлении. А пока ехали к центру села, наблюдали интересные картины. М-да... будто черно-белые хроники времен войны смотришь. Ну когда московское ополчение показывают. Особенную аутентичность добавлял тот факт, что только-только начало светать и красок не было видно. Поэтому получалось один в один: мужики с парнями, выходящие из домов и сливающиеся в небольшие колонны. Бабы, догоняющие их и сующие в руки какие-то свертки, с явно продуктовой начинкой. Очередь к грузовикам, с которых раздавали оружие.

Единственное отличие от сорок первого было в типах оружия и в том, что регистрирующие раздачу стволов уполномоченные делали записи не в журналах, а набивали информацию на клавиатуре ноутбуков. Да и мелькавшие в свете фар лица у людей были не мрачно-озабоченные, а сурово-торжествующие. В общем, увиденное впечатляло.

А когда мы начали объезжать строящуюся поперек улицы баррикаду, рядом с которой сгружали какие-то армейского вида ящики, Цыган удовлетворенно заявил:

— Вот ведь как народ поднимается. И это по всей стране сейчас такое происходит. А говорили — до семнадцатого года еще ждать и ждать...

Я не врубился:

— До какого еще «семнадцатого»?

Федька ухмыльнулся:

— Анекдот такой есть: мужик, глядя на то, что творится вокруг, сокрушенно говорит: «Дела в стране хуже некуда, а до семнадцатого года еще несколько долгих месяцев...»

Поняв, что в анекдоте обыгрывается дата революции начала двадцатого века и ожидание революции двадцать первого, я фыркнул, но прокомментировать услышанное не успел, так как в этот момент машина, скрипнув тормозами, остановилась на небольшой площади перед мэрией. Митрич, глядящий орлом и соколом, по-молодому выскочив из

⁴⁴ Радиоэлектронная борьба.

«уазика», хлопнул дверцей и взмахом руки пригласил следовать за ним. Мы стали выгружаться, но я несколько застопорил движение, так как, глянув на подсвеченный небольшим прожектором флаг над зданием, застыл. Да и было отчего! Ведь вместо привычного триколора, на коньке в бодрящем утреннем ветерке слабо полоскалось красное знамя.

Получив ускоряющий толчок, я освободил проход и, не отрывая взгляда от столь необычного зрелища, озвучил свое удивление:

— Хренасе! И когда только успели?!

Один из мужиков, которые с самым деловым видом выгружали из пикапа НСВ⁴⁵ на треноге, обернувшись на мои слова, гордо заявил:

— Дык у нас уже часа полтора как власть сменилась! А ты, паря, что, все проспал?

После чего, коротко хохотнув, кивнул своему напарнику, крякнул, ухватился за станок, и они шустро поволокли пулемет куда-то за палисадник.

К слову сказать, народу на площади хватало, и не я один замер при виде флага. Вон, стоящий метрах в десяти от меня здоровенный парняга в камуфляже и казацкой фуражке, услышав наш разговор, поднял голову вверх, несколько секунд ошеломленно хлопал глазами, а потом, широко перекрестившись, произнес:

— Сподобил-таки Господь!

Митрич же, на ходу здороваясь с какими-то своими знакомыми, и уже отошедший от нас к самому входу, обернувшись, недовольно поторопил:

— Давай быстрее, а то никого не поймает!

И мы поскакали ловить здешних командиров.

Поднимаясь на второй этаж, я усмехнулся промелькнувшей мысли. Чиж, услышав мое фырканье, заинтересовался:

— Серега, чего прикалываешься?

— Да вот думаю: революция и все такое. А здесь, типа, Смольный. Но тогда по закону жанра у меня в руках сейчас должен быть чайник, а здешний Ильич просто обязан всем показывать, где можно набрать кипятка!

Курящий возле окна высокий парень обернулся и, ткнув пальцем себе за спину, проинформировал:

— Кулер в конце коридора.

Я от неожиданности тормознулся:

— А ты никак Ильич?

— Ага! Антон Ильич Пивоваров! Дядь Дима, это что за народ?

Наш провожатый отмахнулся:

— Да спецы, на задание шли, а тут такое... Не знаешь, Дмитриенко на месте?

Помолодевший и обросший клон Ленина, выдающий себя за Пивоварова, отрицательно мотнул головой:

— Нет. Они с начштабом и командирами подразделений на запасной пункт убыли.

— А кто есть?

— Лаптев вроде у себя. Лешку-связиста активно тиранит. По уму, у того радишарманка должна средства РЭБ преодолевать, но пока вроде не получается...

В этот момент с улицы донеслось:

— Тоха, ты здесь? Там выстрелы к гранатометам привезли!

Услышав сей милитаристский вопль, длинный, моментально потеряв к нам интерес, ткнул окурком в стоящую рядом пепельницу и ссыпался вниз по лестнице. Ну а мы потопали дальше и уже минуты через две удостоились чести лицезреть одного из местных командиров. Среднего роста лысоватый мужик лет сорока, одетый в новенький, необмятый камуфляж, нависал над сидящим к нам спиной парнем и грозно рокотал:

⁴⁵ НСВ 12,7 «Утес» — крупнокалиберный пулемет.

— Чего?! Опять «нет отклика»?! Тарасов, твою мать! Ты вообще знаешь, чем это пахнет?!

Парень вяло оправдывался:

— Макар Иваныч, ну что я могу сделать! Похоже, проблема на той стороне!

— Не «Макар Иванович», а товарищ капитан! Привыкай, боец! И если ты мне через десять минут связь с «Вербой» не дашь, я тебя мехом внутрь выверну! После чего, с катушкой в зубах, до самого Ростова запущу! Проблемы исправлять!

Тут мужик, наконец заметив посторонних, повернулся к нам. Увидев Митрича, догадливо кивнул:

— А, спецы прибыли!

Игорь, коротко козырнув, представился:

— Майор Прядилин. Третье управление.

Собеседник на секунду опешил:

— Эвона как — контрразведка... А говорили: ребята с «Вымпела» идут... Ладно, понял, — после чего, протягивая руку, отрекомендовался: — Капитан Лаптев. Заместитель начальника узла связи.

Игорь кивнул:

— Вот вы-то нам и нужны! Выход на Москву есть?

Капитан поморщился:

— Нет, — тут же поправился: — Пока нет. Тут ведь такое дело...

И Лаптев принялся нам объяснять причуды прохождения сигнала при наличии активного противодействия средствами радиоэлектронной борьбы, но Прядилин его быстро остановил:

— Понятно. А что вообще в стране происходит? Вам хоть какие-то подробности известны?

— Так точно! В дополнение к «Заре» первого уровня было сообщено, что в Москве, Питере, Ростове, Новосибирске и остальных городах России начато и успешно развивается крупномасштабное вооруженное восстание. Обстановка на шесть тридцать такова: во всех регионах, кроме южного, сопротивление сил МВД и БОГС практически подавлено. В Москве еще продолжается зачистка, но президент и часть членов правительства — захвачены. Столичная Штаб-квартира и Центр подготовки БОГС подверглись массированному обстрелу РСЗО. Также уничтожены базы «Зи» под Калугой, Екатеринбург и Архангельском. Еще сообщили, что большая часть вооруженных сил из состава Министерства обороны сразу перешла на сторону восставших. Остальные, находясь в пунктах постоянной дислокации, сохраняют нейтралитет. Каких-либо сведений относительно реакции из-за границы, на революцию в России пока не поступало.

Капитан замолк, только опытный контрразведчик на этом не уgomонился и, угощая начальника узла сигаретой, подольстил:

— Ясно. Но это официальная информация. А связисты что меж собой говорят? Вы же обычно всегда больше всех знаете?

Лаптев усмехнулся и предупредил:

— Кое-что знаем. Но исключительно на уровне слухов.

Игорь усмехнулся в ответ:

— Да нам, кабанам, поровну. Особенно в нынешней обстановке.

И связист начал нас просвещать...

Полностью информацией он, разумеется, не владел, но про Москву и Ростов более-менее был в курсе. По его словам, сегодня, поздней ночью, учебный городок и общежития Центра подготовки БОГС были уничтожены в результате артобстрела. Причем в этом был задействован чуть ли не дивизион РСЗО «Прима».⁴⁶

⁴⁶ Реактивная система залпового огня.

Тут я, правда, засомневался. Нет, под сомнение попал не сам факт обстрела, а количество боевых машин. Дивизионом можно небольшой город вынести в щебень, а тут всего какой-то учебный центр...

Лаптев же тем временем продолжал рассказывать, что артобстрелу подверглась и зона элитной застройки по Новорижскому шоссе, где селились наиболее влиятельные российские нувориши и правительственные чиновники. Ну здесь понятно — у них там охраны было столько, что проще издалека всю эту камарилью накрошить, а потом провести зачистку, чем терять людей, штурмуя каждый замок в отдельности.

Кремль никто не атаковал, так как президент, собрав наиболее влиятельных людей из своего окружения, проводил заседание в своей новой резиденции. Там их и накрыли, всюю применяя (опять-таки по слухам) газы. Использовали не боевое ОВ, поэтому большинство политиков удалось захватить живьем.

А вот в Ростове произошла накладка. Полиция, когда поняла, что это не серия терактов, а полномасштабная революция, сразу разбежаться начала, но части спецназа БОГС вместе со своим южнорегиональным штабом успели подняться по тревоге и заняли оборону в местах постоянной дислокации. Блокировать-то их блокировали, только они начали рассылать хелпы подразделениям карателей, разбросанных по всему югу страны. А ведь в наших краях больше половины списочного состава Бюро сосредоточено...

Поэтому сейчас всех боеспособных «колхозников» бросают на перекрытие трасс, ведущих к Ростову. Конечно, в верхах понимают, что подразделение из нескольких десятков вооруженных гражданских не уничтожат, к примеру, роту спецназа, но слегка задержать и потрепать ее смогут. Тем более насмерть стоять никто не требует. Удачный выстрел из гранатомета, меткая пулеметная очередь по грузовику или вовремя подорванный фугас — вот их основная задача. Тут главное, именно задержать противника, чтобы он, распыляя силы, не подошел к городу единым кулаком.

Прядилилин, внимательно слушавший капитана, протянул:

— Угу... Выходит, везде нормально, а на юге все-таки промашка вышла. Ну да ничего, народа у нас здесь хватает. Удавим гадов, никуда не денутся, — и задумчиво пробормотал: — Непонятно только, куда так спешили...

После чего, помолчав какое-то время, задал неожиданный вопрос:

— Ты не знаешь, а в мире вчера ничего эдакого не происходило?

Лаптев удивленно поднял брови:

— В мире? Э-э... О, точно! В новостях об этом ничего не говорилось, но мне вон Лешка, — связист ткнул в своего молчаливого подчиненного, — хакер наш недоделанный, рассказал, что вечером выходил на забугорные сервера. Так там все на ушах стоят! Оказывается, двенадцать часов назад пиндосы объявили о том, что отныне их национальной валютой является амеро...

— Вот! — Игорь эмоционально ударил себя кулаком по ладони и расплылся в улыбке. — Теперь все ясно!

Я, честно говоря, ни хрена ничего не понял и уточнил:

— Чего ясно-то?

Командир на секунду замаялся, а потом махнул рукой:

— Это уже не секрет, так что объясню. Общероссийское восстание готовилось. И должно было состояться в начале июля. Для этого в нужных местах сосредотачивались люди, оружие, техника. Да вы по своему ополовиненному «Вымпелу», наверное, догадывались, к чему дело идет.

— И? При чем тут новая штатовская валюта?

— Просто один из вариантов предусматривал немедленное начало вооруженного выступления в случае принятия в США амеро. Немедленное!

Я задумчиво почесал затылок. Странно... Что-то не сходится. Нет, из-за чего так должно произойти как раз понятно. Во всех странах сейчас не просто паника, а настоящий хаос. Ну еще бы! Люди теряют настолько сумасшедшие бабки, что ни отдельным личностям,

ни правительствам нынче точно не до России. Амеры из игры выпадают, по вполне понятным причинам. Им свое кидалово еще долго расхлебывать придется. А пока буржуи прочухаются, мы не просто власть взять успеем, но и закрепиться в ней. И потом уже поздно будет что-либо особо пакостное против нас предпринимать.

То есть сам факт привязки начала революции к сильному общемировому потрясению вполне логичен и вопросов не вызывает. Но как?! Как «колхозники» умудрились столь шустро на него среагировать? Это просто физически невозможно! Время «Ч» можно перенести на час, на два, на день, но ведь не на два с половиной месяца! Даже если бы они плюнули на предварительную подготовку и начали действовать сразу после получения новости относительно амеро (а это, напомним, вчерашний вечер), то ничего кроме пшика не получилось бы. Вон Лаптев упоминал дивизион «Прима». Да пусть там был не дивизион, пусть даже батарея. Но сколько ей времени понадобится снарядиться, выдвинуться на позиции, развернуться и нанести удар? Нет, никак не успевают. Если только...

От внезапно пришедшей мысли я замер. Хм, если только подпольщики о новой американской валюте не были оповещены хотя бы за несколько дней. Ну к примеру, за неделю. Тогда можно пренебречь неполной готовностью к восстанию и выступить уже накопленными силами, чтобы только не упустить момент.

Блин, но ведь информация о смене валюты относится к такому уровню государственной тайны, что я даже не представляю себе количество нолей к грифу! И что в политическом, что в денежном эквиваленте стоит она даже не миллиарды, а триллионы и триллионы! А если подпольщики о ней узнали, значит, утечка информации от пиндосов шла с самого верха...

— Чего завис?

— Что?

Повернувшись к Цыгану, я несколько секунд непонимающе хлопал глазами, и он повторил:

— Чего, говорю, завис? Да еще с такой физиономией, как будто ты какой-нибудь новый физический закон сейчас откроешь!

Но я, не обращая внимания на подначку, наклонился к уху командира, тихо сказав:

— Оказывается, наша агентура за рубежом просто отлично работает!

Прядилин, напрягшись, остро глянув мне в глаза, а потом усмехнулся и кивнул:

— Да, очень даже неплохо...

В этот момент Лешка-связист оторвался от своей бандуры, радостно объявляя:

— Есть связь!

Лаптев метнулся к нему, что-то проверил, после чего, мгновенно построжевав лицом, приказал:

— Так, товарищи, хаханьки кончились. Всех попрошу покинуть помещение узла.

Народ безропотно направился к выходу, лишь хитрокрученный контрразведчик, сказав, чтобы мы ждали его на улице, остался.

А еще через час наша группа пошла обзаводиться оружием. В каком-то сборно-щитовом ангаре, где был развернут временный склад РАВ, мы получили пять доисторических «ПМ». Крутя в руках «Макарова», я возмутился:

— Это что, чтобы застрелиться, когда прижмет? Нормальных стволов нет?

Выдававший оружие мужик лет пятидесяти, с замашками прожженного прапорщика, флегматично ответил:

— Ну шо ты ерепенился? Мне шо командир написал, то и выдаю.

— А патроны?! Почему только шестнадцать штук?

Мужик удивился:

— Да куды уж боле? Иль ты, затяжные бои с «макарки» вести собираисси? Не, если ты Рэмба, то могу хучь сотню дать, хучь две. Ага, и сидор, шоб их таскать...

Я опять открыл было рот, но Игорь, положив руку на плечо, успокоил:

— Не сепети. Нам в атаку не ходить. Все равно ведь здесь сидеть будем...

Про сидение в Заречном до тех пор, пока на дорогах не станет более-менее спокойно (а это, по самым оптимистическим прогнозам, дней пять), я уже знал, поэтому уговорился, пробурчав:

— Ты бы про атаки так легко не загадывал. Хрен его знает, как оно повернется. И лучше быть сразу готовым, чем потом, выпучив глаза, бегать.

Стоящий рядом и набивающий магазин патронами Костя припечатал:

— Да вы, батенька, пессимист!

А Цыган задумчиво прокомментировал:

— Нет, просто Серега у нас предусмотрительный, как та Муму, что, предчувствуя недоброе, с вечера наелась пенопласта! Хотя его чуйке я верю.

Прядилилин, поначалу, видно, тоже хотевший что-то язвительное ляпнуть в мой адрес, после слов Федьки, задумчиво пожевав губами, вдруг переменил решение:

— Ладно! Вот блокнот, пишите, что вам нужно. Я со здешним командованием еще раз переговорю...

Да, кто бы знал, что слова нашего казачины насчет Муму не далее как к полудню окажутся пророческими...

* * *

А ведь поначалу все развивалось исключительно по плану. Местные «колхозники», вооружившись и разбившись по подразделениям, большей своей частью отбыли на выполнение задачи — перекрытие трассы М4 и взятие под контроль окружающей местности. Грузовиков на всех не хватало, поэтому для перевозки личного состава задействовали и микроавтобусы, и легковушки, и даже трактор с большим прицепом. А особенно меня впечатлила проехавшая мимо, груженная под завязку «Лада», в открытом багажнике которой сидел парень с РПГ. Удивленно покрутив головой и глядя, как машина тяжело переваливается по ухабам, я предрек:

— Еще километра два и они точно или глушитель потеряют, или этого ухаля с гранатометом!

Чиж, сосредоточенно крутящий в руках новенькую СВД,⁴⁷ невпопад ответил:

— Глушитель в нашем деле не главное, — и просительно добавил: — Мужики, может, оружием займемся? А то хоть и сказали, что оно пристреляно, но я как-то чужим рукам не доверяю. Тем более если это снайперки касается...

Мы с ним дружно согласились и пошли выдавливать из кладовщика станок для пристрелки.

А еще часа через три к мэрии, где среди резервных подразделений расположилась и наша маленькая группа, подлетел заляпанный грязью по самую крышу кабины «ГАЗ-66», из которого ссыпались пятеро бойцов. Трое остались возле машины, а двое шмыгнули внутрь здания. Я проводил их заинтересованным взглядом, после чего, удивившись странной конструкции, установленной в кузове грузовичка, подошел поближе. Хм, изобретатели. Это же надо — они сделали станок из оси и диска от автомобильного колеса и закрепили на нем АГС-30.⁴⁸ Правда, работать граником теперь можно только из-за горочки, чтобы расчет и «Шишигу» не покروшили сразу, но зато довольно мобильная штука вышла.

Пока я любовался изделием местных самоделкиных, подошедший Цыган, спросил у новоприбывших:

— Здоров, парни! Вы откуда такие взъерошенные?

⁴⁷ СВД — снайперская винтовка Драгунова.

⁴⁸ АГС — автоматический станковый гранатомет.

Среднего роста крепыш, на плече которого висел РПК с банкой⁴⁹ на семьдесят пять патронов, окинул взглядом Федьку, поскреб заросший сизой щетиной подбородок и лишь потом ответил:

— Ничо, шас и вы взъерошитесь! Там, — он ткнул пальцем себе за спину, — каратели идут. Мы их обстреляли, да мостик через Весновку рванули, но объезд с бродом недалеко. Так что минут через тридцать можно ждать гостей.

Цыган присвистнул, но сказать ничего не успел, так как из здания выскочил посыльный и, прыгнув за руль стоящего возле крыльца мотоцикла, с пробуксовкой тронулся, быстро исчезнув за домами.

Крепыш прокомментировал:

— О, видал? За подмогой рванул!

Я, проведив взглядом мотоциклиста, решил уточнить:

— И много их прет?

Парень пожал плечами:

— Да, хз. Дорога из-за холма выходит, так что всех срисовать не успели. Но БТР у них точно есть. Он впереди колонны шел и чуть нас не причесал. Зато мы им, после того как мост на воздух подняли, один «Урал» с людьми угандошили!

Тут беседа прервалась, так как на крыльце послышался шум, раздались выкрики команд, а к машине подошли те два парня, что пять минут назад заскочили в мэрию. Мельком взглянув на нас, один из них приказал:

— Грузимся!

Пулеметчик, кивнув на прощание, полез было в кузов, но я его остановил еще одним вопросом:

— Слушай, земля, а колонна с какой скоростью шла? Ну когда вы ее увидели.

Вместо него ответил их командир. Посмотрев на меня более внимательно, он криво усмехнулся:

— Те ракалы почти под столытник летели. Может, чуть меньше. Так что не бойсь, тяжелой техники у них быть не должно, — и уже тише пробурчал: — Нам и того что есть, выше крыши хватит...

После чего легко заскочил в кабину, и «Шишига», выбросив клуб дыма, тронулась с места.

— А э-э-э...

Я хотел было уточнить: может то, что мужики заметили, являлось лишь дозором, но только махнул рукой вслед грузовику и задумался. М-да, невесело... И откуда эти хмыри взялись? Вроде, по всем прикидкам, основные группы карателей должны восточнее проходить. Ну да ладно, чего тут гадать? Одно утешает, судя по скорости передвижения противника, шуруют они точно налегке, без танков. Пустили БТР «головняком», а за ним двигались машины с личным составом. Так что все верно — парни увидели и обстреляли именно ядро колонны.

Пока я соображал, мои ребята, слышавшие весь разговор, скучковались рядом, и Костя озвучил общий вопрос:

— Что делать будем?

Я почесал затылок:

— Думаю, для начала шефа от рации оторвем. А то он к ней как присох, так уже час сидит на узле.

Но отрывать контрика ни от чего не пришлось. Он сам появился. Мрачный, словно любимую бабушку похоронил, наблюдая, как зареченские «колхозники» грузятся по машинам и двигают на опорные точки, Игорь коротко спросил:

— Все уже в курсе произошедшего?

⁴⁹ РПК — ручной пулемет Калашникова (в данном случае с барабанным магазином).

Мы кивнули, соглашаясь, а Чиж поинтересовался дальнейшими действиями.

Прядилилин поморщился:

— Если учесть, что у нас задание особой важности, то лучшим вариантом было бы срочно покинуть станицу. Но на дорогах можно влипнуть еще сильнее, поэтому на время, пока ситуация не стабилизируется, размещаемся здесь, в штабе. Еще вопросы есть?

Вопросы были у меня:

— А что сейчас бойцы делать собираются? Куда они все так резво чухнули?

— Кто на трассу, кто по опорным точкам. Дальнейшие действия будут зависеть от количества противника. Если его немного, то карателей там же на дороге уничтожат. Ну а если много, наши займут оборону на окраине и пропустят колонну по кольцевой, не давая ей сунуться в Заречное. Тут ведь их семьи...

Я хмыкнул:

— А если там батальон прет? Сомнут, никто и взвизгнуть не успеет.

Контрразведчик усмехнулся в ответ:

— И зачем БОГСовцам это надо? Они ведь сейчас к Ростову рвутся, стараясь обходить все узлы Сопротивления. Так что в станицу каратели не полезут, а сразу уйдут по трассе дальше.

Кивнув, соглашаясь с этими доводами, я переключился на другую тему:

— Слушай, а что со связью? Она появилась, или пока только тот хитрый агрегат на узле работает?

— Угу, только он. А так: ни сотовой, ни спутниковой, ни проводной, ни радиальной связи нет. Но обещают через пару дней помехопостановщики отрубить. К тому времени, по расчетам, полицаи и подразделения БОГС в южном регионе уже должны быть рассеяны или уничтожены.

— Понятно... А что вообще творится? Ты этот вопрос не пробивал?

Игорь, пожевав губами, ответил:

— Пробивал. Пока еще данных мало, но, в общем, восстание развивается без особых провалов. Власть во всех крупных городах страны уже перешла в руки Особого Военного Комитета. Отдельные очаги сопротивления успешно локализуются и уничтожаются.

Выставив вперед руки, я взмолился:

— Стоп! А ты можешь нормально говорить, а не как диктор, передающий сводку? Тем более какую-то слишком уж неправдоподобно-радужную сводку. Вон у нас на юге, гляди, что творится? Или это тоже относится к «отдельным очагам сопротивления»?

Прядилилин шумно выдохнул:

— Ну чего ты ко мне прицепился? Я передаю то, что сам узнал. Тут не до частных. Хотя вот в Северо-Западном регионе отмечен факт: уже через несколько часов после начала выступлений, полицейские из небольших населенных пунктов, до которых у «колхозников» пока руки не дошли, целыми отделами уходят на запад, в Прибалтику. Причем уходят с боями, так как местный люд, который к Сопротивлению и отношения до этого не имел, самостоятельно вооружается и обстреливает такие группы на всем протяжении пути.

Цыган сплюнул:

— Ну так вели они себя как фашисты, вот и получают теперь со всех сторон!

Игорь, не обращая на него внимания, продолжил:

— Про Москву еще сказали, что в самом городе боев не было, так как все возможные точки сопротивления были быстро ликвидированы. Но зато буквально только что прошла демонстрация спекулянтов из перепродажных контор. Это тех, которые себя «креативным классом» называют. Ратовали за прекращение насилия и возврат всенародно избранного президента на место.

Я удивился:

— Как же они так шустро скооперировались? Ведь телефоны и Интернет не пашут!

Прядилилин отмахнулся:

— Да там всего человек двести собралось. Меньше чем корреспондентов и операторов,

что их снимали.

— И?

— Чего «и»? Нынче не до рассусоливаний, поэтому, когда об этом стало известно, туда подогнали БТР. А очередь из КПВТ, пусть и поверх голов, очень способствует прочищению мозгов и осознанию реалий.

Чиж плотоядно оскалился:

— Зря их там всех не покрошили в мясо! Из-за такой вот шелупони шесть лет назад страна и развалилась. И ведь именно в Москве тогда все началось! А потом по всему Союзу как раковая опухоль расплзлось!

Я, удивленный столь кровожадными словами обычно спокойного Ваньки, промолчал, а Игорь возразил:

— Брось. Дело не столько в них, сколько в нас. Просто тогда подавляющее большинство людей поверило в красивые слова о будущей шикарной жизни. Поверило, не задумываясь, откуда что возьмется. Вот за собственную дурость и расплачиваемся. Ну да ничего! Зато сейчас мы на несколько поколений вперед получили иммунитет к завлекательным обещаниям. Да и иллюзии относительно «гуманного Запада» развеялись напрочь. А все что нас не убивает, только делает крепче!

Тут Костя тоже решил поучаствовать в разговоре:

— Кстати, про Запад. Что-нибудь об их реакции слышно?

Прядилин улыбнулся:

— У-у! Западу, как, кстати, и Востоку, не до нас. Там сейчас такие страсти кипят, что тот же Евросоюз лишь выразил озабоченность в связи с произошедшими в России событиями, а остальные и вовсе пока молчат.

Затягиваясь сигаретой, я задумчиво сказал:

— Вот это и пугает. А ну как пиндосы, желая отвлечь своих кредиторов от аферы с амеро, на нас попрут? Война для них всегда была очень хорошим средством перекидывания стрелок...

— Вряд ли... — Игорь, тоже закурив, продолжил: — Есть такая крупная шишка по имени Алекс Керри. Да-да, тот самый, которого ты зрения лишить хотел. Так вот этому Керри, еще недели три назад, был устроен небольшой вояж, в котором он наглядно убедился в наличии у российского Сопротивления ядерного оружия. Ему показали мобильные установки, шахты, о которых не подозревало демократическое правительство, и контейнеровозы, на борту которых, среди прочего груза, находился «Клаб К-3». Особенно, говорят, его впечатлило, когда «Клаб» развернули прямо в порту Балтимора. И сейчас Керри, я думаю, докладывает американскому президенту и их генералитету о реальном наличии этого оружия. Так что никто никуда не попрет! Провокации будут. Банды из-за границы тоже будут. Внутренняя подрывная работа будет. Но никакого крупномасштабного вторжения не будет. Тогда они потеряют вообще все. А им, поверь, есть что терять.

Пораженно покрутив головой, я лишь выдохнул:

— Круто! Действительно — круто! Я слышал, что Сопротивление смогло занывать какое-то количество ядерных боеприпасов, но чтобы столько и таких... Просто нет слов...

Несколько секунд помолчав, переваривая столь радостное известие, задал другой вопрос, об ответе на который догадывался, но хотел убедиться окончательно:

— А если бы Керри не было, тогда что?

Собеседник издал губами неопределенный звук:

— Пф-ф-ш... Ну что ты как маленький? Он же не один такой уникальный? Просто Керри оказался ОЧЕНЬ кстати. В нужное время в нужном месте. А так... мало ли в Штатах уважаемых людей, к которым прислушиваются их власть предержащие?

Сказав это, Прядилин хитро подмигнул, а я со злорадным удовлетворением задумался о количестве «уважаемых людей», которые сегодня будут докладывать о десятках ядерных

комплексов, нацеленных на территорию США. И если вспомнить слова классика⁵⁰ о том, что: «Американский орел есть птица, питающаяся падалью и нападающая только на мелкую дичь», то прямой интервенции можно действительно не опасаться.

* * *

Вот только злорадствовать пришлось недолго. Ровно до того момента, как с окраины стали доноситься все более усиливающиеся звуки боя. Мы уже знали, что противника в районе брода обнаружилось более роты. Да бронетехника в колонне тоже присутствовала. Помимо «восьмидесятки», в головном дозоре разведчики засекли на переправе еще три БТР и два «Хамви». Соответственно, здешние ребята в бой в чистом поле с ним вступать не стали, а сразу отошли и заняли оборону на окраине станицы. Ведь, по логике, каратели должны миновать Заречное по объездной. Но сейчас, прислушиваясь к нарастающей стрельбе, мы недоуменно переглядывались, а когда в автоматно-пулеметную трескотню стали вплетаться голоса башенных КПВТ, Цыган не выдержал:

— Что-то не похоже на то, что они мимо проскакивают. Дорога на трассу слева, а пальба почти по всему фронту идет.

Костя его поддержал:

— Угу. Слышите, и гранатомет уже два раза сработал. Причем вон там. Нет, вы как хотите, но это больше на штурм смахивает...

В этот момент на площадь выскочил мотоцикл, с юзом затормозивший возле главного входа. Глядя на то, с какой скоростью посыльный скрылся внутри здания, я сплюнул:

— Вот нутром чую, ничего хорошего он не привез.

Нутро не подвело, так как вновь появившийся возле нас Прядилин имел крайне озадаченный вид. Не дожидаясь вопросов, он объявил последние новости:

— Херня какая-то происходит. По рации сообщили, что Листовин и Дивинская подверглись атаке. Причем в Дивинской противник действует силами аж до батальона. Да и здесь курьер привез донесение о том, что каратели, не доезжая станицы, развернувшись из походной колонны, штурмуют окраины, — раздраженно чиркая зажигалкой, он закурил и продолжил: — А главное, непонятно — чего они хотят добиться? Ну займут они то же Заречное, и что? Как это может помочь их силам в Ростове? Идиотизм какой-то. Хотя карателей идиотами точно не назовешь. Это значит, что-то мы упустили...

Парни кивнули, соглашаясь с этим утверждением, и задумались о странных действиях врага. А потом мне стало нехорошо, так как я, кажется, понял, почему БОГСовцы начали себя вести столь необычно. Просто в голову вдруг пришел Беслан из нашей истории. И я, внутренне холодея, озвучил мысль:

— Заложники. Им нужны заложники, — пока народ переваривал мои слова, вкратце объяснил свою позицию: — Судите сами: Листовин, Дивинская, Заречное, это все достаточно крупные центры Сопротивления, в которых подавляющее большинство населения — «колхозники». И если каратели возьмут эти населенные пункты, то смогут диктовать свои условия. Ведь мы их оттуда выбить просто не сможем. Не потому что сил не хватит, а потому что — как? Тут ведь жены, матери и дети наших людей. Можно, конечно, ради «идей революции» на всех забить и раскатать станицы и села в труху, но какой после этого будет моральный дух в войсках Сопротивления? И чем мы тогда будем отличаться от демократов?

Игорь, слушая меня, гулко сглотнул и сипло произнес:

— Черт возьми! Но ведь так они любое село или городок могут захватить! Которые к Сопротивлению и отношения не имеют! Что-то крупное им не по зубам, а вот небольшие...

Не договорив, Прядилин махнул рукой и, сорвавшись с места, исчез в здании мэрии. А

⁵⁰ Цитата из книги «Дорога доблести» Роберта Энсона Хайнлайна, американского писателя.

я, пару секунд послушав заполошную стрельбу, вздохнул и приказал:

— Ступка, Дубинин, сейчас двигаете на склад и выбиваете у того прапора дополнительные боеприпасы. Да, еще одно — постарайтесь ВОГов⁵¹ двадцать пятых побольше вымутить. Для городского боя это самое то...

Мужики, будто давно ожидая именно этих слов, синхронно кивнули:

— Есть!

И лишь Чиж, глядя вслед удаляющимся парням, задумчиво произнес:

— А что скажет майор? У нас же вроде свое особое задание?

Криво ухмыльнувшись, я ответил:

— Не знаю, что он скажет. Но очень хочу узнать. Заодно пойму, что это за человек...

Игорь не заставил себя долго ждать. Слегка запыхавшись от беготни вверх-вниз, он подошел к нам и облегченно сказал:

— Фух! Наши, оказывается, этот вариант тоже предусмотрели, поэтому сейчас, когда стало понятно, что не все «каратели» идут к Ростову, людей стали снимать с блокирования трасс и бросать на защиту населенных пунктов. Даже три батальона из бригады «Волкодавов» на эту задачу нацелили. Так что сначала с полевыми частями разберемся, а потом уже с «ростовскими сидельцами» вопрос решим.

Тут Прядилин запнулся, огляделся и спросил:

— Не понял. А где остальные?

— Я их на склад РАВ послал.

Контрик выпятил челюсть:

— Эвона как... А зачем? Или вы тут повоевать решили?

Я спокойно пожал плечами:

— Точное местонахождение портала, время его работы и прочие явки с паролями ты давно отослал в Центр. Поэтому, случись чего, общий язык с Ваниным вы по-любому найдете. Остается лишь моя ценность как проводника и источника информации на первоначальном этапе. Да и то, — неопределенно пошевелив пальцами, я продолжил: — Если «чехи» меня вдруг узнают, проблем получится больше, чем если бы вы действовали самостоятельно... А здесь, в Заречном, защитников меньше сотни, и сейчас каждый ствол на счету. И если они не удержатся до подхода подмоги, вылезет такая жопа, что даже боюсь представить. Так что, товарищ майор, сами решайте...

Игорь в упор молча глядел на меня, лишь желваки ходили. А потом, решившись, он рубанул рукой:

— Хер с тобой, золотая рыбка! Считаю — убедил! Только вот командование надо в известность поставить, — и, уже уходя, бросил через плечо: — Вы мне автомат какой-никакой добудьте. Еще лучше — пулемет. А то с пистолетиком воевать как-то не того...

Я, облегченно улыбнувшись, кивнул в ответ. Нет, ребята, что ни говорите, а очень приятно, когда человек не дает повода в себе разочароваться. И с этим контриком мы точно сработаемся!

Глава 15

— Что значит «зачем в стенах дыры делать»? Земляк, ты же целым сержантом срочку закончил! Или вы в армии только дисциплинарным уставом развлекались, а боевой даже не читали?

Судя по глазам моего собеседника, про боевой устав этот парняга услышал впервые только сейчас. М-да, тундра... Безбрежная и безлюдная. Еще раз посмотрев на командира отделения «колхозников» и осознав бессмысленность своих претензий, я лишь крикнул и, показав подбородком на сумку с взрывчаткой, приказал Дубинину:

⁵¹ ВОГ-25 — осколочный боеприпас для подствольного гранатомета.

— Корнет, организуй всё правильно. Заодно людей просвета, что, зачем и почему.

Костя кивнул, после чего, нагрузив бывшего сержанта пластиком, жестом указал пятерым его подчиненным направление движения. А просветительской деятельностью начал заниматься уже на ходу, поэтому какое-то время мы слышали затихающий голос:

— Отверстия в стенах и межэтажных перекрытиях делаются для максимально быстрого перемещения личного состава по обороняемому объекту. Еще в Сталинграде, во время обороны города...

Вскоре по дому забумкали редкие, глухие взрывы, чередующиеся с частыми ударами кувалды. Кувалду мужики применяли, когда надо было расширить пролом в кирпичной стене. В этом они проявили большой профессионализм. Зато в остальном... Нет, понятно, что наиболее подготовленные люди ушли на блокировку трасс, но нельзя же так откровенно отваливать челюсть, наблюдая за тем, как при помощи «ПВВ-4»,⁵² бруска тротила и обычной столовой миски можно сделать направленный взрыв, разваливающий или ослабляющий кладку. Хотя, с другой стороны, штурмовиков из этих ребят точно не готовили, а как обычные бойцы матушки пехоты парни были вполне на уровне. Во всяком случае, места для обороны с нормальными, перекрывающими друг друга секторами обстрела выбраны с умом. Скажу больше — они даже несколько растяжек на подходах успели поставить. Так что, наверное, зря я на зареченских батон крошу. В меру своих сил и знаний они подготовились нормально. Ну и мы тоже несколько штрихов добавили.

Правда, особенно развернуться не дали. Да и много успеешь за те десять минут, пока противник перегруппировывался для новой атаки? Так, мелочи. Но эти мелочи помогли задавить огнем карателей, когда они, при поддержке «хамви», попытались проскочить наш участок с ходу. На пиндосовском вездеходе стоял отечественный «Утес», прикрытый бронелистами, и он мог бы натворить дел, подъедь машина поближе. Только вот на ее пути встал паренек с гранатометом...

Но упертые каратели не уgomонились, и сейчас, чувствуя нашу немногочисленность, накапливаются для следующей атаки. Им ведь: время — деньги. То есть, если эти сволочи не возьмут Заречное в ближайшие время, то потом шансов у них не будет. Только стреляться, потому что в плен служащих БОГС восставшие вряд ли станут брать.

Тут передышка закончилась, и со стороны первого подъезда начали работать несколько автоматов, залился длинной очередью пулемет, а справа, вдалеке, послышалось отрывистое «ду-ду-ду-дум» чего-то крупнокалиберного. Ититская сила! За пулеметчика там Прядилилин, и просто так, с перепугу, он ствол плавить не станет. Хлопнув Федьку по плечу, я крикнул:

— Давай пока здесь сам воюй...

И рванул на наш правый фланг. Немного не добежав, споткнувшись, упал, проехав животом по засыпанному какой-то щебенкой полу. Блин, и откуда она здесь взялась? Вроде кроме дерьма по углам особого мусора в этом крыле не было. Да и пыль кирпичная в воздухе столбом стоит, аж дышать невозможно! Из чего же сюда так засадили?

Как будто для объяснения этого вопроса глухая стена передо мной взорвалась тучей осколков и в ней появились новые рваные дыры, сквозь которые весело заплясали лучики света. Я настолько охренел от неожиданности, что рванул из комнаты как есть — на четвереньках. А вопрос, из чего же лупят, отпал сам собой. Только КПВТ может так стены пробивать...

Пока я галопировал, сбивая ладони с коленями об острые обломки, стена опять задрожала, покрываясь отметинами пробоев, и я залег, ткнувшись носом во что-то грязно-мокрое. Это «что-то» оказалось оторванным рукавом бушлата с рукой внутри. Больше всего меня потрясли часы «Командирские», оставшиеся на запястье, секундная стрелка которых так и продолжала свой бег. Чувствуя, как в животе сжался ледяной комок, осторожно отодвинул страшную находку в сторону и, выкатившись на лестничный пролет, заорал:

⁵² «ПВВ-4» — один из видов пластичного взрывчатого вещества.

— Майор, ты где?!

В соседней комнате коротко простучал пулемет, а через пару секунд на лестнице появился Прядилин. Я обрадовался:

— О, живой! — и тут же решил уточнить: — Кто вас тут так мочит?

Вместо ответа Игорь рявкнул:

— Давай на третий! — А пока мы скакали вверх, кратко объяснил: — БТР, сука!

Добежав и плюхнувшись возле окна, я осторожно выглянул наружу:

— Где он? Не вижу!

— За трансформаторной будкой, падла, прячется!

Ага, теперь я и сам засек, как из-за строения, стоящего метрах в трехстах, выдвинулся характерный острый нос «восьмидесятой» в пятнах камуфляжа. Вот показалась башенка и через несколько секунд снова: «ду-ду-ду-ду»!

На втором этаже стены затряслись от попаданий, а я, нырнув в укрытие, выругался:

— Вот ведь скотобаза!

Майор подтвердил:

— Точно, — и в двух словах обрисовал, что же произошло несколько минут назад. — Эти гниды сделали вид, будто начали атаку, а когда мы обозначили свои огневые точки, врезали по нам так, что только перья полетели! Одного человека мы потеряли. И ведь с гранатомета тот БТР не достать! Деревья мешают, да и прячется он быстро, — тут Игорь обратил внимание на меня. — Чего рука в крови? Зацепило?

Вытирая липкую ладонь, я мотнул головой:

— Это не моя... А насчет того бэтэра: вылезет, или сунется поближе — мы его завалим. Нет — так нет. Главное — не подставляться и позицию почаще менять. Они ведь здесь долго давить не будут. Как поймут, что стоим крепко, так будут пробовать в другом месте.

— Почему так думаешь?

— Просто у них вариантов больше нет. Каратели уже полчаса пытаются нащупать брешь в обороне станицы. Один раз было получилось, но тот бронетранспортер от пехоты отсеки и сожгли. А если в ближайшие десять-пятнадцать минут ничего не изменится, то им остается только уходить, чтобы хвост не прищемили. И еще, мне кажется, что для противника такое количество обороняющихся стало большим, но хреновым сюрпризом. Они наверняка рассчитывали на человек двадцать пять-тридцать с берданками, которых можно смести, не заметив. А против них почти рота сейчас выступает. Пусть и не псов войны, но с хорошим оружием и на нормальных позициях.

Угу, а про себя подумал: самое главное, демократы не учли дух людей, с которыми они сейчас воюют. Привыкли сволочи, что народ у нас терпеливый да молчаливый. И думали, будто слова относительно «беспощадного бунта» это просто красивая метафора замшелого классика. Щаз! Нашего человека долго тиранить можно, но если он поднялся, то все — сливай воду! Пока последнего врага не удавит, не успокоится. И страх при этом куда-то исчезает. Вон, судя по словам парня, что боеприпасы подвозил, у нас за эти полчаса потери чуть ли не в четверть личного состава. Только на моральном состоянии это вообще никак не сказывается. Люди лишь злее становятся.

Тут мои мысли прервал майор. Морда у него стала очень сосредоточенная, и он сказал:

— Слушай!

— Чего?

— Ты просто слушай, мне это кажется или нет?

Тут как раз наступила пауза в перестрелке, и стал различим далекий, рыкающий звук.

— Ну?

Вместо ответа, я сорвался с места и побежал на крышу. Там, прячась за невысоким парапетом, осмотрел направление, откуда шел этот звук. Вначале ничего не увидел, но потом, метрах в восьмистах, в районе яблоневого сада упало несколько деревьев и в воздух взметнулся клуб сгоревшей солярки. Еперный театр! Танка я опасался? Вот, получите и

распишитесь! Один, два, три... Целый взвод то ли «восьмидесятки», то ли «девяностых», занимает позиции для расстрела узловых точек обороны.

Но как же так? Ведь специально, на подобный случай, к шоссе было отправлено семь человек для установки фугаса и осуществления противотанкового прикрытия. Я сам это видел! Старший еще у них, такой кряжистый сапер в летах, произвел впечатление весьма знающего человека. Да и парни в расчетах РПГ тоже были явно не от сохи. А как по-другому — туда ведь самых опытных выделить собирались. Неужели их всех положили так быстро, что они не только никого подбить не успели, но даже сигнал подать не смогли?

Матюгнувшись в бессильной злобе, я еще несколько секунд смотрел, как танки ползают по саду, выбирая наиболее удобные места, а потом, спохватившись, выдернул из разгрузки сигнальную ракету. С шипением та ушла в высокое синее небо, оставляя за собой отлично видимый хвост черного дыма. Ну вот, теперь колхозники Заречного предупреждены о появлении тяжелой бронетехники у противника.

После чего, нырнув обратно в чердачное окно, выскочил на верхнюю площадку и, перегибаясь через перила, заорал:

— Всем отойти в глубь здания! Остается только наблюдатель! Они сейчас из орудий обстрел начнут! Всем отойти...

И в этот момент шандарахнуло! Пол под ногами ощутимо вздрогнул, а на лестницу выметнулся огромный клуб пыли. Мама дорогая! Нет, гипотетически я представлял, что может сделать двадцатипятимиллиметровая танковая пушка, но реально под обстрелом не был ни разу, поэтому просто охренел. Тут прилетел второй и сразу же третий снаряды. Причем последний попал не во второй этаж, а влупил где-то прямо подо мной. Да твою дивизию! Так и лестничный пролет обвалиться может! Опасаясь навечно остаться на крыше этой недостройки, я вдохнул поглубже и, нырнув в пыльную муть, на подгибающихся ногах понесся вниз, неловко перепрыгивая через обломки. Только на первом этаже меня настигла следующая волна залпов. Но это было уже не так страшно: во-первых, обстреливали другой подъезд, а во-вторых, верхнюю часть здания.

А внизу, почти сразу, наткнулся на своих ребят. Грязный Костя, ковыряющийся мизинцем в ухе, при виде меня оторвался от своего занятия и прокричал:

— Цел?

— Ага, только глушануло немного.

— Меня тоже. А Ваньке еще и кирпичом по жопе вдарило. Теперь он бежит странной походкой.

Чиж, болезненно ухмыляясь, отмахнулся:

— Жопа не голова, сотрясения не будет!

— Остальные-то как?

Дубинин пожал плечами:

— Не знаю еще. Но ты таким ужасным голосом вопил откуда-то с небес, что все сразу испугались и сдернули в укрытия.

Только вот после осмотра выяснилось, что не все успели укрыться... Один из парней-колхозников получил осколок в плечо, а их командира (который бывший сержант) так приложило взрывной волной о стену, что тот голову себе разбил. Мы их отправили в тыл, с сопровождающим, а сами, пользуясь тем, что танки перенесли огонь в другое место, вновь заняли места возле окон и проломов.

Но так как на верхних этажах находиться стало опасно, то расположились на первом. Танки не могли сюда достать, так как им мешал небольшой бугор. БТР тоже не играл. Ему, чтобы причесать первый этаж, надо было выехать ближе к дороге. А экипаж, судя по всему, бздел, так как вылезли этот бронетранспортер из укрытия, его тут же бы накрыли.

Только вот обзор на новой позиции был крайне поганый. Отсюда можно противника увидеть, когда он уже метров на сто пятьдесят подойдет, а то и ближе. Поэтому пришлось выставить наблюдателей. Я хотел пойти сам, но Прядилин воспротивился и загнал наверх Вострикова с Дубининым. После чего, вместе с Цыганом, ушел контролировать левый

фланг. А мы остались с последним из колхозников — среднего роста белобрысым парнишкой, который, пользуясь моментом, принялся набивать магазин патронами. Выглянув в окно, дабы удостовериться, что все пока спокойно, я сплюнул, после чего присел на пол и, поставив автомат между колен, спросил у парня:

— Земляк, тебя как кличут-то? А то мы даже познакомиться не успели...

Тот, вытерев о джинсы испачканную патронной смазкой руку, с готовностью протянул ее мне:

— Митяй. Митяй Дорохов, — и, усмехнувшись, добавил: — наладчик с консервного...

Пожимая крепкую ладонь, представился в ответ:

— Сергей Корн... то есть, тьфу — Волков. Командир группы «Вымпела».

Новый знакомый кивнул:

— Ну что вы все из спецназа, я слышал. И даже видел, как ты лихо тех двух «карателей» срезал, что из «хаммера» выскочить хотели.

Я вздохнул:

— Зато ваших не уберег. Один убитый, двое раненых...

Митяй, думая о чем-то своем, протянул:

— Угу, Юрку жалко. Его ведь почти пополам разорвало, когда тот гадский БТР вылез. Я чуть не обделался, когда дыры в стене стали появляться и от Юрки только ноги упали. Даже не думал, что человека может так разнести... — Парень передернулся, продолжив: — Да и чего теперь его матери говорить, не представляю. Она же с ума сойдет...

— А вы что, давно знакомы? Дружили?

— Не то чтобы дружили, просто на одном заводе почти год проработали...

— Поня-я-ятно...

Снова выглянув в окно, я уселся обратно, а Дорохов, меняя тему, поинтересовался:

— Слушай, мне вот непонятно: тут слух прошел про заложников. А как можно целую станцию взять в заложники? Сколько же для этого солдат понадобится?

Я, припомнив Буденновск, где две с половиной сотни бандитов поставили на колени почти пятидесятитысячный город, невесело усмехнулся:

— Немного. Им ведь не нужно всех хватать. Так: самый смак — детей и женщин. Наберут человек двести-триста, изолируют их в той же мэрии или в больнице и все. Никто ничего уже сделать не сможет...

Дорохов побледнел.

— Это ж не по-людски! Они же хуже фашистов получатся! — и после небольшого раздумья: — Нет, не посмеют. На них же тогда весь мир ополчится, если узнает!

Зло фыркнув, я ответил:

— Весь мир? Я тебе скажу так: во время Екатеринбургского восстания был случай, когда каратели, проводя окончательную зачистку, к десантным скобам БТР привязали трех женщин. Чтобы себя обезопасить. И ни одна демократическая падла ничего против этого не вякнула! Хотя подпольщики выложили в сеть фото- и видеодокументы. Но весь «цивилизованный мир» тут же решил, что это была либо фальшивка, либо на броне находились героические патриотки, которые добровольно указывали путь правительственным войскам!

Митяй сжал кулаки:

— Вот ур-р-роды!

— А ты что, от «общечеловеков» чего-то другого ждал? Мы — нет. Именно поэтому всех мирных жителей с окраины Заречного и убрали. Чтобы шансов врагу не давать. Так что...

Договорить не получилось, так как с третьего этажа раздались длинные автоматные очереди, и я, встав возле окна, рывкнул:

— К бою!

Но пострелять нам не пришлось, так как автоматы стрекотнули еще раз, после чего послышалось торопливое топанье наших наблюдателей. А дальше — понеслось! Мало того

что возобновился обстрел из танка (правда, на этот раз только одного) так еще и владимировский «крупняк» активно добавлял разрушений в верхние этажи.

И пока здание еще содрогалось от попаданий, диверсионная группа «Вымпела» с примкнувшими к ней колхозником и контрразведчиком провела пятисекундное блиц-совещание, на котором первое слово взял Востриков:

— Там — жопа! Они танк ближе подгоняют.

Его поддержал Дубинин:

— Валить надо! Сейчас тут полный пипец будет!

Я подвел итоги прениям:

— Тогда уходим, быстро!

Но когда через дорогу понеслась первая тройка, стало понятно: так просто сменить позицию не выйдет. Те каратели, которые накопились в угловом доме, вдарили не менее чем из пяти стволов. Хорошо еще сектор обстрела у них был маленький, ограниченный с одной стороны бетонным забором заброшенного детского сада, а с другой углом нашего полуразваленного дома. Но все равно казалось, будто пыльные дорожки очередей вот-вот настигнут резво рыскающего за Митяем и Ванькой Корнета. Прядилин, увидев эту картину, задумчиво крикнул:

— Во влипли...

Я отстранил его в сторону:

— Ничего, сейчас исправим.

После чего, выдернул из кармана разгрузки РДГ⁵³ и, не выходя из подъезда, метнул ее вбок. Секунд через пятнадцать, когда мимо нас поплыли густые клубы белого дыма, и у врагов, которые лупили в этот дым как сумасшедшие, пошла смена магазинов, махнул рукой:

— За мной!

А через пятьдесят метров холодящего живот страха мы уже соединились с нашими парнями. Помимо них, в здании детсада обнаружилось еще два слегка ошалевших от обстрела колхозника и пацан-посыльный, которого я сразу ухватил за шиворот, интересуясь вопросом относительно общей обстановки. Он порадовал:

— Везде пока держимся! На Степной танк один подбили. А на Мартынова огнеметом одноразовым, на толстую «муху» похожим, сразу кучу карателей поджарили! Они в дом забежали, а тут им как шарахнут! Даже крыша подпрыгнула и все рамы повывлетали! Я сам видел!

— Ясно, хорошо. А что с нашими мужиками, которых в тыл отправили?

Щегол успокаивающе кивнул:

— Оба живы! Только тот, у которого голова разбита, когда его везли, мне все штаны заблевал.

— Контузило парня, поэтому и блевал...

Пацанчик смутился:

— Да я ничо... Я так... Главное — живой!

Кивнув, я спросил уже о другом:

— Ты не знаешь, а те, которые должны были фугас на дороге ставить, почему танки пропустили?

Посыльный мотнул головой:

— Не-а! Но я узнаю, — и, переходя на деловой тон, принялся докладывать: — Мы сюда боеприпасы привезли. Вот тут лежит цинк с патронами для пулемета и еще два для автомата. Вон там — три гранатомета. Здесь — свежая вода в бутылках. Если надо, мы и поесть можем принести. Надо?

— Пока нет, а дальше видно будет.

Сказав это, я глянул на подпрыгивающего в возбуждении мальчишку. Нет, все-таки

⁵³ Ручная дымовая граната (бывают РДГ-2Ч и РДГ-2Б соответственно: черного и белого дыма).

умная голова вот этих, пятнадцати-шестнадцатилетних пацанов, к делу приставила! Таких шустриков хрен возле мамки в подобной ситуации удержишь, а тут им занятие нашли. Причем самое реальное и необходимое. Они ведь выполняют не только функцию посыльных, постоянно держа связь с командованием, не только забирают и вывозят раненых, но еще и подносят и раскладывают боеприпасы в нужных точках, находящихся пока в тылу. Транспорта в станице осталось мало, поэтому пацанва втроем впрягается в тележку или закрепленные на два велосипеда доски и, как кони — рысью летят! Туда с ранеными, оттуда с патронами. А главное, чувствуя себя при деле, не лезут под пули...

Пауза слегка затянулась, и мой собеседник, шмыгнув носом и гордо поправив висящее на плече охотничье ружье, оповестил:

— Тогда я — обратно. Нашим что передать?

На секунду задумавшись, я ответил:

— Скажи: на Виноградской возникла опасность прорыва. Здесь действует танк, БТР и сосредоточилось до сорока карателей. Так что желательно сюда перекинуть РПГ-7 с расчетом и, если возможно, хотя бы еще пару бойцов. Таких, чтобы с опытом. Все запомнил?

Пацан кивнул и, нырнув в дырку в заборе, исчез, а мы начали располагаться на новом месте. Жалко, конечно, что перекресток оказался потерян, но в связи с появлением у врага брони, новая линия обороны оказалась даже несколько предпочтительнее. Во всяком случае, если «коробочка» или бронетранспортер выползет из-за дома, то тем, кто занял оборону левее, ничто не помешает пустить в него гранату. Деревьев, перекрывающих директрису, тут нет, а расстояние настолько плевое, что даже новичок не промахнется.

Но каратели не спешили развивать успех и занимать нашу бывшую позицию. Правильно, они ведь сейчас оказались в положении того сексуального маньяка, что поймал колобка, крутит его и думает: «хоть бы пукнул, что ли». Вроде бы и вперед надо идти, только как? По всем наставлениям для СпН БОГС, штурм населенного пункта производится лишь после подавления активной обороны артиллерией и авиацией. После чего штурмующая пехота, при поддержке техники, добивает разрозненные очаги сопротивления. Но авиации у них я не наблюдаю (еще бы, ведь аэродромы в Ростове и Минводах в руках восставших), а танки на роль артиллерии не очень-то годятся. Так что демократы и рады были бы совершить свое подлое дело, да страшно им что-то стало. Не дураки, понимают — втянись они в станицу, и вся их броня станет металлоломом. Тем более, в наличии у обороняющихся и РПГ, и людей, умеющих с ним обращаться, враг уже убедился.

В этот момент раздался крик Корнета, который разрушил все мои умопостроения:

— Внимание! Они дымы пустили! С трех направлений!

И после этого сразу заработали пулеметы Цыгана и Прядилина. Вот зараза! Ухватив автомат, я стал напряженно вглядываться в клубящуюся белую муть, а различив в ней темные силуэты, влупил по ним очередью на пол магазина. Сейчас не до прицеливания, сейчас главное противнику атакующий порыв сбить, задавив огнем. Только вот слева меня никто не поддержал, а сектор обстрела был таким маленьким, что каратели, успев перескочить через несколько поваленных плит забора, оказались на территории детского сада. Ну пипец! Теперь станет гораздо тяжелее. А судя по тому, где именно они прорвались, ребят-колхозников, что стояли в восточном крыле, уже нет... Отскочив от окна, я крикнул Косте:

— Духи в здании! Надо чистить!

Почему я обозвал врагов «духами», даже не знаю, но Дубинин все понял правильно и, глянув на меня бешеными глазами, кивнул:

— Пошли!

Ну и мы пошли. Остальных мужиков отрывать было нельзя, поэтому лишь крикнув Чижу, чтобы он спину пулеметчикам тщательнее прикрывал, рванули к месту прорыва.

Бежали осторожно, но встретились с карателями неожиданно. Дверей в проемах тут давным-давно не было, поэтому, заглянув в очередную комнату, которая, судя по размерам, являлась чем-то вроде игрового зала, я увидел с другой ее стороны две фигуры и чудом

успел упасть на пол. Тут же стена над головой брызнула осколками штукатурки, а Корнет заорал:

— Бойся!

И закинул в зал гранату. Бабахнуло так, что у меня тут же заложило уши, но даже сквозь звон я услышал тягучий вопль. Ага, зацепили кого-то! Не поднимаясь с пола и не высовываясь, я выставил руки с автоматом и выпустил весь рожок, стараясь накрыть как можно большую площадь. Вопль затих, но зато в комнате снова шарахнуло, и мое левое ухо окончательно оглохло. Ну понятно, каратели тоже успели сориентироваться и кинули свою гранату.

Блин, и что дальше? Сейчас у нас получился позиционный тупик, так как ни они, ни мы здесь пройти не сумеют. Но ведь есть еще второй этаж? Да и на первом могут быть другие проходы. Здание достаточно большое, состоящее из четырех корпусов, соединенных переходами, и кто знает, какие вообще планировки существуют в детских садах? Тут противник снова обозначился, коротко саданув по стене из автомата, и я решился:

— Похоже, они тут сейчас просто отвлекать будут, а сами в другом месте пойдут. Давай, ты здесь паси, а я Ваньку свистну и по второму этажу попробую проскочить.

— Ага! Кстати, сколько их прорвалось?

— Не знаю. Успел увидеть троих, а сколько всего — хз.

— Ладно, давай действуй!

Хлопнув Дубинина по плечу, я поскакал обратно. Но забрать Чижа не получилось, так как каратели напирали совсем уж не по-детски, и оставлять пулеметчиков без прикрытия было бы совсем не гут. Поэтому, в двух словах обсказав мужикам обстановку, я пошел на второй этаж один.

Так... лестница — пусто. Короткий коридор... пусто. Большая комната... пусто. Опять большая комната... пусто. Длинный коридор... стоп! Послышалось или нет? Хотя чего тут прислушиваться? На улице грохот, одно ухо так и не слышит. Поэтому: ну его на фиг — если кажется, карманную артиллерию задействовать надо! Вытащив из кармашка Ф-1⁵⁴ (попутно жалея, что нет наступательных гранат), я, прижимаясь спиной к стене, разогнул усики, дернул кольцо и запустил «лимонку» в виднеющийся в конце коридора дверной проем.

И в то же мгновение произошло сразу несколько событий. Граната еще летела, я еще отшатывался, а в коридор вывалились два карателя. Такие же, как были внизу — похожие на человекоподобных роботов. В пиндосовских касках, очках, бронежилетах, разгрузках, налокотниках, наколенниках и прочих интересных штучках. В общем — внушительное зрелище. Но главное, они, увидев летящий кругляш и тут же поняв, что это такое, рванулись не назад в дверной проем, в котором уже маячил очередной Робокон, а ко мне! А я ничего поделывать не успевал, потому что отскакивал в сторону. И не просто отскакивал, а падал, спотыкаясь от неожиданности. Главное, все так быстро произошло! Раз — я кидаю гранату. Два — замечаю противников и начинаю падать. Три — первый каратель рыбкой вылетает из проема. Взрыв! И рядом со мною падает туша второго! А я сижу на заднице, полностью обалдевший, и пытаюсь сообразить: куда же делся рожок с моего автомата?

Правда, ступор длился всего ничего. Тот, самый прыткий, даже шевелиться еще не начал, как я выстрелил. Единственный патрон, оставшийся в стволе, ударил его куда-то в бок, а мои трясущиеся руки, без всякого участия мозгов, выдернули полный рожок из разгрузки. При этом, сам того не замечая, я тихонько подвывал от ужаса, представляя, как сейчас вывалится очередной каратель и изрешетит меня в упор. Но вот автомат уже снаряжен, а никто так и не появился. Только в дальнем дверном проеме клубилась пыльная муть, в которую, для пущего спокойствия, была запущена еще одна граната. На этот раз рот открыть не забыл, поэтому глушануло не сильно.

И лишь после всего этого я смог осознанно оглядеться и понять, что же тут наворотил.

⁵⁴ Ф-1 — оборонительная граната.

А, поняв, удивленно присвистнул. Рэмба, однозначно! Двое здесь и еще один в коридоре! Нет, тут точно есть чем гордиться. Только долго заниматься самовосхвалением не было времени. Но не успел я сделать шаг, чтобы идти проверять крыло дальше, как тот, который получил пулю, вдруг застонал и шевельнул рукой. Надо же, жив, паскуда! Уже подняв автомат, чтобы не оставлять за спиной подранка, вдруг передумал. А все оттого, что каратель, явственно помянул Бога на английском языке.

Хм, конечно, основная масса людей, идущих в СпН БОГС, активно учила и соответственно хорошо знала язык своих хозяев. Они даже между собой постоянно общались на английском, оттачивая произношение и всеми силами стараясь показать, что солдаты Бюро, несмотря на «позорное» русское происхождение, в корне отличаются от прочих «туземцев». Но в данной ситуации, в полубреду, человек, каким бы он мудаком ни был, автоматически перешел бы на язык родных осин, а не стenal: «Oh my God»! И это значит, что передо мной кто-то из инструкторов. Жирный лещ, который знает всяко-разно больше, чем обычный боец. Поэтому я, опасливо поглядывая в сторону коридора, ногой скovyрнул со стонущего карателя каску и без затей, несильно вклепил ему прикладом по затылку. Вот так вот. Живой останется — поговорим. Ну а нет так нет. Не могу я на него сейчас отвлекаться. Единственно, что еще сделал — отбросил его оружие в сторону да отцепил от разгрузки спецназовца пару наступательных гранат. Они вроде не так громко бумкают, а то уши от взрывов у меня уже отваливаются...

А в коридор по-прежнему никто не рвется. Не стреляет, ничего взрывающегося не кидает. Отошли или поджидают, готовясь подстрелить первого появившегося? Блин! Идти было страшно, но надо. Поэтому, в полуприсяде, прижав автомат к плечу и стараясь не скрипеть валявшейся на полу штукатуркой, я потихоньку двинул вперед. Дойдя до проема, выставил ствол автомата и, припадая на колено, обвел им комнату, в любой момент готовясь нажать на спусковой крючок. Пусто... Ан нет! Не совсем пусто! Кровавая полоса тянется за угол. Раненый, ясное дело. Вопрос — сам уползал или тащили?

Тут у меня под ногой скрежетнул осколок стекла, и в соседнем помещении загрохотал автомат. Куда палил вражина, непонятно, так как я до двери даже не дошел. Но зато он себя обозначил, и поэтому туда полетела очередная граната. А сразу после взрыва заскочил и я сам, начав стрелять еще в прыжке, так как возле стенки увидел сидящую фигуру. Только в пустой след. Противника накрыло осколками чуть раньше, и мои пули дернули уже мертвое тело. Секундный осмотр показал, что это и есть тот самый подранок. Которого, похоже, никто не тащил. Он сам уползал, оставляя за собой кровавый след.

Угу, а если учесть, что каратели, хоть и твари полнейшие, но своих не бросают, это значит... это значит... да ни фига это не значит! Оставили его или тут больше никого нет, с уверенностью сказать нельзя. Поэтому надо идти и не расслабляться.

Но когда я в таком же вдумчиво-осторожном темпе дошел до лестницы, ведущей вниз, раздался грохот, и здание знакомо (чертовски знакомо) содрогнулось. Да вашу маман! Опять танк долбает! Эти БОГСовцы что, вконец охренели? Тут же и их люди находятся! Или они не заметили прорыв своих штурмовиков, теперь просто тупо разносят очередной узел обороны? Хотя, может, и не заметили. А связи у них нет...

Все эти мысли проскочили, пока я гигантскими прыжками несея обратно. Только возле большой комнаты, где повезло так удачно сработать гранатой, пришлось слегка тормознуться. Уж очень кардинально изменился интерьер. Воняло скотобойней, исчезла часть внешней стены, пол оказался заляпан какими-то мерзкими шматками вперемешку с кирпичными обломками, а потенциальный «язык» глядел в закопченный потолок остановившимися глазами. Меня передернуло. Да уж, вовремя я тут с зачисткой проскочил, а то бы так же размазало. С другой стороны, если б танк начал раньше шмалеть, то и чистить бы не пришлось. Каратели тогда сами бы смылись.

А когда я добежал до холла первого этажа, то был сразу пойман Прядилиным. Он, ухватив меня за ремень разгрузки, зашипел:

— Давай за мной!

И забежав под лестницу, нырнул в какую-то кладовку. Точнее, это я подумал, что в кладовку, а на самом деле вниз шли ступеньки в подвал. Со света я тут же ослеп и если бы не майор, кувыркнулся бы по этим ступенькам как миленький. Но он меня придержал и, чиркнув зажигалкой, потащил за собой, объясняя на ходу:

— Нас слева обошли и в тех двух корпусах уже каратели. А перед нами танк на прямую наводку вышел. Так что сейчас здесь заныкаемся.

— А ребята где?

Контрик зашипел, обжегши палец, перехватил зажигалку в другую руку и, перелезая через какие-то трубы, ответил:

— Вострикова в ногу ранили. Вроде кость не задета, но кровило сильно. Он почти сразу сомлел. Его тот парень-колхозник, что нами оставался, утащил в тыл.

— Митяй?

— А?

— Такой: белобрысый, крепенький, в синей куртке и рабочем комбинезоне.

— Угу, он.

— А остальные?

— Ступка там, — Игорь махнул рукой в глубь подвала, — а Дубинин ведь с тобой был...

— Вот черт!

Остановившись, я решительно развернулся и пошел в обратную сторону, но был перехвачен:

— Куда тебя понесло?

— Да Костя, небось, до сих пор сидит, карателя караулит и меня ждет!

Майор ругнулся:

— Он же не идиот, который не соображает, что обстановка изменилась?

Словно бы в подтверждение его слов здание очередной раз подпрыгнуло и от входа в подвал пыхнула воняющая сгоревшей взрывчаткой волна воздуха. Зажигалка опять погасла, но прежде чем Прядилин успел ее зажечь, я, внутренне соглашаясь со словами контрразведчика, пробурчал:

— погоди, у меня в телефоне фонарик есть...

А еще через пару минут мы подошли к стоящему возле узенького окошка Цыгану. Тот, обрадованно морща покорябанную морду, хлопнул меня по плечу, но потом, внезапно озаботившись, спросил:

— Корнет?

Я лишь щекой дернул:

— Где-то наверху. Разминулись мы с ним.

— Ничо, Костян ухарь еще тот! Выберется!

Прядилин же раздраженно пробурчал:

— Нам тоже как-то выбираться надо, а то начнут каратели здания чистить и хана...

Федька, тыкая пальцем в подвальное окошко, за которым взрывывал мощный двигатель, возразил:

— Не начнут. Колхозники ведь ни разу не пытались пропустить их через себя, чтобы зайти с тыла. Противник к этому привык и не ожидает, что кто-то останется. Тем более БОГСовцы, чуя нашу слабость, сейчас только вперед рвутся.

А я, углядев сваленные возле стены одноразовые гранатометы, удивился:

— Ух ты! Да вы вдумчиво драпали. Даже «Аглени» с собой притащили!

Майор отмахнулся:

— Это не мы, это тот парнишка, что патроны подвозил. Он нам и подвал показал. А с чего это ты так воодушевился? Если на танк нацелился, то зря. Его этими тремя гранатами не расковырять. Я хорошо разглядел — на «девяностом» динамической защиты навешено по самую гусанку...

— Там посмотрим... — тут, вспомнив обещание мальчишки, уточнил: — И, кстати, тот

пацан не говорил, как вообще танки пропустили?

Игорь кивнул:

— Говорил. Каратели шли под красным флагом, вот наш засадный полк клювом и прощелкал. А потом фугас стало поздно рвать. Да и вообще поздно что-либо делать. Уж очень быстро они неслись.

Эвона как... Почесав затылок, я хмыкнул. Хм, в общем-то, все сходится. БОГСовцы на колесной технике с максимально возможной скоростью рванули брать станицу. На сильное или хорошо организованное сопротивление противник не рассчитывал, поэтому атаковал с ходу. Но танки у них были. Просто взвод «коробочек» отстал и подошел почти на полчаса позже основных сил. Вот тут подлая идея с флагом свою роль сыграла на все сто. Ну да ничего, мы тоже хитрить умеем! Кинув взгляд на своих товарищей, я озвучил пришедшую в голову мысль:

— Мужики, есть идея. Там, наверху, лежат три жмурика. Одного снарядом размазало, а два — вполне еще товарного вида. По зданию вроде никто уже не шарится, поэтому предлагаю сбежать до них и слегка распотрошить.

— ???

Глаза Прядилина расширились, поэтому я быстро пояснил:

— Не в том смысле, что ты подумал. Просто часть карателей в камуфляже, часть в своей черной робе. А у нас с тобой — куртки черные, штаны черные. Причем уже такие замызганные, что форма это или нет, сразу не поймешь. А так: возьмем вражьи каски, нацепим разгрузки и по силуэту станем БОГСовцами. Это даст несколько секунд форы в бою.

— Тогда нас подстрелят свои!

— Не подстрелят. Мы же у карателей в тылу работать будем.

Цыган после небольшого раздумья меня поддержал:

— А что, я — за! Если повезет, то и бэтээр сжечь сможем. Он ведь, блин, хуже танка крови попортил!

Я подытожил:

— Ну — решено. Тогда пойдем воевать дальше!

Глава 16

За последние десять минут со штурмовыми группами карателей столкнулись два раза. Один раз мы заметили их раньше и расстреляли без особых проблем. А вот во второй спасло именно переодевание, так как враг засек нас прежде, чем мы его. Бой уже продвинулся на квартал ближе к центру станицы, и наша тройка, не теряя надежды зайти в тыл грамотно маневрирующему БТР, осторожно продвигалась следом за наступающими. И вот в тот момент, когда я уже перескочил, а Игорь только перескакивал через заборчик частного дома, от сарая, стоящего в глубине двора, раздался голос:

— Куда прете? Давайте к нам, а то там всё факинг снайпер простреливает!

Глянув вправо, я увидел машущего рукой человека в каске и, чувствуя, как резко заколотилось сердце, рванул к нему. По мере приближения по его лицу стало понятно, что он уловил во мне какое-то несоответствие, но сделать ничего не успел, так как сложился от короткой очереди в упор. А я, заскочив за дощатый угол постройки, дострелял магазин, выпустив пули в стоящие ко мне полубоком фигуры еще двух БОГСовцев. Все произошло настолько быстро, что они не успели ни развернуться, ни оружие вскинуть.

Пока я, отскочив назад, в темпе перезаряжался, вставший рядом Прядилин настороженно водил стволом пулемета. Только возмущенных воплей и мстительного обстрела не случилось. Похоже, врагов тут больше не было, а остальные нас тупо не увидели и не услышали. Наверное, еще потому, что стрельба грохотала отовсюду, и мои выстрелы очень органично вписались в общий фон.

Но стоило к нам присоединиться слегка отставшему Ступке, где-то совсем рядом

раздалось басовитое «ду-ду-ду-ду!», услышав которое, мы дружно плюхнулись на землю. А когда крупняк сработал во второй раз и при этом сарайчик не разлетелся в щепки, стало понятно, что стреляют вовсе не в нас. Определившись с направлением, я предположил:

— Слышь, мужики, а ведь мы, похоже, только что завалили боковое охранение бэтээра. И никто даже не почухался. А сам БТР за этой хатой ерзает!

Игорь прислушался и, расплывшись в улыбке, подтвердил:

— Точно!

Цыган, деловито скидывая с себя «Аглени», уточнил:

— Валим поганца?

Я кивнул:

— Само собой. Чего бы мы за ним еще бегали? Только надо будет дом по дуге обойти. Бронетранспортер стоит сразу за ним, и если из-за угла врежем, то граната может не успеть взвестись. Расстояние маленькое. А второго шанса нам не дадут...

— Так на «двадцать шестом» инерционный взрыватель!

— Один хрен, близко подходить не стоит!

Ступка проникся:

— Ну вообще-то да. Тогда лучше долбануть вон оттуда, где колонка торчит. После чего сразу сваливать за дома. Ну что, пошли?

— Пошли...

И мы, прикрывая друг друга, стали пробираться к намеченной точке. Добрались без проблем, только я ушиб коленку, а Прядилин конкретно порвал штаны и теперь интригующе сверкал трусами веселенькой расцветки. Еще и непрерывно ругался себе под нос, пытаясь пристроить клок материи на место. Его бубнеж несколько отвлекал, поэтому, посоветовав майору заткнуться и смотреть за обстановкой, мы с Федькой выдвинулись на позицию.

От колонки шикарно просматривались корма и часть бока бэтээра, так что, пока никто нас не заметил, я выдохнул:

— На счет три. Раз! — переведя пусковое устройство в боевое положение, вскинул «Аглень» на плечо. — Два! — выбрав цифру «5» на прицельной марке совместил ее с точкой, чуть выше заслонки водомета установленного на жопе броневика: — Три!

Бум-ш-ш! Две ракеты устремились в сторону бронетранспортера. А мы, даже не посмотрев на результат своих трудов (чего там смотреть, и так все ясно), чесанули в укрытие. И правильно сделали, так как вслед, буквально через пять секунд, ударило сразу несколько автоматов. Пока я гигантскими прыжками несея до дома, за которым занял позицию контрразведчик, вокруг меня густо подлетали комки земли, а воздух, казалось, уплотнился от количества свистящего мимо железа. Федька летел рядом, топая, словно лошадь Рокоссовского, держа оружие в опущенной руке и высоко поднимая колени. А почти прямо нам в лицо расцветал пульсирующим цветком прикрывающий отход пулемет Игоря. Мы, заскочив за угол, присоединились к майору, но, увидев, какое осиное гнездо было разворошено нашими выстрелами, я завопил:

— Валим отсюда! Перекатами! Первый — Цыган!

Ступка, который тоже засек целую толпу карателей, умело скрывающихся за укрытиями и пытающихся взять нас в клещи, спорить не стал, шустро рванув назад. Но лишь только он упал за деревом, стоящим метрах в тридцати от нас, как Прядилин, не терпящим возражения тоном, рявкнул:

— Теперь ты!

Я захлопнул рот, подавившись так и не произнесенным указанием и петляя, словно заяц, побежал к домам. Потом и сам майор снялся с места. Потом опять Федька, и снова я.

А минут через пять мы уже уходили плотной группой. Преследователей поубавилось, только вот тот десяток, что висел у нас за спиной, вцепился словно клещами. Ну еще бы — нет в бою хуже ситуации, когда тебя с тыла обстреливают. Поэтому нас сейчас попытаются уничтожить во что бы то ни стало.

И главное: противник исключительно верткий и опытный попался! Я во время нашего

бегства вроде ни одного из них так и не смог завалить, зато сам получил сильный порез руки от осколка разорвавшегося ВОГа. Не смертельно, но болюче. И мокрый рукав не добавлял оптимизма. С другой стороны — хорошо что не в ногу прилетело, иначе совсем бы кирдык настал...

А когда к прытким карателям присоединились еще штук пять полицейских, нас зажали окончательно. Точнее не зажали, а выдавили из станицы. И, блин, все так неожиданно произошло! Вроде только что вокруг были деревья с частными домами, которые прикрывали от обстрела, и вдруг бац: дома закончились, а вокруг расстилается степь с рощей вдалеке да вьется лента дороги, уходящая к сопкам. Я на секунду застыл в растерянности, но, увидев возле дороги маленькое здание полицейского поста, заорал:

— Поднажмем!!

До него было метров четыреста чистого пространства, и спина в этот момент особо остро ощутила свою незащищенность. Только рефлексии рефлексиями, а в следующее мгновение наши ботинки дробно стучали по подсохшей земле, и я, глядя на ужасно медленно приближающееся строение, отсчитывал про себя секунды. Исходил из простого расчета — каратели хоть и висели на хвосте, но сразу после прекращения нашего огня вперед не рванут. Значит, прежде чем начнется стрельба, где-то с полминуты у нас есть. Поэтому, досчитав до тридцати, я прохрипел:

— Влево, в кювет!

И обдирая руки, нырнул в загаженную мусором придорожную канавку. Глубиной она была сантиметров пятьдесят, да еще и с пологими склонами, но это как ни крути — укрытие. А самое приятное, что тянется это укрытие почти до нужного места.

Еще секунд десять наша троица, шумно пыхтя, резво двигалась на четырех конечностях, а потом в края канавы стали впиваться пули. Мы тут же упали на живот, переходя с бега на четвереньках на ползание по-пластунски. Обстрел нарастал, и Цыган, ругнувшись, вывалил пулемет наверх, после чего, короткими, злыми очередями, принялся остужать разгорячившихся карателей. Отползая метров на тридцать дальше, я крикнул ему:

— Уходи!

И стал вносить свою лепту в прореживание противника. Удалось даже подстрелить какого-то особо неосторожного полицейского, который как дятел долбил с одной точки, даже не думая менять позицию.

Вот так постепенно мы и добрались до места. Правда, канава заканчивалась метров за сорок до поста, но такое плевое расстояние преодолели одним рывком, заскочив в укрытие. Бетонный блок своей конструкцией предусматривал круговую оборону, поэтому, проникнув внутрь, мы тут же встали возле окошек-бойниц, приготовившись показать оборзевшим преследователям, кто в доме хозяин. Но каратели были не дураки и по чистому полю атаковать не собирались. Более того, судя по плотности огня, последние несколько минут против нас работал только один пулеметчик и пара автоматчиков. Да и те, стоило нам скрыться из виду, почти сразу прекратили стрельбу. А куда остальные делись? Блин, похоже, просто вернулись назад. Поняв это, я сплюнул:

— Вот суки! Они ведь почти все смылись! И наших там продолжают долбить! Что делать будем?

Федька, осмотрев свой сектор и убедившись в отсутствии противника, выдохнул:

— Отдыхимся для начала, — почмокав губами, добавил: — Пить охота. У тебя нет?

Я развел руками:

— Бутылки в детском саду остались, а фляги нам и не давали...

Тут Прядили, пытающийся прихватить куском какой-то проволоочки висящий на филевой части лоскута, обратил внимание на мою руку:

— Зацепило?

— Немного.

— Перевязать?

— Не, не стоит. Там рукав футболки все залепил, и кровь уже не идет. А отдирать

насухую начнем, только хуже будет. Ты вон лучше штанами займись, а то на эксгибициониста похож. Неуловимый, блин, сверкач! Мы поэтому и оторваться не могли, потому что ваша, товарищ майор, волосатая ляжка светила своей загадочной синевой за квартал!

Цыган, услышав сей пассаж, хрюкнул, а Игорь, продолжая свое занятие, миролюбиво пробурчал:

— Зато не жарко. Поддувает опять-таки замеча...

Вдруг майор замолчал, и у него стало дергаться веко. Прижав глаз пальцем, он подскочил к боковому окну и шикнул, призывая к тишине. А потом глухим голосом спросил:

— Вы слышите?

Твою мать! Только не это! Когда он в последний раз интересовался моим слухом, дело закончилось прибытием танкового взвода. Неужели и сейчас будет та же хрень?

Но все оказалось гораздо хуже. Вдалеке, там, где дорога проходила по холму, появился БТР-90, с характерной оглоблей тридцатимиллиметровой пушки. А за ним потянулись, переваливая через бугор и исчезая из вида, три тентованных «Урала». Сзади, на прицепе, у них болталось что-то сильно напоминающее минометы. Ну вот и хана...

Я уже открыл рот, чтобы озвучить свою пессимистическую мысль, но Ступка меня хрипло опередил:

— Пипец... — и как-то встряхнувшись, другим голосом продолжил: — Короче, мужики, у нас остался один «Аглень», и я гарантирую, что этот бэтэр в станицу не пройдет! Гарантирую! А вы уходите вон к тому оврагу. До него меньше километра, так что успеете...

Эти слова меня сильно обозлили, и я, показав другу дулю, прошипел:

— Щаз! Только шнурки поглажу! Герой, жопа с дырой! Нам надо не просто девяностый повредить, а так им влупить, пока они походной колонной идут, чтобы как можно больше козлов на тот свет отправить! А один ты этого не сможешь сделать!

Прядилилин меня поддержал:

— Правильно! Если броню выбить, они нас отсюда минут двадцать выколупывать будут. А если учесть, что помощь нашим вот-вот должна подойти, эти двадцать минут могут стать решающими.

Только наш героический порыв был похерен с самого начала, так как БТР остановился в полукилometре, а к блоку легкой трусцой направилось человек десять пешей разведки. Цыган, припавший к пулемету, ругнулся сквозь зубы:

— От ведь твари хитрозадые! И что теперь? Они ведь из своей скорострелки эту хибару моментом раскатают.

А майор, внимательно глядящий на приближающихся людей, вдруг сказал:

— Не стрелять! — и видя наше недоумение, пояснил: — Посмотрите на их каски!

Глянув, я пожал плечами. Каски как каски. Обтянуты чехлами. Хотя... Блин, это русские каски! У карателей амеровские шлемы, очень похожие на «горшки» нацистов. А тут... хотя из-за чехлов форму толком не поймешь. Но очков на них точно нет. Для БОГСовцев такое нарушение неприемлемо. Они ведь почему не допускают вольностей и таскают на себе все предписанное уставом снаряжение? Да все просто — деньги! Если вдруг хоть какой-то детали снаряги на бойце не окажется, то страховая компания, в случае ранения, просто не оплатит страховку. С другой стороны — а вдруг это просто хитрость? Ну как тот проезд под красным флагом?

Но пока я соображал, Игорь для себя уже все решил. Прислонив оружие к стене, он достал гранату и сказал:

— Пойду посмотрю, что это за люди.

Ступка опешил:

— Ты чо, сбрендил?

Я его поддержал:

— Не глупи! Поближе подойдут — разберемся ху из ху.

Чекист возразил:

— Может быть поздно. На нас ведь тоже не написано, что мы из Сопротивления. А если стрельба начнется, там уже не до разговоров будет, — подмигнув, добавил: — Ну, вы, если что, за меня отомстите!

Сказав это, Прядилин широким шагом вышел наружу и, помня о пулеметчике в станице, двинул, прикрываясь зданием блокпоста, в сторону колонны. А мы с Федькой, в два ствола, стали вести приближающихся разведчиков. Впрочем, те, увидев человека, тут же припали на колени, практически исчезнув из поля зрения. Игорь же шел и шел, выдавая напряжение лишь неестественно прямой спиной. Потом он остановился, и какое-то время ничего не происходило. А потом... потом ему навстречу поднялся боец. Вот они стоят рядом. А вот повернулись и пошли к нам! Цыган посмотрел на меня неверящими глазами:

— Твою терибаблю, неужели наши?! — А еще через полминуты, когда парочка подошла поближе, Ступка заорал: — Ё-моё! Это же «Волкодавы» на помощь пришли!

* * *

Станица была полностью зачищена от врага ближе к вечеру. Последним из них, запертым в трехэтажном здании, предложили сдачу, а после отказа (каратели отлично понимали, что в лучшем случае им светит только гуманная пуля) просто расстреляли дом из пушки. А потом еще и добавили несколько залпов «Шмелями». Для верности. Потери у нас и так были страшные, не хватало еще людей терять после победы. Защитников станицы из местных, стоящих на ногах, к тому времени оставалось человек двадцать. Да и тех, кто ранним утром уходил на блокирование дороги, тоже сильно потрепали. У них еще та мясорубка приключилась, когда колхозники, несколько часов, считай в чистом поле, сдерживали натиск двух рот противника, который рвался в Заречное с востока.

Но зато теперь стало известно, что организованное сопротивление «общечеловеческого» режима сломлено по всей России, а его карательные части практически полностью уничтожены. Час назад смирновцы подавили последний оплот демократии в Ростове.

Эти новости принес в госпитальную палатку Прядилин, успевший уже где-то сменить свои драные джинсы на армейский камуфляж. Мы как раз сидели возле очухавшегося и довольно бодрого Чижа, ехидно обсуждая новый облик Дубинина. Костя, который вовремя сообразил слинять из расстреливаемого здания, имел красную физиономию, на которой полностью отсутствовали ресницы и брови. На голове же присутствовали большие проплешины, и Корнет до сих пор вонял жженым волосом. Его обшмалило, когда Дубинин, уходя от обстрела, проскочил через горящую хату. И теперь вся палатка, слушая его рассказ и глядя на креативную прическу, ржала от души. Спросите, чего тут смешного? Да ничего. Просто мы все были живы и нам было хорошо.

А тут еще майор с отличными новостями появился. И не просто с новостями, а с бутылкой водки, которую поделили на всех раненых. На нос получилось грамм по пятьдесят. Но только решили добавить, как пришел фельдшер, развозникался и всех лишних выгнал. Поэтому мы расположились на лавочке за мэрией. Здесь было тихо: никто не орал, не плакал, не смеялся, не матерился в горе или радости. Здесь же мы и приговорили на четверых еще одну бутылку. Молча. Видно, откат пошел после сегодняшнего сумасшедшего дня. А когда курящие закурили, Прядилин, до этого разглядывающий что-то в темном небе, вдруг сказал:

— Мужики, а ведь сегодня наш главный день.

Цыган удивился:

— В смысле?

Все тоже заинтересовались непонятными словами, и Игорь объяснил:

— Понимаете, просто у каждого есть такой день. Для кого-то это день свадьбы, для кого-то рождение ребенка, для кого-то обретение настоящего друга. Но все эти события касаются одного человека или очень небольшой группы людей. А сегодня мы, всем миром,

изменили историю. Понимаете? Не кто-то, где-то или когда-то, а именно мы и именно всем народом! Поэтому я и говорю, что сегодня наш общий главный день.

Костя, осторожно почесав опаленный затылок, спросил:

— А как же Девятое мая?

Майор кивнул:

— Да, это тоже главный день. Но его сделали наши прадеды. А этот — мы! И самое главное, теперь лишь от нас зависит, какая жизнь настанет.

Я вздохнул:

— А какая? Что-то я ни одного строя не припомню, когда бы люди в России нормально жили. Царь? Несерьезно. Коммунисты? Ну ближе к концу правления еще более-менее, а потом они умудрились просрать все, что имели. Демократы? Про этих я вообще молчу. Людоеды, по-другому не скажешь. И что нам светит?

Прядилилин усмехнулся:

— Для тебя что, название строя это самая важная вещь? Какая разница, какой там «изм»? Я же говорю, что сейчас все будет зависеть от нас. От тебя, от меня, от Федора, от Константина. И от десятков миллионов других наших людей. Именно мы делаем историю и жизнь, которой будем жить. Так что работы у нас непочатый край! Эх, — Игорь потянулся, — а ведь еще с «турником» твоим разобраться надо...

Тут майор отставил мечтательный тон и сказал:

— Кстати, насчет портала: завтра нам дают два отделения «Волкодавов» и БТР-90. Они сопровождают нас до Михеевки и будут ждать сутки, на выезде из деревни. Так что поехали к Митричу: мыться, ужинать и отбиваться.

А когда мы шли к машине, Игорь, дружески пихнув меня в плечо, спросил:

— Ну что, Серега, готов к работе?

Я кивнул:

— Да как пионер — всегда готов!